НЕТ РЕЛИГИИ ВЫШЕ ИСТИНЫ

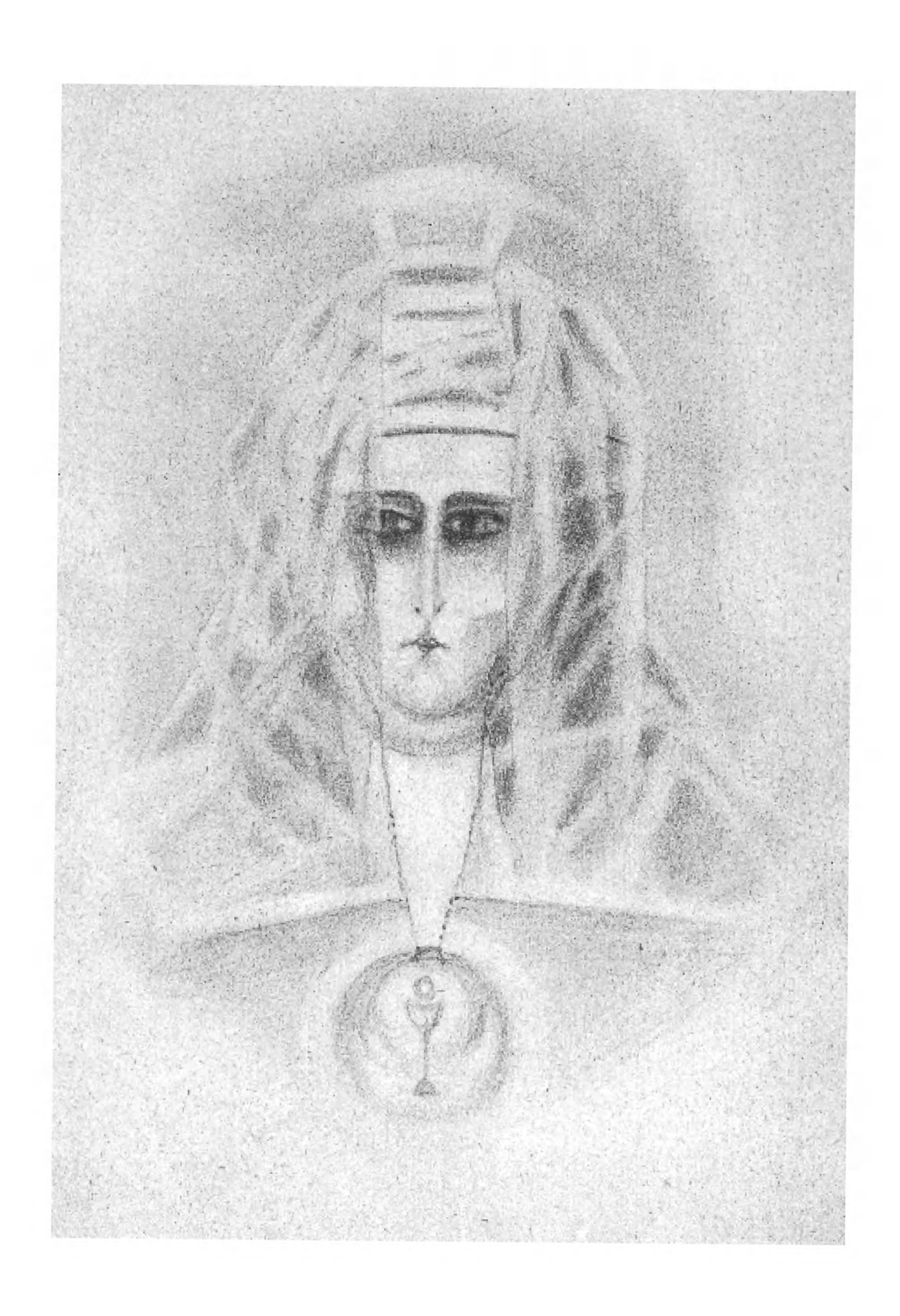

Вестник Теософии

1994 №1-2

Satyat Nasti Paro Dharmah

В.Т.Черноволенко
Видение, 1931, бумага, карандаш.

Российское
Теософское Общество

Вестник Теософии

№ 1-2 (2)

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ
НАУЧНО-РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

1994

ИЗДАВАЛСЯ В 1908-1918 ГОДАХ

ВОЗРОЖДЕН С 1992 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

Наследие теософской мысли

Е. П. Блаватская — Три желания 4
Пустые ли видения сны? 7

Источники

Ригведа — Гимн о сотворении мира 11
Пражна Упанишада 12
Триады бардов 17

Религия

А. Безант — Мистицизм 22

Оккультизм

Свами Вивекананда — Психологические основы Оккультизма 25
Ю. И. Фудько — Некоторые аспекты Теософии в восточнославянской народной культуре 29

Тайны истории

Н. Гернет — В Святом Святых Славян 31

Философия

А. Ю. Тюрин — Концепция человека в древнем Китае 35

Культура и искусство

М. Ф. Дроздова-Черноволенко, Ю. В. Линник — Художник в неэвклидовой вселенной 46
А. И. Бандура — Александр Николаевич Скрябин 53

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «СФЕРА», 1994

Проза

Андрей Балу — Боян 64
Звезды 67

Поэзия

Марина Мелихова — Начало 16
Николай Клюев — Земля и железо 34
Неизвестный автор — “Омывающая, очищающая, спасительная...” 69
Даниил Андреев — Песнь о Монсальвате 70

История Теософии

А. А. Каменская — Дневник теософа 85
Л. В. Бычихина — «Школа Мудрости» в Адияре 90

Страницы редакции

От редакции 3
Российское Теософское Общество — Хроника деятельности 92
Издательство «Сфера» РТО: хроника деятельности, издательский план, услуги читателям 94
Наши авторы 95

CONTENTS

On behalf of the Editorial Staff. — *H.P. Blavatsky*. Three purposes. Are dreams but idle visions? — Rig-veda hymn on the universe creation. — Prajna Upanishad. — The Triads of bards. — *A. Bezant*. Misticism. — *Swami Vivekananda*. Psychological foundations of occultism. — Yu.*I. Fudjko*. Some aspects of Theosophy in eastern-slavic folk culture. — N.*Gernet*. Within holy of holies for the slavs. — *A.Yu.Tyurin*. The ancient china concept on man. — *M.F. Drozdova-Chernovolenko, Yu.V. Linnik*. The artist within the realm of non-euclid universe. — *A.I. Bandura*. Alexander Scriabin. — *Andrei Balu*. The Boyan. The stars. — *Marina Melikhova*. The Beginning. — *Nicholas Klyuev*. The earth and irion. — *The unknown author*. “The washing, cleansing, salutary...”. — *Daniel Andrejev*. The song on the Monsalvate. — A.*A. Kamenskaya*. The theosophist's diary. — *L.V. Bychikhina*. The School of Wisdom in Adyar. — The Russian Theosophical Society. Chronicle of activities. — The Publishing House “Sphere” of R.Th.S; Chronicle of activities, the service for readers, the Publisher's Plan. — The authors, presened here.

Дорогие друзья!

Наш журнал продолжает выход в свет после вынужденного годичного перерыва. В этом году будут выпущены два номера, и мы рассчитываем на регулярный ежеквартальный выход с 1995 года.

В программе журнала: классическое наследие и новые разработки Теософии; источники и материалы по сравнительному религиоведению, оккультизму и духовно-мистическим исканиям прошлого и настоящего; естественнонаучные, парапсихологические и оккультные исследования в области скрытых сторон природы и человека; художественная литетура и поэзия.

Вы познакомитесь с неизвестными Вам произведениями Е.П. Блаватской, Н.К. и Е.И. Рерихов, Д. Кришнамурти, Фр. ла Дью, С. Вивекананды; получите возможность работы с книгами Гермеса и орфическими гимнами, Упанишадами и апокрифическими Евангелиями, а также материалами славянских эзотерических традиций; войдете в удивительный мир духовно-мистической поэзии и прозы В.Ф. Одоевского, К.Е. Антаровой, В.И. Крыжановской, М.А. Волошина, Н.А. Клюева.

Мы будем рады предложить Вашему вниманию как архивные материалы, мемуары и наследие русской и зарубежной эзотерической мысли и художественного творчества, так и новые исследования, а также произведения ныне пишущих литераторов. Будет продолжена постоянная рубрика истории русского теософского движения. Постепенно мы надеемся обрисовать в основных чертах исторические судьбы зарубежного движения и картину его современного состояния.

С этого номера мы открываем непременное присутствие на страницах журнала произведений изобразительного искусства, которое несомненно является одной из принципиально важных составных частей теософского синтеза миропонимания. Не имея возможности воспроизведения цветных репродукций, мы останавливаем свой выбор на черно-белой графике, которую мы сможем представить Вам с удовлетворительной степенью соответствия оригиналу. В ближайших номерах Вас ждет продолжение знакомства с рисунками В.Т. Черноволенко, графикой Н.К. Рериха и М.К. Чюрлёниса, творчеством наших современников.

Портфель редакции полон самыми разнообразными материалами. Мы сердечно признательны всем, кто присылает нам собственные исследования, художественные произведения и переводы, те или иные, оказавшиеся в их распоряжении материалы. Редакция приглашает к взаимозаинтересованному сотрудничеству всех исследователей, литераторов и переводчиков, работающих в сфере эзотерической культуры, а также хранителей государственных, общественных и частных архивных фондов.

Надеемся, что журнал будет добрым и интересным собеседником и полезным помощником всем ищущим Правды и Мудрости.

Е. П. Блаватская

Три желания

Правила эти начертаны для всех учеников: внимай им.

Прежде чем очи увидят, они должны быть недоступны слезам.

Прежде чем ухо услышит, оно должно утратить свою чувствительность.

Прежде чем голос может заговорить в присутствии Учителей, он должен утратить способность наносить боль.

Прежде чем душа может предстать перед Учителем, стопы ее должны быть омыты кровью сердца.

1. Убей в себе честолюбие.

2. Убей желание жить.

3. Убей желание утех.

4. И трудись, как трудятся честолюбцы. Чти жизнь, как чтут ее те, которые желают жить. Будь счастлив, как те, которые живут для счастья.

На первый взгляд три первые правила «Света на Пути» должны показаться настолько различного характера, что трудно уловить их связь. Связь между ними чисто духовная. Честолюбие есть высшая ступень личной деятельности, достигаемой разумом, и в нем есть нечто благородное даже для оккультиста. Покорив в себе желание стать выше своих товарищей и разбирая свои личные желания, страстный искатель духовного пути находит, прежде всего, в себе жажду жизни. Ибо все то, что обыкновенно называется желанием, уже давно было покорено, пережито или забыто, прежде чем началась эта неустанная духовная брань. Желание жизни есть всецело духовное желание, а не ментальное; и, встречаясь с ним, человек встречается со своей собственной душой. Немногие пытались посмотреть ему в лицо; еще меньше число тех, которые могут угадать его значение.

Такова связь между честолюбием и желанием жизни. Редко бывают честолюбивы те люди, в которых сильны животные страсти. То, что обыкновенно принимается за честолюбие в людях с сильным физическим организмом, есть чаще всего проявление большой энергии для того, чтобы добиться полного удовлетворения физических желаний. Чистое, простое честолюбие есть стремление мысли вверх, проявление врожденной интеллектуальной силы, которая возвышает человека над равными ему.

Подниматься, превосходить других в чем бы то ни было, в каком-нибудь отделе искусства, науки или мысли, есть самое сильное стремление тонко и высоко настроенных душ. Это нечто совсем иное, чем жажда познания, которая всегда делает человека учеником — вечно учащимся, какого бы величия он ни достиг. Честолюбие возникает не из любви к чему-либо, но из чистого себялюбия: «*Я* хочу знать, *я* хочу подняться, и моей собственной силой».

> «Кромвель, заклинаю тебя, беги честолюбия;
> Через этот грех и ангелы падали».

Завоевание положения, в смысле которого слово «честолюбие» первоначально употреблялось, отличается по степени, а не по существу, от того более

отвлеченного значения, которое теперь обыкновенно приписывается ему. Поэта считают честолюбивым, когда он пишет для славы. Это правда, так оно и есть. Он, быть может, не ищет места при дворе, но он, конечно, добивается самого высокого положения, которое ему только известно. Мыслимо ли, чтобы какой-нибудь великий писатель был бы действительно анонимным и остался таковым? Человеческий разум возмущается теорией Бэконовского авторства Шекспировских произведений не только потому, что это делает из Бэкона чудовище, непохожее на другие человеческие существа. Для обыкновенного ума непостижимо, чтобы человек мог так бесцельно скрывать свой свет.

Но для оккультиста понятно, что великий поэт может быть вдохновляем другим, еще более великим, чем он сам, стоящим вдали от мира и от всякого соприкосновения с ним. Такой вдохновитель должен был бы победить не только честолюбие, но и отвлеченное желание жизни, прежде чем он стал бы способным исполнить такую великую незримую работу. Потому что ему пришлось бы расстаться на веки со своим произведением, как только оно появилось бы в мире; оно никогда не принадлежало бы ему.

Человек, который может представить себе, что он перестал предъявлять какие бы то ни было требования миру и не желает ни брать от него, ни доставлять ему наслаждений, может иметь слабое представление о душевном состоянии, которого достиг оккультист, расставшись с желанием жизни. Не думайте, что это значит, чтобы он никогда не давал и не брал наслаждений; он делает то и другое, поскольку он живет. Великий человек, полный деятельности и мысли, ест с удовольствием свою пищу; он не вкушает ее мысленно и не думает о ней, вкусив ее, подобно жадному ребенку или просто обыкновенному гастроному. Это очень грубый пример, но иногда эти простые иллюстрации помогают уму лучше каких-либо других. По этой аналогии легко видеть, что опытный оккультист, который работает в миру может оставаться совершенно свободным от желаний, и тем не менее принимать и с интересом отдавать его успехи. Он достиг возможности давать более, чем принимать, потому что он не способен ни на страх, ни на разочарование. Он не боится ни смерти, ни того, что называют уничтожением. Он не может чувствовать разочарования, так как хотя он и испытывает удовольствие необыкновенно сильно и остро, но для него безразлично, наслаждается ли он им сам или кто-либо другой. Это чистое простое наслаждение, не омраченное личным стремлением или желанием. То же самое относится и к тому, что оккультисты называют «прогрессом» — т.е. восхождение со ступени на ступень познания. Во всякой школе внешнего мира соревнование есть главное поощрение к успеху. Оккультист, напротив, не способен сделать ни малейшего шага, пока не приобретет способность относиться к прогрессу, как к отвлеченному действию.

В каждую данную минуту кто-нибудь должен стать ближе к Божеству; прогресс должен быть непрерывен. Но ученик, который желает быть именно этим прогрессирующим впереди всех человеком, может отложить всякую надежду на прогресс. Никогда не должен он также предпочитать прогресс другого своему и оставить всякую мысль о какой-то заместительной жертве.

Такие мысли в некотором смысле бескорыстны, но они существенно характеризуют тот мир, в котором существует разделение, и где на форму смотрят как на нечто имеющее свою собственную цену. *Форму человека можно рассматривать так, как будто ни одна искра Божества не обретала в ней: ибо в любой момент искра эта может покинуть определенную форму и перед нами останется один вещественный признак того человека, которого мы знали.*

Напрасно душа после первого шага в оккультизме цепляется за старые мысли и верования. Время и пространство не существуют, они существуют только в практической жизни для удобства. То же самое можно сказать и о дифференциации единого божественно-человеческого духа во множестве людей на земле. Розы имеют свой собственный цвет, а лилии — свой; никто не может объяснить, почему это так, когда то же солнце, тот же свет дает краску каждому. Природа неразделима. Она облачает землю, и когда это покрывало сдернуто, она выдерживает свое время и вновь одевает ее. Окружая землю, подобно атмосфере, она сохраняет ее вечно горячей и молодой, влажной и светлой. Подобно огненному духу, человеческий дух окружает землю, живет над природой, поглощает ее,

иногда бывает поглощен ею, но в общем всегда остается более эфирным и возвышенным, чем она. Как индивидуум, человек сознает огромное превосходство природы; но когда он доходит до сознания, что он — часть неделимого и нерушимого Целого, тогда он познает также и то, что это Целое стоит выше природы. Вид звездного неба повергает в ужас человека, достигшего ровно настолько сверхличности, чтобы сознавать свою собственную ничтожность, как индивидуума; оно почти что подавляет его. Но дайте ему испытать ту мощь, которая исходит от сознания себя частью богочеловеческого духа, и ничто не будет более способно подавлять его своим величием. Если бы даже колеса неприятельской колесницы прошли по его телу, то он забыл бы, что это его тело и вновь встал бы на борьбу вместе со своей собственной армией. Но этого состояния нельзя достигнуть, к нему нельзя даже приблизиться, пока последнее из трех желаний не покорено, также, как и первое. Все три должны быть вместе постигнуты и преодолены.

«Удобство» на языке оккультистов вполне понятное слово. Для неофита нет никакой надобности искать неудобств или отдаваться аскетизму, подобно религиозным фанатикам. Он может дойти до того, что будет отдавать предпочтение лишениям, и тогда они сделаются его комфортом. Бесприютность есть то условие, которому посвящает себя религиозный брамин; и по внешней религии считается, что такой брамин исполняет свой обет, если он покидает жену и ребенка и делается бесприютным нищим странником. Но все внешние формы религии — те же формы комфорта, и люди, дающие обет воздержания, действуют в том же духе, в каком они вступают в какой-нибудь товарищеский союз. Разница между этими двумя сторонами жизни только внешняя. Та бесприютность, которая требуется от неофита, вещь гораздо более жизненная. От него требуется уступка его права выбора или желания. Обитая с женой и ребенком под семейной кровлей и исполняя обязанности гражданина, неофит, в эзотерическом смысле, может быть более бесприютным, чем будучи странником или изгнанником. Первый урок практического оккультизма, который дается посвященному ученику, состоит в выполнении всех непосредственных ближайших обязанностей с той же утонченной смесью энтузиазма и бесстрастия, с какой ученик чувствовал бы, вообразив себя властелином миров и правителем судеб. Это правило встречается в Евангелии и в Бхагавад-Гите. Непосредственная работа, какова бы она ни была, содержит в себе отвлеченное требование долга, и относительная важность или маловажность ее не имеют никакого значения. Но закона этого нельзя исполнить, пока не будет разрушено навеки всякое стремление к утехам жизни. Беспрестанные самоутверждения личного я должны быть отброшены навеки. Они столько же обладают данными свойствами, как и желание иметь известный баланс в банке или удержать расположение любимого лица. Они одинаково подвержены земным изменениям; даже более того, потому что неофит, делаясь неофитом, просто входит в темницу. Перемена, разочарование, отчаяние, безнадежность окружают его по первому зову, потому что он желает быстро выучить свои уроки. И по мере того, как он будет изгонять из себя все это зло, оно будет замещаться другим еще худшим: страстное стремление к обособленной жизни, к ощущениям, к сознанию своего собственного роста налетят на него и опрокинут ту слабую преграду, которую он воздвиг себе. И никакая преграда, будь то аскетизм или отречение, ничто отрицательное не устоит ни на одну минуту против этого могущественного наплыва чувств. Единственная преграда может быть построена из новых желаний. Напрасно стал бы думать неофит, что может уйти за пределы сферы желаний. Это невозможно, пока он еще человек. Природа должна приносить цветы, пока она Природа; человеческий дух сразу утратил бы свое равновесие в этой форме существования, если бы не продолжал желать. Индивидуальный человек, как существенная часть этой жизни, не может мгновенно выбросить себя из нее. Он может только изменить в ней свое положение. Человек, в котором интеллектуальная жизнь преобладает над животной жизнью, поднялся над обыденностью, но он все же пока останется еще во власти желания. Если ученик рассчитывает одним только усилием сделаться безразличным, то результатом будет его падение в бездонную пропасть. Овладевайте новой цепью желаний, более чистых, широких, благородных, и тогда твердою стопою ступите на лестницу. Только на последней и высочайшей ступени лестницы, у

самого входа в Божественную жизнь, возможно удержать то, что не имеет ни материи, ни существования. Первая часть «Света на Пути» подобна музыкальной струне; ноты должны звучать все вместе, хотя каждая из них должна быть тронута отдельно. Изучайте и приобретайте новые желания, прежде чем выбросите старые, иначе вы погибнете в буре. Человек, пока он человек, имеет в себе материю и нуждается в опоре, в какой-нибудь мысли, которой он мог бы держаться. Но пусть это будет возможно меньшая опора. Учитесь, подобно акробату, медленно и осторожно, чтобы сделаться более независимым. Прежде чем расстаться с демоном честолюбия, с желанием чего-нибудь, хотя и утонченного и возвышенного, вне вашего Я, овладейте желанием найти свет мира внутри себя самих. Прежде чем отбросить желание сознательной жизни, научитесь желать недостижимого или, говоря иначе, того, что можете достигнуть лишь теряя личное сознание. Зная, что цель ваша такого высокого характера, что она не даст вам ни сознательного успеха, ни утех, что никогда не достигнете вы через нее в вашем временном личном Я какого-либо места отдохновения или приятной деятельности, вы урезаете всю силу и могущество желаний низшей астральной природы. Ибо, поняв эти факты, какое может быть еще желание обособленных ощущений или роста?

Оружие воина, который встает сражаться за вас в битве, описанное во второй части «Света на Пути», подобно рубашке счастливого человека в старинном рассказе. Король мог быть вылечен от всех своих недугов, проспав в такой рубашке; но, когда нашли счастливого человека в его королевстве, то он оказался нищим, беззаботным, бесстрашным — и без рубашки. Таков и божественный воин. Никто не может пользоваться его оружием, потому что его у него нет. Король не мог найти счастья, подобного счастью беззаботного нищего. Мирянин, как бы утонченно ни было его воспитание, скован тысячью мыслей и чувств, которые должны быть отброшены прежде, чем он может стать на пороге оккультизма. И заметьте это, он скован, главным образом, тем оружием, которое он носит и которое обособило его. Он обладает еще личной гордостью, самопочитанием. Все это должно умереть вместе со смертью личности. Процесс, описанный в первой части «Света на Пути», состоит в сбрасывании навеки этой скорлупы или вооружения. Тогда восстает воин безоружный, беззащитный, безобидный, отождествляющий себя с обидчиками и обиженными, гневающимися и прогневляющими, сражающийся не за одну из враждующих сторон, но за Божественное, которое стоит выше всего.

Перевод с английского М.Жук.

Пустые ли видения сны?

«Сны — это лишь розыгрыши фантазии», — говорит Драйден (может быть для того, чтобы показать, что даже поэт может иногда подчинить свою музу претендующему на научность предубеждению).

Примеры предвидений во сне, приведенные выше (в письме, адресованном «Теософисту»), — это как раз те случаи, которые можно принять как исключения из мира сновидений; большинство же снов, конечно, лишь «розыгрыши фантазии». Материалистическая, сухая наука высокомерно игнорирует подобные исключения, ведь исключения подтверждают правило, и потому Ее Величество Наука старательно избегает ставящей ее в затруднительное положение задачи объяснения этих исключений. Действительно, если хотя бы один-единственный пример упорно избегает классификации как «случайное совпадение» (что так ужасно любят делать скептики), тогда пророческие, подтвержденные сны требовали бы полного пересмотра физиологии. Как и в отношении физиологии, признание и принятие наукой пророческих снов (а значит и признание требований теософии и спиритуализма) определенно, «повлекло бы за собой образование

новых образовательной, социальной, политической и теологической наук». Отсюда резюме: Наука никогда не признает ни снов, ни спиритуализма, ни оккультизма.

Человеческая натура — это бездна, которую физиология (и, конечно же, современная наука) понимает менее глубоко, чем иные, никогда не слышавшие этого слова — физиология. Никогда еще высшие цензоры Королевского Общества не были так обескуражены, как теперь, оказавшись лицом к лицу с неразрешимой тайной — внутренней природой человека. Ключ к ней — двойственность человека. Но они отказываются использовать этот ключ, полагая, что если однажды дверь в святаясвятых открылась легким рывком, то они вынудят раскрыться одну за другой и скрывающиеся за ней сокровенные теории. А ведь сколько раз уже было доказано, что такой подход не более, чем самоуверенность, отталкивающаяся от ложных предпосылок. Если мы должны оставаться удовлетворенными половиной объяснений физиологии, касающихся ничего не значащих снов, то как же быть со множеством подтверждающихся сновидений? Говорить, что человек двойственен, что у человека, говоря словами Павла, «есть натуральное тело, и есть тело духовное» и что, следовательно, он должен обладать двойным комплексом чувств — по мнению ученых скептиков, значит впадать в непростительное и самое ненаучное заблуждение. И все же, несмотря ни на что, науке в него придется впасть.

Человек, несомненно, наделен двойным набором чувств; естественными или физическими чувствами: (они полностью теряются во время смерти) и субъестественными или духовными чувствами (целиком относимыми к области психологии). Слово «суб» нужно понять правильно; здесь оно употреблено в смысле диаметрально противоположном обычному, как в химии, например.* В нашем случае это приставка как «субтональный» или «суббас» в музыке. Действительно, как и сложный звук природы изображен одним определенным тоном, ключевой нотой, звучащей в вечности; как сложный звук природы имеет неоспоримое существование *сам по себе* и даже обладает определенной высотой, уловимой лишь людьми «с очень тонким слухом»** — точно также и определенная гармония или дисгармония внешней натуры человека видится наблюдателю целиком зависящей от ключевой ноты, посредством которой *внутренний* человек влияет на *внешнего.* Это и есть Эго или Я спиритуалистов, служащее фундаментальной основой, определяющее тон всей жизни человека — этого наиболее капризного, неопределеннейшего и разнообразнейшего из всех инструментов, который как ничто другое нуждается в постоянной настройке; это его единственный, неповторимый голос, который как суббас органа подчеркивает мелодию всей его жизни, будут ли ее ноты чистыми или фальшивыми, гармоничными или же беспорядочными, *legato* или *pizzicato.*

В добавление к физическому, у человека есть также и духовный мозг. С одной стороны, первый из них полностью зависит от объема, а значит и от своей физической структуры и развития; с другой — он полностью подчинен последнему, так как лишь духовное Эго (вследствие большей близости к двум высшим основам***, чем к своей физической оболочке) может передать внешнему мозгу ощущения вещей чисто духовных или нематериальных. Следовательно, передача впечатлений полудуховного мозга, слышимых им слов, его чувств спящему физическому мозгу внешнего человека зависит от чувствительности в ментальной области его внутреннего Эго. Чем более развиты духовные способности последнего, тем легче ему разбудить спящие полушария, тем проще вызвать к деятельности нервные узлы и мозговые клетки и передать физическому мозгу (всегда абсолютно бездеятельному во время глубокого сна) воспринимаемые им живые картины. У чувственных, неодухотворенных людей, образ жизни, животные привычки и страсти которых совершенно разобщили их пятый принцип или животное астральное Эго с их высшей духовной душой, так же как и у тех, тяжелый физический труд которых настолько истощил их материальное тело, что они постепенно стали невосприимчивы к голосу своей астральной души —

* В химической терминологии на английском языке приставка «суб» означает недостаток в смеси какого-либо компонента. — *Прим. пер.*

** Специалисты сходятся на том, что этот тон — среднее Фа рояля.

*** Шестой принцип, или духовная душа, и седьмой — чисто духовный принцип, Дух или Парабраман, эманация непознаваемого Абсолюта. (см. «Fragments of Occult Truth», Theosophist, окт. 1881)

в обоих случаях во время сна мозг остается в состоянии полной анемии или полной пассивности. Такие люди если и видят сны, то очень редко. Когда приближается время пробуждения, и сон становится легче, первые, в результате психических изменений, могут видеть сны, в создании которых высший интеллект не принимает никакого участия; их полусонный мозг наполняется картинами, которые являются лишь туманными отображениями их привычек и поступков в жизни. У вторых же (если только они не захвачены какой-либо исключительной идеей) их неусыпный инстинкт деятельных привычек не дает им задержаться в этом состоянии полусна, в котором, как только сознание начинает возвращаться, появляются различные видения, но люди тут же просыпаются. С другой стороны, чем более духовен человек, чем живее его воображение, тем больше у него возможностей воспринять впечатления, передаваемые ему его всевидящим, недремлющим Эго. Его духовные чувства, не встречая препятствий от чувств физических, как это происходит на материальном плане, находятся в близком контакте с высшим духовным принципом. Этот принцип (хотя и является почти бессознательной частью совершенно бессознательного, ибо совершенно *нематериального* Абсолюта*), несущий в себе возможности всезнания, всемогущества и вездесущности, как только его чистая эманация приходит в соприкосновение с чистой, возвышенной и неощутимой (для нас) материей, передает присущие себе способности чистому астральному Эго. Причем степень наделения Эго этими качествами зависит именно от его чистоты. Потому высоко духовные люди могут наблюдать видения и сны не только когда они спят, но и в часы бодрствования. Это очень чувствительные личности, прирожденные ясновидящие, довольно неточно называемые сейчас «духовными медиумами». Это название не делает никакого различия между субъективными провидцами и адептами — теми, кто сделал себя независимым от своих физиологических особенностей, и кто полностью подчинил внешнего человека внутреннему. Те же, кто не обладает такими духовными возможностями, могут видеть такие сны довольно редко. Точность их видений зависит от силы чувства провидца к предмету наблюдений.

Наука бессильна перед фактом подтверждения некоторых снов, как и перед многими другими неразрешимыми для нее загадками, неразрешимость которых происходит от ее собственного упрямого материализма, от ее веками лелеянной рутины. То, что человек двойственен, что у него есть внутреннее Эго, являющееся «реальным» человеком, отличным и независимым от человека внешнего пропорционально слабости материального тела; Эго, восприятие которого проникает далеко за границы, очерченные для физических чувств человека; Эго, которое, по крайней мере, хоть ненамного, но переживает кончину своей внешней оболочки, даже если вся жизнь была посвящена злу, вследствие чего оно не сможет достичь совершенного слияния со своим высшим духовным Я, *т. е. соединения с ним своей индивидуальности* (*личность* в таком случае постепенно растворяется) — также как и свидетельства и доказательства миллионов людей, дошедшие к нам сквозь тысячелетия благодаря трудам сотен образованнейших людей, этих истинных светочей науки — все эти доказательства объявляются чепухой. За исключением горсточки научных авторитетов, окруженных карканьем скептиков, ничего не видевших, но, тем не менее, присваивающих себе право все отрицать, весь остальной мир называется гигантским сумасшедшим домом! И в нем даже есть специальное отделение. Оно приготовлено для тех, кто доказал глубину своего рассудка и все же должен смириться со званием самозванца и лжеца.

---

* Мы, конечно же, не сможем в рамках короткой статьи полностью разъяснить эту глубоко абстрактную, эзотерическую доктрину. Говорить, что Абсолютное Сознание «не осознает» своего сознания (а значит, для ограниченного интеллекта человека должно быть «Абсолютным Бессознанием») — всё равно, что говорить о квадратном треугольнике. Мы надеемся раскрыть этот вопрос более полно, и в ближайшей статье из серии «Fragments of Occult Truth» мы дадим удовлетворяющие непредубежденных исследователей доказательства, что Абсолют, или Безусловный и Несвязанный — это явная фантастическая абстракция и выдумка, если не принять к рассмотрению точку зрения и понятия более образованных пантеистов. Сделав же это, мы познаем Абсолют как совокупность всех интеллектов, как объединение всех существований, который не может проявлять себя иначе, как воссоединением своих частей, так как абсолютно непознаваем и просто не существует вне своих проявлений и полностью зависит от своих вечно взаимосвязанных сил, полностью подчиняется в своем существовании Единому Великому Закону.

Может материалистическая наука столь досконально изучила феномен снов, что в этом плане ей больше и нечего познавать, раз она говорит в таком авторитетном тоне? Ничуть. Конечно, проявление феномена чувства и воли, рассудка и инстинкта происходит с помощью нервных центров, главным из которых является мозг. Вещество, при посредстве которого происходит вся эта деятельность, имеет две структуры: пористую и волокнистую, из которых последняя служит лишь для передачи сигналов к пористому веществу или от него. И все же, даже когда эта физиологическая работа определена наукой и разделена на три функции: моторную, сенситивную и коннективную, загадочная деятельность интеллекта остается столь же таинственной, как и во времена Гиппократа. Предположение науки, что может существовать четвертая функция, связанная с мышлением, нисколько не разрешает этой проблемы; наука бессильна пролить хоть малейший луч света на эту непостижимую тайну. И она не постигнет ее никогда, если ученые не примут доктрину двойственности человека.

Перевод с английского А.Герасимова.

* * *

Что бы такое ни было то начало в человеке, которое чувствует, понимает, живет и существует, оно свято, божественно и потому должно быть вечно.

Цицерон

* * *

Человек есть тварь, которая получила повеление стать Богом.

Василий Великий

* * *

Многое чудесное и невероятное достойно беспристрастного рассмотрения и хладнокровного исследования; истины и премудрости только в Боге искать надлежит, путь к оным состоит в приближении к Божеству, и чем более мы открывать будем причины бытия вещей в Натуре, тем Божество будет являться нам достойнее поклонения, а законы Его святее и благотворнее.

Г. Эккартсгаузен

Ригведа

Гимн о сотворении мира

Изначальность

В том изначальном не существовали
Ни что-нибудь, ни тёмное Ничто.
Лазури светлой не было, ни кровли
Широко распростершихся Небес.
Что покрывало всё?
И где приют был?
Была ли там бездонность? Глубь Воды?
Там не было ни Смерти, ни Бессмертья,
Меж Днём и Ночью не было черты.
Единое одно, само собою,
Дышало без дыхания везде.
Всё было Тьмой, всё покрывал сначала
Глубокий мрак, был Океан без света.
Единая пустынность без границ.
Зародыш, сокровенностью объятый,
Из внутреннего пламени возник.
Любовь тогда первее всех восстала
В Сознании, из силы семенной.
В свои сердца глубоко заглянувшим,
Открылось мудрым, что в Небытии
Есть Бытия родство. И протянули
Они косую длинную межу.
Там был ли Низ? Там был ли Верх? Там были
Даятели семян, там были Силы.
Внизу самодержавность Бытия,
Вверху протяжность мощная Пространства.
Кто знает тайну? Кто её поведал?
Откуда Мир, откуда он явился?
Тех далей и Богам не досягнуть,
Они пришли позднее. Кто же знает?
Откуда, как возник весь этот Мир?
Откуда же Вселенная явилась,
Мир создан был или он был не создан?
Об этом знает только Он, Всезрящий,
Всё видящий с небесной высоты.
Иль, может быть, и Он того не знает?

Перевод Константина Бальмонта

Пражна Упанишада

Пражна (вопрос) Упанишада. Упанишада шести вопросов:

1 *вопрос*: О происхождении жизни и материи.
2 *вопрос*: О жизненной энергии.
3 *вопрос*: О Пране и ее пяти видах:
а) Высшая Прана, управляющая мозговыми функциями.
б) Апана, управляющая органами выделения и воспроизведения.
в) Самана, управляющая пищеварительными органами.
г) Вияна, управляющая органами кровообращения.
д) Удана, управляющая дыхательными органами.
4 *вопрос*: О сне и глубоком сне.
5 *вопрос*: О размышлении над священным словом.
6 *вопрос*: О шестнадцати частях Пуруши.

Вопрос первый

1. Сукеша Бхарадваиса, Изаибья Сайтьякама, Сурьяяни Гарсья, Каусалья Ащвалаяна, Бхаргава Вайдарбхи и Кабанди Катьяяна, — все они исполненные благоговения к Брахману, пребывая мысленно в Брахмане, горя желанием найти Брахмана, направились с древом[1] в руках к почитаемому Пиннале, уверенные, что он даст им нужные указания.

2. Обратясь к ним, Риши сказал: «Поживите еще год в подвиге, воздержании, вере и затем вопрошайте; по нашему разумению мы ответим».

3. Тогда[2] Кабанди Катьяяна, подойдя к Пиннале, сказал: «Учитель, поведай нам, откуда произошли все создания?»

4. Он ему ответил: «Творец, пожелав иметь потомство, совершил великий подвиг[3]. Совершивши его, Он создал Прану[4] и Раи[5], зная, что они два создадут многочисленное потомство.

5. Поистине солнце — Прана, а луна — Раи. Все, что мы видим, — Раи, грубые и тонкие тела, все — Раи.

6. Когда солнце восходит на востоке, лучи его будят жизненную силу на востоке, когда оно освещает юг, то приносит жизнь югу. На западе, на севере, вверху, внизу и посередине повсюду солнце лучами своими пробуждает жизнь.

7. Всюду проникшая разнообразная жизнь эта восходит, как огонь; об этом восхождении поет гимн:

8. «О Многоликий, Золотой, Всеведущий, горний приют, тепла и источник, свет Единый.

Стократный, с тысячью лучами, как жизнь творений — солнцем Ты восходишь».

9. То есть Творец! В нем две стези — южная и северная. Приносящие жертвы, делающие добро и исполняющие обряды, достигают лишь мира луны; они должны снова вернуться на землю. Знающий это и желающий иметь потомство, выбирает южную стезю, стезю отцов, она — Раи.

10. Шествуя по северному пути и стремясь к Атману подвигом, воздержанием и верой, достигаешь солнца. Оно — основа жизни, бессмертие, бесстрашие, высшая цель, откуда возврата нет, оно — исход[6]. О чем говорит этот стих:

11. «Отцом зовут его иные, живущие высоко над небом к югу, он пятистопный[7] и двенадцатиликий[8].

Другие называют всеведущим его, живущим к северу, имеющим шесть спиц и семь колес[9].»

12. Месяц есть Творец! Темная его половина — Раи, светлая — Прана. Знающий это совершает жертвы во время светлой половины, незнающий — во время темной.

13. День-ночь есть Творец! День — Прана, а ночь — Раи. Кто днем отдается страсти любви, теряет свою силу; закона же не преступают предающиеся ей ночью.

14. Пища есть Творец! Она производит семена, из семян же рождаются создания.

15. Кто исполняет указание Творца, тот становится отцом. Мира же Брахмы достигает и в нем пребывает тот, кто живет в подвиге и воздержании.

16. Тот вступает в мир Брахмы, в ком нет ни обмана, ни лжи, ни лукавства.

Вопрос второй

1. Затем Бхаргава Вайдарбхи спросил: «Скажи, Учитель, сколько богов заботятся о созданиях, сколько из них озаряют тело? Кто из них наивысший?»

2. Святой ему ответил: «Эфир[10] а затем воздух, огонь, вода, земля, речь, манас, зрение и слух заботятся о созданиях и озаряют их тела. Однажды они все заспорили между собой, говоря: «Поистине одни мы заботой поддерживаем тело».

3. На это им высшая Прана возразила: «Не предавайтесь заблуждению; это я, разделившись на пять частей[11], поддерживаю и освещаю это тело».

4. Но они ей не поверили. Тогда Прана стала подниматься, чтобы уйти из тела, и все были вынуждены следовать за ней. Но когда Прана остановилась, то они все приостановились. Как пчелы улетают вместе со своей царицей и вместе с ней остаются, так было с речью, манасом, зрением, слухом. И все они, убежденные, стали восхвалять Прану:

5. «Она — горит огнем, и солнцем блещет, и льет дождем, и дары раздает.
Она — земля и воздух, боги, Раи, что есть, что не есть и что вечно будет.»
6. «Как спицы в горниле, так скреплено все в Пране.»
«Риг, Яджур, Сама-Веды и жертвы, сила, мудрость!»
7. «О, Прана, создателем творений живешь в утробе ты и ты рождаешь все.
Созданья все — твои, тебе дары приносим, ты пребываешь в жизнях всех.»
8. «Богам передаешь ты наши жертвы, дары передаешь отцам.»
«Ты — подвиги Ситы[12] и истина Atharvaugissas.[13]

9. «Великий Индра[14] ты и Рудра[15]-покровитель, как солнце катишься по небу, светил всех повелитель.»

10. «Когда дождем нисходишь ты, созданья оживают:
Нам будет пищи вдоволь, радуются творения.»
11. «Никем не посвященный, источник откровений, весь мир ты создаешь.
Дары тебе приносим, о Матарисван[16], ты — наш отец!»
12. «Отчасти в речи ты живешь, отчасти в слухе, зрении, мысли.
Пусть нам они все будут благосклонны, не покидай же тела ты!»
13. «Праной живи весь этот мир и даже то, что в небе.
Как сына мать, оберегай ты нас и дай нам сил и мудрость».

Вопрос третий

1. Затем Каусалья Аизвалаяна спросил: «Скажи, Учитель, откуда происходит Прана? Как она входит в тело наше? Как в нем пребывает, делясь на пять частей? Как покидает она тело наше? Как поддерживает внешний и внутренний мир?»

2. «Твои вопросы трудные. Но так как я думаю, что ты искренно ищешь Брахмана, то я тебе отвечу:

3. Атман порождает Прану. Как тень исходит от человека, так Прана исходит из Атмана. Волею его входит в тело.

4. Подобно тому, как король назначает придворных управлять той или другой областью, так главная Прана указывает другим пранам, каждой в отдельности,

свое место.

5. Апана — Ваю управляет органами выделения и воспроизведения.Высшая прана управляет зрением, слухом, вкусом и обонянием. Средняя же, Самана, воспринимает пищу и рождает семь пламен[17].

6. В сердце живет Атман. В сердце сто один кровяной сосуд, каждому из них принадлежит еще сто сосудов, имеющих каждый из них семьдесят две тысячи разветвлений. Вияна их приводит в движение и ими управляет.

7. За добрые дела Удана приводит по одной из них к миру праведных, за грехи же — к миру грешных, за то и другое вместе — к миру людей.

8. Во внешнем мире Прана восходит солнцем, которое помогает пране зрения. Божество же земли поддерживает прану в людях. В пространстве между небом и землей находится Самана, а ветром является Вияна.

9. Жизненный огонь — Удана. Когда этот жизненный огонь в человеке угасает, он переходит к новому воплощению; его сопровождают пять чувств его, сосредоточенные в манасе.

10. Последнею мыслью своей он соединяется с Праной. Прана вместе с Уданой и Атмой ведут его в мир, созданный его желаниями.

11. Кто знает Прану, не остается без потомства, он становится бессмертным, как об этом говорит стих:

12. «Тот, кто узнал начало, и развитие, и пребывание, и пятидневное распределение Праны во внешнем мире и в себе, достигает бессмертия».

Вопрос четвертый

1. Затем спросил его Саурьяяни Гаргья: «Скажи, Учитель, что в спящем спит, а что не спит? Кто из богов показывает сны? Откуда приходит радость (в глубоком сне)?»

2. Мудрец ему ответил: «При закате солнца все лучи снова возвращаются в солнечный путь и соединяются; при восходе же они вновь рассыпаются в разные стороны. Таким же образом все собирается в высшем начале[18], манасе, и человек уже больше не слышит, не видит, не воспринимает ни запаха, ни вкуса, не осязает, не говорит, не берет, не воспроизводит, не выделяет, не ходит, а как говорят — спит.

3. В граде[19] не спят одни жертвенные огни Праны: Апана — огонь домашнего очага, Вияна — южный жертвенный огонь; от огня очага происходит восточный огонь.

4. Самана[20] она называется потому, что объединяет жертвенные возлияния — вдыхание и выдыхание. Манас воздающий жертву, Удана — плод жертвы, к Брахме она ежедневно приводит воздающего жертву.

5. И тогда (во сне) божественный манас испытывает свое величие: все, что он раньше видел, он видит вновь, что раньше слышал, слышит вновь, что испытывал в разные времена и в разных местах, испытывает вновь. Он все переживает, виденное и невиденное, слышанное и неслышанное, ибо он — все.

6. Но когда манас окружен светом, то уже больше снов не видит, и тогда в теле царит счастье.

7. Как птицы летят к дереву, в котором их приют, так все направляется к Атману.

8. Земля и сущность ее[21], вода и сущность ее, огонь и сущность его, воздух и сущность его, зрение и видимое, слух и слышимое, обоняние и воспринимаемое им, вкус и внушаемое им, осязание и осязаемое, речь и высказываемое, руки и схватываемое, воспроизведение и произведение, выделение и выделяемое, ноги и странствующее, манас и воображаемое, буддхи и познаваемое, Ahamkara[22] и самость, память и памятуемое, просветление и просветляемое, Прана и поддерживаемое ею.

9. Он — видящий, осязающий, слышащий, воспринимающий запах, внушающий, представляющий, познающий, действующий, просветляющий — Пуруша. Кто познал его, тот пребывает в высшем «Я».

10. До высшего, непреходящего доходит тот, кто познал светлое, что не имеет тени, ни тела, ни цвета. Поистине, о дорогой, он сознает свое «я» и становится всем. О том говорит его стих:

11. «В Том сознательно пребывает «я»; пребывают и боги, праны, как и все создания. Кто то познал, о дорогой, тот становится всеведущим, ибо он входит во все».»

Вопрос пятый

1. Тогда Изаибья Сатьякама его спросил: «Скажи мне, о Учитель, какого мира достигает тот, кто до самой смерти размышляет над словом «Аум»? »

2. Мудрец ему ответил: «Поистине слово «Аум» — низший и высший Брахман; кто над ним размышлял достигает того или другого.

3. Если он размышляет только над одним членом[23], то, поняв смысл, он быстро достигает другого воплощения. Гимны Риг его приведут к миру людей, там он живет в воздержании, чистоте и вере и пользуется почтением.

4. Если он размышляет над двумя членами, то стихи Яджура его вознесут к миру сомы[24]. Насладившись великолепием того мира, он снова возвращается на землю.

5. Но если он познал три члена и размышлял над высшим духом, он достигнет мира солнца. Как змея освобождается от старой кожи своей, так он освобождается от всех грехов. Гимны Самана его возносят к Миру Брахмы, он видит наивысшего, того, кто выше всех высоких душ, духа пребывающего во граде. О том говорят два стиха:

6. «Если неправильно произнесешь ты члена три отдельно или вместе,то смерть грозит тебе,

Но если голосом высоким, средним или низким их правильно произнесешь, то не имей ты страха»[25].

7.«Риг приведет тебя к нашему миру. Яджур до мира сомы доведет, а Саман до того, которого узнал прозревший.

Мудрец, во слове «Аум» найдя основу, достигнет Того, кто есть мир неизреченный, Высшее Бытие и Бесстрастие».»

Вопрос шестой

1. Затем Сукеша Бхарадважа сказал: «О, Учитель, раз Хираньяяба, князь Кошальский, подойдя ко мне, спросил: «О Бхараджава, знаешь ли ты Пурушу, имеющего шестнадцать частей?» Князю я ответил: «Я его не знаю; если бы я знал, я бы тебе поведал! Кто говорит неправду, засыхает с корнем, я не смею говорить неправды». — Молча он сел в колесницу и уехал. Теперь я тебя спрашиваю, где тот Пуруша?»

2. Мудрец ему ответил: «О дорогой, внутри тела находится тот Пуруша, из которого исходят шестнадцать частей!.

3. Пуруша размышлял однажды о том, с чьим уходом он будет уходить и с чьим пребыванием будет оставаться.

4. И тогда он сотворил Прану, из Праны — веру, эфир, воздух, свет, воду, землю, органы чувств, манас и пищу, из пищи — силу, воздержание, мантры, действие, миры и в мирах — имя.

5. Как реки, текущие к океану, вливаются в него и теряют свои имена и очертания, так что о них говорят: «Они в океане», так и шестнадцать частей направляются к Пуруше, достигают его и в нем теряют имена и очертания, и о них говорят, что «они в Пуруше». Пуруша[26] же стоит выше всех частей, он бессмертен!

6. Как спицы в колесе, так скреплены в нем части. Познай его, и смерть теряет власть над ними!»

7. Обратившись к ним всем, мудрец сказал: «Вот все, что я знаю о Брахмане!»

8. Тогда они начали его восхвалять: «Ты отец наш, ты, разрушая наше неведение, везешь нас к другому берегу».

Хвала высоким мудрецам!

Перевод с санскрита И. М.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Для жертвенного огня.
2. По истечении года.
3. Tapas.
4. Прана (Prana). Жизненная энергия, Дыхание жизни, та сила, которая соединяет дух с материей; в этом случае — *жизнь*.
5. Раи (Rayi) — материя.
6. Nirodha, конец, ring pass not.
7. Пять времен индусского года.
8. 12 месяцев.
9. 7 планет.
10. Т.е. боги, символизирующие, стоящие во главе сил в природе и человеке.
11. Пять жизненных духов или частей Праны суть: Prana, Apana, Vyana, Samana, Udana.
12. Верная жена Рамы, героиня Рамаяны.
13. Гимны Atharva-veda.
14. Царь богов, громовержец.
15. Бог пламенной сферы, Шива.
16. Вещая птица, принесшая на землю небесный огонь.
17. Samana — огонь, ассимилирующий пищу; из него выходят семь пламен: Kali, Karali, Manojava, Sulohita, Sudhumravarna, Sphulingini.
18. Высшем по отношению к пране.
19. В теле.
20. Т. е. «сливающей».
21. Сущность — matra, мера.
22. То, что составляет «я».
23. Первый член, буква а — первый аспект, второй — у, третий — м.
24. Мир луны.
25. Верно произносить — значит воспринимать и воплощать. Эти выражения символичны.
26. Пуруша — дух, бессмертный мыслитель.

Начало

Лежала грань меж безднами двумя...
И не было ее, но и была она,
Когда творящи луч смешался с тьмою.
И родились в тот миг две радости с любовью,
Смешались два начала в хороводе,
И родилось дитя в том радостном полете.
Вселенная — дитя законов совершенства.
На смерть обречена ты от начала,
Но птицей-Фениксом из пепла ты восстала!
И вновь сгоришь ты в радостном блаженстве,
Чтоб в новом возродиться совершенстве!

Марина Мелихова

ТРИАДЫ БАРДОВ

Предисловие

Приводя ниже триады ирландских бардов, необходимо сказать несколько слов об их авторах и о том племени, среди которого они появились. Племя это — племя кельтов. Редко о ком так много писали и так мало знали бы. Отчасти это объясняется крайней скудостью исторических документов, а главное, тем, что и начало их истории теряется во мраке времен.

Кое-какие данные указывают, что кельты впервые появляются в Малой Азии, откуда переправляются к северу Черного моря. В галатах, которым впоследствии писал Апостол Павел, некоторые исследователи склонны видеть их остатки.

Отнюдь ничего не утверждая, за отсутствием серьезных научных данных, можно все-таки предположить, что кельтские народы не были абсолютно чужды тем племенам, из которых впоследствии на юге нынешней России образовалось и наше государство. Как бы то ни было, близкое их соприкосновение со скифами несомненно. Диодор Сицилийский (I век) прямо на это указывает. «Галльские народности, — пишет он, — наиболее удаляются к северу, и соседние скифы так свирепы, что они пожирают людей; то же рассказывают и относительно бретонцев, населяющих остров Ирин (Ирландию).»

«Слава об их храбрости и варварстве установилась издавна, ибо под именем киммерийцев они в прежние времена опустошили Азию. Это они взяли Рим, разрушили храм в Дельфах, подчинили дани большую часть Европы и Азии, и в Азии, овладев землею побежденных, образовали смешанное племя галлогреков». Действительно, некоторые обычаи киммерийцев, этих древних жителей Крыма, представляют, по мнению Тьери, странное сходство с тем, что практиковалось у балтийских кимвров и галлов. К числу этих обычаев он относит гадания по внутренностям человеческих жертв, а также любовь окружать свои жилища головами убитых врагов, натыканными на шесты**. В Галлии красили волосы в красный цвет, обычай существовавший и у наших отдаленных предков, как о том свидетельствуют многие из найденных в южной России черепов***, наконец, благородные брились, сохраняя лишь длинные усы и предоставляя ношение бороды одним простолюдинам. Можно еще найти несколько кельтских слов, как gora — высокое место (русск. гора), liun, leun — одеяло, плащ (русск. лень), которые с полным основанием могут дать повод к некоторым сближениям и на почве языковедения. Но, повторяю, эти сближения не выходят из сферы догадок, ожидающих подтверждения от серьезного научного труда, специально им посвященного. Пока же имеются только исторические следы, что часть кельтов около 631 г. до Р. Х. с равнин Днестра была отброшена скифами к Дунаю и Рейну. Встречают их и у Балтийского моря, у моря Немецкого и, наконец, в нынешней Ирландии и Франции, тогдашней Галлии, где застает их Цезарь.*

Конечно, подобные передвижения не были единичными, и часто новые пришельцы заставали на завоевываемых местах более древние, но все же родственные, племена.

*По свидетельству Амьена Марцеллина, «друиды утверждают, что часть населения Галлии была местного происхождения, другая прибыла с отдаленных островов и Зарейнских стран, будучи сдвинутой со своих мест частыми войнами и наводнениями Океана» (Amm.Marcel. XV g.). Этими обстоятельствами следует объяснить и крайне разнообразные свидетельства относительно многих обычаев, взглядов и, наконец, самой религии кельтов, первоначальная идея которой, по общему закону, подвергалась неоднократному искажению и вырождению, доходящему до полного противоречия с основным принципом — явление повторяющееся и в наши дни. За примерами ходить недалеко: стоит для этого хотя бы сопоставить высокое учение, изложенное в триадах, с ужасными обрядами, совершавшимися, у кельтов, и в особенности с человеческими жертвоприношениями, когда жертва распиналась, убивалась стрелами, или с ночными вакханалиями, когда жрицы, совершенно нагие и выкрашенные в красный цвет, передавались всяким неистовствам с пылающими факелами в руках****.*

---

* Diodor Sic. 1 vol. 32. Выдержка прив. в Histoire des Gaulois par A.Thierry. Hfris. 1858. VI. P.59.

** Интересно, что в наших народных сказках (напр., о Василисе Мелентьевне и др.) так описывается жилище бабы-яги.

*** Имеются в Киевском музее.

**** Plin. XXIIC. Тацит «О германцах».

Нас, конечно, интересуют не эти искажения, а то зерно истины, которое горит ярким пламенем в чистом учении бардов, переданном им от друидов.

Кто же были эти таинственные барды? Барды, евбаги и друиды составляли три ступени в духовной иерархии кельтов. Высшая власть принадлежала друидам. Они были главными руководителями, духовными учителями, хранителями тайного учения. Им же принадлежало и первоначальное воспитание мальчиков, из которых и выбирались достойные для пополнения их собственных рядов после долгого, чуть ли не двадцатилетнего искуса, проведенного в изучении наизусть тайн вековой мудрости и знания друидов. Служители внешнего культа носили имя евбагов. Это они выполняли обряды, приносили жертвы, занимались гаданьем; иногда же, под именем «филе», исполняли обязанности судей. Третьим звеном великого братства были барды — эти мудрые поэты-певцы, глашатаи истины, рыцари правды и добра, вдохновляющие героев на великие подвиги и в век жестокости и насилия провозглашающие принципы мира и любви. Роль этих певцов была огромна, как и то уважение, которым они по справедливости пользовались. Многие из королей с гордостью носили это почетное звание.

Существуют предания о том, как враждующие станы, готовые уже к сражению, при звуке девятиструнной лиры именитого певца-барда складывали свое оружие и, прослушав песню, из врагов превращались в друзей. Проще говоря, барды были апостолами учения друидов, живым мостом между скрытыми в дубовых рощах и молчаливыми созерцателями тайн и шумной, вечно тревожной массой народа. В чем заключалось это учение я не стану передавать. Это лучше меня сделает прилагаемый подлинник. Укажу только на одну особенность, которая могла бы ускользнуть от недостаточно внимательного читателя.

Особенность эта — резко подчеркнутый принцип сохранения высшей индивидуальности (Awen) и при достижении полного слияния со всем и всеми в круге Гвинфид**, что до некоторой степени является разъяснением идеи Нирваны. Эта последняя, как известно, многими исследователями понимается, как полное исчезновение в Божестве. Здесь же выясняется, что эта полнота слияния является вместе с тем и полнотою развития основного и вполне индивидуального принципа (Awen) каждой человеческой личности.*

Переходя к самому тексту триад, я должен отметить, что старался возможно ближе держаться их французского перевода, жертвуя подчас ради точности красотою формы. Впрочем, утешаюсь той мыслью, что жестокие сопротивления некоторых слов только лучше передадут и дух кельтской речи, суровой и грозной, как и природа, среди которой она создавалась, и полной звуков, заимствованных из рева бури и громыхания каменных масс, двигаемых волнами Океана, где царствуют Законы Рока грозной бездны Annwfn.

Е. Кузьмин

О Боге

1. Существуют три первичных единства, и каждое из них возможно лишь единым: единый Бог, единая Истина и одна точка Свободы, т.е. точка равновесия всех противоположностей.

(Символом этого равновесия были так называемые качающиеся камни, которые при огромном весе могли быть сдвинуты простым прикосновением рук).

2. Три вещи проистекают из трех первичных единств: всякая Жизнь, всякое Благо, всякое Могущество.

3. Бог необходимо троичен: Он составляет большую часть Жизни, большую часть Знания, большую часть Могущества, и не может в нем быть больше этой большей части каждой вещи.

4. Три Божьих величия: совершенная Жизнь, совершенное Знание, совершенное Могущество.

5. Три вещи обязательно возобладают: высшее Могущество, высший Разум, высшая Любовь Бога.

(Гатьен-Арну дает другую версию. Три вещи необходимы: высшее Могущество, высший Разум, высшая Любовь).

* В отличие от низшей, узко личной, связанной с чисто временными условиями того или иного воплощения. См. Триады 41 и 44.

** Эта особенность получает особый интерес, если вспомнить, что кельты появились на заре формирования нашей 5-суб-расы, которой предстояло, месте с созиданием критически-научной мысли, утвердить принцип индивидуального сознания.

6. Три гарантии того, что Бог делает и совершит: Его бесконечное Могущество, Его бесконечная Мудрость, Его бесконечная Любовь, так как нет ничего, что не могло быть свершено, стать истинным и не быть волимым этими тремя атрибутами.

7. Три вещи, которыми Бог не может не быть: тем, в чем должно заключаться совершенное Благо, тем,что должно желать совершенное Благо и что должно выполнить совершенное Благо.

8. Три вещи, которые Бог не может не совершить: самое полезное, самое необходимое, самое прекрасное для каждой вещи.

9. Три главные цели деятельности Божества, как творца всякой вещи: уменьшить зло, усилить добро, сделать явным всякое различие таким образом, чтобы дать возможность узнать то, что должно быть и, наоборот, то, чего быть не должно.

10. Три Божьих необходимости: быть бесконечным в самом себе, быть конечным по отношению к конечному, быть в согласии со всяким видом бытия в круге Гвинфид (*Будди*).

О существах вообще

11. Три первопричины живых существ: божественная Любовь в согласии с высшим Разумом; божественная Мудрость, знающая все средства, и божественное Могущество (*в согласии)* с высшей Волей, Любовью и Мудростью.

12. Три вещи Бог дал всякому существу: полноту его собственной природы, полное выявление (*отличительно)* его Индивидуальности и самобытность его Авен *(Эго)*. В этом заключается действительное и полное определение личности каждого существа.

(Этимологически Авен означает прилив, флюид, то, что истекает, что движется, стремится, принцип стремлений, склонностей, вкусов).

13. Три различия всякого живого существа по отношению к другим: Авен *(Эго)*, Память и Восприятие. Ибо эти свойства у каждого во всей полноте и не могут быть разделены с другим существом. Всякий владеет этими свойствами в полноте исключительной, и две полноты каждой вещи невозможны.

14. Божьей справедливостью всякое живое существо принимает участие в трех вещах: Сострадании Божества в Абреде *(круг воплощений)*, потому что без сего невозможно было бы познание; привилегия божественной любви и сотворчество с Божьим могуществом, поскольку Он справедлив и милостив.

15. Три круга бытия: круг пустоты *(Cylch y Ceugant)*, где кроме Бога нет ничего ни живого, ни мертвого, и никто, кроме Бога, не может его пройти; круг перевоплощения *(Абред)*, где всякое одухотворенное существо рождено смертью, и человек проходит его; круг блаженства *(Гвинфид)*, где всякое одухотворенное существо рождено жизнью и человек пройдет его в небе*.

16. Три необходимые фазы всякого существования по отношению к жизни: начало в Аннвфн *(Annwfn — бездна)*, перевоплощения в Абреде и Полнота в небе или круге Гвинфид; без этих трех фаз нет жизни — кроме как у Бога.

17. Три последовательности состояния живых существ: состояние унижения в Аннвфн *(бездне)*, свободы в Абреде, любви и счастья в небе.

18. Три силы бытия: не иметь возможности быть другим, не быть обязательно другим, и не иметь возможности быть лучшим по немыслимости этого. В этом заключается совершенство всякой вещи**.

19. Три вещи не будут иметь конца вследствие необходимости их власти: Форма бытия, Качество бытия и Польза бытия: потому что эти свойства,

---

*У Цезаря читаем: «Друиды доказывают, что души не погибают и после смерти они переходят из одного тела в другое. Они думают, что этот взгляд пробуждает в людях смелость, заставляя их презирать страх смерти.» Кромлехи — символические изображения кругов жизни.

** Эта загадочная триада приводила в смущение и некоторых комментаторов.

освободившись от всякого зла, будут вечны у существ одушевленных и неодушевленных во всем разнообразии красоты и добра круга Гвинфид.

20. Три существенные отличия между человеком, равно как и всяким другим существом, и Богом: человек и всякое иное существо — ограничен; Бог — нет. Человек и всякое другое существо имеет начало; у Бога нет начала. Человек обязательно должен пройти через ряд последовательных перемен в круг Гвинфид* вследствие своего бессилия вынести Ceugant, а Бог — без перемен, потому что Он может вынести всякую вещь, не теряя при этом блаженства.

21. Три невозможности для всякого существа, кроме Бога: выдержать вечность Gtugant, быть соучастником всех состояний, сам не изменяясь, улучшать и изменять все вещи, не уничтожая их.

Человек
Его природа и его будущность

22. Три необходимости в круге Абред *(на ступени Аннвфн)*: наименьшая возможная ступень всякой жизни, и оттуда — ее начало; материя всех вещей, и отсюда — вытекающее их прогрессивное развитие, которое может происходить лишь как необходимость *(т. е. в силу необходимых законов)*; образование всякой твари из смерти и отсюда бренность существования.

23. Три вещи первично совершенны: Человек, Свобода, Свет.

24. Три преимущества человеческого состояния: Равновесие добра и зла, вытекающее отсюда свойство сравнивать, Свобода выбора и отсюда возможность предпочтения.

Эти три вещи необходимы для исполнения чего бы то ни было.

а. Человек в круге Абред

25. Три причины необходимости круга Абред: развитие материальной субстанции всякого живого существа; развитие силы *(духовной)* для победы над всяким препятствием и Cythraul *(сатаной)* и для освобождения от Drwg *(зла)*. И без этого перехода из одного состояния жизни в другое никакое существо не может достигнуть законченности.

26. Три главные вещи, которых необходимо достигнуть на ступени человека: Знание, Любовь и Власть в наибольшей степени возможности их развития до смерти *(т.е. при жизни)*. Это может быть достигнуто лишь на ступени Человечества преимуществом свободы и выбора *(самого человека)*. Эти три вещи называются тремя Победами.

27. Три победы над Drwg и Cythraul: Знание, Любовь и Власть, потому что Знать, Желать и Мочь исполняют что бы то ни было в сродности с вещами. Эти три победы начинаются на ступени человечества и продолжаются бесконечно.

28. Три необходимости для победы человека: Бесстрашие, Перемена *(перевоплощение)* и Свобода; и вследствие возможности свободного выбора, нельзя заранее положительно утверждать, в какую сторону направится человек.

29. Тремя вещами человек падает в необходимость Абреда *(перевоплощения)*: отсутствием усилия к знанию, отсутствием привязанности к добру и приверженностью ко злу. Вследствие этих вещей он спускается в Абред до своего подобия** и начинает сначала ряд своих перевоплощений.

30. Тремя вещами человек обязательно снова опускается в Абред, даже если во всех других отношениях он привязан к добру: через гордость он падает в Аннвфн; криводушием — до степени соответствующего унижения; отсутствием милосердия — до степени подходящего животного. Оттуда он снова путем

---

* Здесь неясность текста: l'homme doit neccessairement passer des changements d'tat successifs dans le cerle de gwynfid... В круг Гвинфид или в круге Гвинфид? Вернее первое.

** «До своего подобия» вероятно следует понимать в смысле нисхождения до соответствующих его уровню условий жизни.

перевоплощений идет к Человечеству.

31. Три выбора, предоставленные человеку: Абред или Гвинфид; Необходимость или Свобода; Зло или Добро; всё в равновесии и человек по собственной охоте может наследовать то или другое.

32. Три необходимости в круге Абред: нарушение Закона, так как оно неизбежно; освобождение в смерти от Дург и Ситро *(Dwrg и Cythrault)*, умножение жизни и блага удалением от Дург *(зла)* в освобождении смерти — и это при помощи Бога, который обнимает всё*.

33. Три вещи ослабляются с каждым днем вследствие возрастающего противодействия: Невежество, Ненависть, Несправедливость.

34. Три вещи с каждым днем усиливаются вследствие возрастающего к ним стремления: Знание, Любовь, Справедливость.

35. Три вещи постоянно уменьшаются: Мрак, Заблуждение, Смерть.

36. Три вещи возрастают постоянно: Огонь или Свет, Разум или Истина, Дух или Жизнь. Эти три вещи в конце возьмут верх над всеми другими, и тогда Абред будет уничтожен.

37. Три первичные бедствия круга Абред: Необходимость, Отсутствие памяти, Смерть.

38. Три действительные средства божества в Абреде для победы над Дург и Ситро и преодоления их противодействия по отношению к кругу Гвинфид: Необходимость, Отсутствие памяти, Смерть.

б. О человеке в круге Гвинфид

39. Три главные преимущества круга Гвинфид: Отсутствие зла, отсутствие нужды, отсутствие смерти.

40. Три вещи будут возвращены человеку в круге Гвинфид: Перводух — Awen *(Авен)*, Перволюбовь, Первопамять, потому что без сего блаженство не мыслимо.

41. Три отличительные преимущества в круге Гвинфид: Призвание, Преимущество и Авен. Действительно, два существа, вполне тождественные друг с другом — невозможны, а потому для каждого полнота в том, что составляет его отличительную особенность; полнота же вещи необходимо подразумевает все, чем она может быть в действительности.

42. Из перемен состояний в круге Гвинфид вытекают три выгоды: Познание Красота, Покой. Эти перемены вытекают из невозможности человеку вынести Сеган — *(бездну Ceugant)*, которая вне всякого познавания.

43. Три необходимые условия для достижения полноты Знания: Перевоплощаться в Абреде, Перевоплощаться в Гвинфиде, вспомнить все, бывшее во время перевоплощений даже в Аннвфн.

44. Три власти, вытекающие из Знания: Полная трансмиграция *(перевоплощение)* через все ступени существования; воспоминания о каждом воплощении и связанных с ним событиях, власть по желанию пройти снова через какое-нибудь состояние ради опыта и возможности суждения. И это будет достигнуто в круге Гвинфид.

(Легенда о Мерлине и Тальезине, вернувшихся из круга Гвинфид для блага своих ближних).

45. Три вещи, познание которых уничтожает Зло и Смерть и дает победу над ними. Знание сущности вещей, Знание их причин, Знание способа их действия. И это знание будет достигнуто в Гвинфиде.

46. Три полноты счастья в Гвинфиде: участие во всяком качестве с особым совершенством; обладание всякой гениальностью с гениальностью исключительной; охватывать все существа в чувстве любви, обладая вместе с тем любовью единичной — любовью к Богу. И в этом заключается полнота неба и Гвинфид.

Перевод с английского и комментарии Е. Кузьмина.

* Неясность в подлиннике: la delivrance de la mort (смерти или от смерти?) devant Drwg et Cythrault l'accorissement de la vie et du bien par l'eloignemnt de Drwg, dans la delivrance de la mort.

А. Безант

Мистицизм

В первые века христианства — мы знаем это из писаний многих Отцов Церкви и еще точнее оккультным путем — существовали в самой Церкви так называемые «Мистерии». Через них человек, очистившийся и духовно развитой, приходил в соприкосновение с высшими существами, от которых поучался и познавал тайны «Царства Небесного». После того, как Христос оставил свое физическое тело, он продолжал являться своим ученикам и поучал их в течение многих лет, до тех пор, пока те, которые знали его в физическом мире, в свою очередь не покинули физического мира. Во все время, пока существовали христианские мистерии, Иисус освящал их, от времени до времени, своим присутствием. Также присутствовали на них главные из его учеников. Таким образом шли бок о бок и в полном согласии учения экзотерическое и эзотерическое. Мистерии воспитывали для высокого служения Церкви людей, которые были действительно учителями для верующих масс, потому что сами они были посвящены в «сокровенные тайны Бога» и могли говорить с авторитетом «власть имеющих» или обладали прямым знанием. С исчезновением Мистерий все стало медленно изменяться, и изменяться к худшему. Возникло различие между учением эзотерическим и экзотерическим; они стали расходиться, и различие это росло до тех пор, пока глубокая пропасть не отделила их одно от другого.

Толпа верующих, сгруппированная вокруг экзотерического учения, вскоре совершенно потеряла из виду мудрость эзотеризма. Дух все больше и больше заменялся буквой, а жизнь — формой.

Тогда началась в христианской Церкви борьба между священником и мистиком, которая никогда уже не прекращалась. Священник всегда хранитель экзотеризма. Он блюститель внешнего порядка, он передает традиции из века в век. Ему надлежит хранить непоколебимой чистоту религии, с неизменной точностью повторять священные формулы и передавать неизменным учение Церкви.* Задача великая и благородная; неоценимы заслуги его перед народом. Он освящает рождение, брак и смерть; он утешает в горе и очищает в радости. В угрюмую и серую жизнь он вносит луч радости, поэзии и красоты, он расширяет ее узкий горизонт видением лучезарного будущего. Унывающим и отчаивающимся он указывает на Распятие, которое говорит им о страдании, искупившем всякое горе; у изголовья умирающего он шепчет обещание воскресения и жизни вечной, о которой говорит христианский праздник Пасхи.

Без священника, который наставляет, исповедует и утешает, трудны были бы первые шаги восхождения по лестнице человеческой эволюции.

Совершенно иной представляется жизнь мистика, одиноко живущего на высотах. Он достиг вершины, опередив свою расу. Никакая помощь, никакая поддержка, ничто из внешнего мира не доходит до него. Внимательно, неустанно прислушивается он к тончайшим звукам внутреннего голоса, к голосу Бога, живущего в нем. Смиреннейший из людей, когда он созерцает окружающую его божественную красоту и неизмеримые глубины божественного Духа — он горд, когда противится указам внешнего авторитета, он мятежный и непокорный, когда

---

* Из всего предыдущего и последующего ясно, что автор не смотрит на антагонизм между мистиками и официальными представителями Церкви как на нечто нормальное, а видит в нем лишь временное явление, вызываемое упадком духовности в Церкви. По существу священники должны быть мистиками и представителями эзотеризма, и чем менее это осуществляется в действительности, тем дальше, значит, отклонилась официальная Церковь от первоначального, нормального порядка вещей. — *прим. редакции.*

отказывается склонить голову под внешнее иго Церкви. Со своими видениями, экстазами, исканиями, порывами к свету, со своей внезапной, нерациональной экзальтацией, сменяющейся такой же внезапной подавленностью и тоской... — что может он противопоставить определенным, точным доктринам и верховному авторитету внешней Церкви? — Ничего, кроме неизменной уверенности, которую он не всегда может объяснить или оправдать; ничего, кроме убежденности, которая при всех его колебаниях, когда он хочет сообщить или объяснить что-нибудь, остается непоколебимой в нем самом, несмотря ни на какие испытания, насмешки или оскорбления.

Что же может сделать священник с этим непокорным, который свои видения ставит выше толкований Писаний, даваемых Церковью, и который на все требования послушания и подчинения отвечает утверждением своей неотъемлемой духовной свободы? — Также ничего, потому что мистик не служит священнику, как и священник не служит мистику. Эта непреклонность мистика нарушает установленный порядок Церкви. От этого происходит та непрерывная борьба, в которой священник кажется торжествующим, тогда как в конце неизменно побеждает мистик. Борьба кажется неравной: священник имеет за собой всю силу величественной традиции, многовековой истории, неизменного авторитета; тогда как мистик совершенно одинок. Но на самом деле борьба не столь неравна, как она кажется, потому что мистик черпает свои силы из источника, дающего начало всем религиям, он погружается в поток вечно возрождающихся вод, в поток вечной Истины. Поэтому, в этой постоянно возобновляющейся борьбе, священник всегда победитель в мире материальном, в виде формы, — и всегда побежденный в мире духовном. Зачастую мистик, осужденный, преследуемый, гонимый, пока живет в своем физическом теле, становится, как только он оставляет его, святым для своих гонителей, гласом истины для той самой Церкви, которая осудила его на молчание, краеугольным камнем тех самых стен, которые были для него тюрьмой.

В Католической церкви, где эта борьба ведется из века в век, она всегда приводит к одному и тому же результату: Тереза Авьела (d'Aviela), которую духовник ее порицает и осуждает, становится для следующих поколений Св. Терезой. Сколько мужчин и женщин, на которых смотрели с недоверием и презрением их современники, стали потом центрами света, к которым тянулись тысячи верующих сердец... Быть может, так и должно быть до тех пор, пока не засияет вновь Божественная Мудрость, потому что иначе всякий мечтатель мог быть принят за мистика, а истерия за откровение. Если истинный мистик может непоколебимо стоять под тяжестью оскорблений, за то он один может сказать хотя бы в самом аду: «Я знаю». Католическая церковь, а также и Православная, сохранили систематическую тренировку в религиозной жизни, настоящую подготовку к оккультной жизни, которая всегда признавалась в теории, хотя на практике подвергалась сомнению и оспаривалась. Поэтому в этой Церкви столько святых такой духовной красоты, что невольно прощаешь ее жестокости за ту широкую волну духовной жизни, которая излилась на бесплодную пустыню внешнего мира. Осуждая суровость и жестокость Католической церкви, нужно и понять также, что она сурово защищала и охраняла ту самую почву, которая давала возможность развиться и расцвести подобным семенам святости. Протестантство не сумело сохранить оккультные традиции и систематическую тренировку, и потому в нем нет почвы, на которой редкий цветок святости мог бы укорениться и взрасти. Мистики протестантской общины очень немногочисленны, хотя гигантская фигура Якоба Беме возвышается величественно, как бы указывая, что даже отсутствие традиций и тренировки не может заглушить голос Бога, живущего в человеке. Протестантство более, чем какая-либо форма христианства, нуждается в присутствии мистиков в своей среде и в соприкосновении с духом живым, чтобы спасти себя от мертвящей буквы.

Теософия есть утверждение мистицизма в недрах всякой живой религии; утверждение реальности и ценности мистического ведения. Среди поколения, воспитанного на современной науке, скептически настроенного и склонного к критике, Теософия утверждает и возвещает превосходство духовного мира. Смело смотря в лицо современным жрецам науки и критики, признавая блестящие

результаты, достигнутые историческими исследованиями и научными исканиями, — она вещает несравненную красоту и величие царства Духа, реально познаваемое и видимое. Первое переживание мистика — это прямое общение с невидимым, соприкасание с невидимыми реальностями, прохождение с открытыми очами в потусторонние миры. Авторитету мистик противопоставляет опыт, вере — знание. Гарантией его утверждений является тождество переживаний всех тех, которые когда-либо проникали в области, скрытые от обычных взоров. Результатом мистических опытов и переживаний является толкование всех доктрин и писаний, толкование, оправдываемое скорее тем светом, который оно являет, освещая темные и непонятные доктрины, чем рассудочной аргументацией. Такова всегда была работа просветленных.

Пример это лучше всего покажет. Возьмем доктрину искупления. В форме этой христианской доктрины мистик видит древнюю и всегда возрождающуюся истину: развитие или вернее раскрытие человеческого духа в сознательном его единении с Богом. Мистик видит совершающееся искупление и единение через «Христа», родившегося в человеке по мере того, как в сознании его отражение второго аспекта божественного Сознания постепенно становится яснее и лучезарнее. В то время, как растет «Христос» в человеке, совершается единение, и полным оно является только тогда, когда сын, победивший разъединение, сознает себя единым с человечеством и Богом, и в силу этого сознания, этого единения, он становится истинным Спасителем, истинным Посредником между Богом и людьми. Мистик не заботится о мертвой букве, не оспаривает никакого догмата; он видит в сердце сущность вещей при свете собственного своего переживания, и для него смысл и ценности догмата — во внутреннем его значении, а не во внешнем историческом факте. То же самое и с Писаниями. Возможно, что с точки зрения истории они достоверны или же недостоверны. Для мистика истинное значение и ценность их заключается в изложении истин духовного мира. Ему кажется имеющим мало значения, бродил или не бродил физический народ Израильский по физической пустыне; — много народов проходили таким же образом по многим пустыням. Но духовный Израиль всегда будет бродить по пустыням духовным, ища Землю Обетованную; и это всегда истинно и всегда ново. Мистик видит это сказание в свете духовной истины. Он видит Моисея в каждом из великих Пророков и огненный столб, окруженный облаком, над каждым из руководителей человечества. Таким образом мистик читает священные писания, таким же образом объясняет апостол Павел в своем послании к Галатам (гл. IV) историю Авраама, Агари, Исаака; таким же образом первые отцы церкви искали внутренний смысл вещей, не заботясь о внешнем значении слов. Такое толкование является жизненным вопросом для современного, образованного христианина, который не хочет совершенно отбросить религию. Среди современных научных открытий только непосредственное знание, полученное в мистическом состоянии сознания, может сохранить для него религию. Современная критика и наука подрыли в корне авторитет церкви; подземные ходы и галереи подкопали незаметным, тонким, но смертельным образом почву под ногами этого авторитета, который покоится ныне на тонкой и хрупкой коре, могущей проломиться каждую минуту, и тогда рухнет все здание.

Церковь не может дальше быть построена на авторитете истории; она вновь должна быть перестроена и воздвигнута на твердой скале знания и опыта. Мистика даст ей наивысшую и самую твердую устойчивость, какая существует в мире: уверенность в непрерывности мистического опыта, бесконечно повторяемого. Внутренний, мистический Христос — единственная порука, единственное утверждение Христа исторического, и этого достаточно. Совершенный Христос является во всем своем величии, как исторический факт потому, что в душе каждого человека живет потенциальный «Христос»; и только те, в которых рождается «Христос» мистический, могут смотреть через бездну веков и видеть Христа исторического. Они могут подняться за пределы своего физического тела и там познать Его в настоящей, живой действительности; видеть Его столь же реально, и может быть, полнее, чем Его видели и знали ученики Его, когда Он ходил по берегам Генесаретского озера.

Перевод с английского А.В.

Свами Вивекананда

Психологические основы Оккультизма

Требуете ли вы чего-нибудь от ваших детей взамен того, что вы им дали? Ваш долг — работать на них, и здесь дело кончается. Когда вы делаете что-нибудь для другого человека, для города, в котором живете, для государства, старайтесь занять такое же положение, как по отношению к своим детям и ничего не ожидайте взамен. Если вы будете неизменно занимать положение дающего, и все, что вы даете, будет свободно по отношению к миру, без всякой мысли о награде, тогда ваша работа не создает «привязанности». Привязанность к результатам работы является только у того, кто ожидает награды.

Если труд, подобный труду рабов, дает в результате эгоизм и привязанность, то труд хозяина своего разума создает блаженство «непривязанности». Мы часто говорим о праве и справедливости, но мы находим, что в мире право и справедливость — это только детский разговор. Есть две вещи, которые управляют действиями людей: сила власти и милосердие. Проявление власти есть неизменно проявление эгоизма: все люди стараются извлечь как можно больше пользы из той власти, которой они обладают. Милосердие — это само небо: чтобы быть хорошими, мы все должны быть милосердными. Даже право и правосудие должны основываться на милосердии. Всякий помысел о награде за работу препятствует нашему росту и, в конце концов, приносит страдание. Эта идея милости и бескорыстного милосердия может быть осуществлена еще и иным путем: при условии веры в Бога, всякая работа может быть совершаема, как молитва. В этом случае мы как-бы кладем к ногам Бога все плоды нашей работы и, служа ему таким образом, мы уже не имеем права ожидать чего-либо от людей в воздаяние за наш труд. Сам Бог трудится непрерывно и не имеет ни к чему личной привязанности. Как вода не может замочить лист лотоса, так и работа не может связать бескорыстного человека, заставить его стремиться к результатам для себя. Бескорыстный и ни к чему не привязанный лично человек может жить среди густонаселенного греховного города, и грех не коснется его.

Эта идея полного самоотречения иллюстрирована в следующем индусском рассказе. После битвы на Курукшетре, пять братьев Пандавов совершили большое жертвоприношение и принесли очень большие дары для бедных. Все выражали изумление по поводу величины и богатства жертвы, говоря, что мир не видывал никогда ничего подобного. Но, по совершении обряда, явился маленький мангуст; половина тела его была золотая, другая половина — темная; животное начало кататься по полу в жертвенном зале и сказало присутствующим: «Все вы лжете — это не жертва». «Как, — воскликнули они, — ты говоришь, это не жертва, но разве ты не знаешь, сколько денег и драгоценностей отдано бедным, и сколько людей стало богатыми и счастливыми? Это самая удивительная жертва, какую совершал человек». Но мангуст сказал: «В одной деревне жил бедный брамин со своей женой, сыном и женою сына. Они были очень бедны, жили скудными дарами, приносимыми им за проповедь и учение. В стране этой настал трехлетний голод, и бедный брамин страдал более, чем когда-либо. Семья голодала уже несколько дней, когда, наконец, отец принес в одно прекрасное утро немного муки, которую ему посчастливилось достать. И он разделил ее на четыре части между членами своей семьи. Не успели они сесть за еду, как кто-то постучался в дверь. Отец

открыл дверь — за ней стоял гость. В Индии гость — священное лицо; он считается как-бы богом и с ним обращаются, как с таковым. Поэтому бедный брамин сказал: «Войди, мы тебя приветствуем». Он поставил перед гостем свою часть пищи, гость быстро ее съел и сказал: «О, хозяин, ты убил меня, я голодал уже десять дней, и это маленькое количество пищи только увеличило мой голод». Тогда жена сказала мужу: «Отдай ему и мою часть», — но муж ответил: «Нет, не дам». Жена настаивала, говоря: «Он — бедный человек и наш долг, как хозяев, позаботиться, чтобы он был сыт. Раз у тебя больше нет, то моя обязанность, как твоей жены, отдать ему свою часть». И она отдала свою часть гостю. Он съел, что ему дали, и сказал, что его по-прежнему мучает голод. Тогда сын сказал: «Возьми и мою часть; сын обязан помогать отцу в исполнении его долга». Гость съел и его часть, но голод его все не был утолен; тогда и жена сына уступила ему свою часть. Гость насытился и ушел, благословляя их. В ту же ночь эти четверо людей умерли от голода. Несколько пылинок с этой муки упали на пол, и когда я покатался по полу, я стал на половину золотым, как вы видите. С тех пор я хожу по всему свету, надеясь найти другую такую жертву, но нигде не нахожу, поэтому другая половина моего тела не превращается в золотую. Поэтому-то я и говорю, что это не жертва».

Такое представление о милосердии теперь уже исчезает в Индии; великие люди встречаются все реже и реже. Когда я учился английскому языку, я прочел в одной книге рассказ о мальчике, отправившемся на работу и оставившем матери немного денег. И за это его хвалили на четырех страницах. В чем здесь дело? Ни один мальчик в Азии никогда не понял бы морали этой истории. Теперь я понимаю ее, зная европейскую точку зрения. Каждый человек — сам за себя. Потому что, действительно, некоторые люди берут все для себя, а их отцы и матери, жены и дети могут делать, что хотят.

Теперь вы видите, что основа оккультизма: помогать не рассуждая, глядя даже смерти в лицо, хотя бы вас обманывали миллион раз, не спрашивайте ничего и не думайте о том, что вы делаете. Не хвалитесь своей щедростью к бедным и не ждите от них благодарности; скорей будьте им благодарны за то, что они дают вам случай проявить на них свое милосердие. Совершенно ясно, что быть идеальным человеком, живя в миру, гораздо более трудная задача, чем быть идеальным монахом. Истинная жизнь труда так же тяжела, если не тяжелее, чем истинная жизнь отречения.

* * *

Гражданин должен быть предан Богу. Познание Бога должно быть целью его жизни и, однако, он должен постоянно работать, исполнять все свои обязанности, отдавать Богу плоды всех своих действий. Это самая трудная вещь на свете — работать и не думать о результатах, помогать человеку и не ждать в ответ благодарности, делать какое-нибудь доброе дело, не помышляя о том, принесет ли оно громкое имя или славу, или ровно ничего. Даже самый явный трус становится храбрым, когда люди восхваляют его. Глупец может совершить героический поступок, когда окружающие его одобряют и поддерживают. Но непрерывно делать добро, не заботясь об одобрении окружающих — это на самом деле высшая жертва, какую может принести человек. Главная обязанность гражданина состоит в том, чтобы зарабатывать для себя и семьи, но он должен остерегаться, чтобы при этом не лгать, не обманывать и не обкрадывать других, и должен помнить, что жизнь его посвящена Богу и ближним.

Зная, что отец и мать являются видимыми представителями Бога, мирской человек всегда и во всех случаях жизни должен угождать им. Если отец и мать довольны им, то доволен им и Бог. Тот сын действительно хорош, который никогда не скажет резкого слова своим родителям. В присутствии родителей нельзя шутить, нельзя проявлять суетливость, гнев или дурное настроение.

Если гражданин имеет пищу, питье и одежду, не позаботившись прежде о том, чтобы его отец, дети, жена и бедные люди имели пищу, питье и одежду, он совершает грех. Мать и отец являются причинами, создавшими его тело и потому человек должен пройти хотя бы через тысячу неприятностей для того, чтобы сделать для них добро. Такого же рода его обязанности к жене; он никогда не

должен бранить ее и должен содержать ее, как родную мать. И даже когда он испытывает самые большие затруднения и горести, он не должен гневаться не жену. Кто думает о другой женщине, кроме своей жены, касаясь ее хоть бы только в уме своем, — тот идет в темный ад.

Гражданин должен всегда угождать жене: деньгами, одеждой, любовью, доверием и словами, подобными нектару, и не должен никогда расстраивать ее. Человек, сумевший приобрести любовь целомудренной женщины, преуспел в братстве и обладает всеми добродетелями.

Обязанности к детям следующие: сын должен быть с любовью оберегаем до четвертого года, воспитывать его следует до шестнадцати лет. Когда ему минет двадцать лет, он должен начать работать; отец должен с ним тогда ласково обращаться, как с равным. Точно так же дочь должна быть воспитана с величайшей тщательностью. При выходе ее замуж отец должен дать ей приданое.

Затем, обязанности человека простираются к его братьям, сестрам и к детям его братьев и сестер, если они бедны, а затем к другим родственникам, к друзьям и слугам. Затем он имеет обязанности к жителям одного с ним города или селения, к бедным и ко всякому, приходящему к нему за помощью.

Если мирской человек имеет достаточные средства и не уделяет часть их родственникам и бедным, он не — человеческое существо, а животное.

Следует избегать чрезмерной привязанности к пище, к одежде, к уходу за телом и к причесыванию волос. Гражданин должен быть чист сердцем, опрятен, всегда деятелен и всегда готов к работе.

Для своих врагов гражданин должен быть героем. Он должен бороться с ними и сопротивляться им. Это — обязанность гражданина. Он не должен сидеть в углу, плакать и говорить о непротивлении. Если он не показывает себя героем своим врагам, он не исполнит своих обязанностей. С друзьями же и родственниками он должен быть кроток, как агнец.

Гражданин обязан не склонять головы перед другим человеком, потому что склоняясь перед злыми людьми, он потворствует злу. Но будет большой ошибкой, если он станет пренебрегать людьми, достойными уважения. Он не должен быть слишком поспешен в своей дружбе; он не должен искать дружбы со всеми без разбора. Он должен сначала наблюдать за поступками людей, с которыми он хочет сойтись, за их поступками по отношению к другим людям, обдумать эти поступки и только после этого вступать с людьми в дружбу.

О трех вещах он не должен говорить: он не должен говорить публично о своей известности; не должен восхвалять свое имя или свои силы; не должен говорить о своем богатстве или о чем-нибудь, что ему было сказано по секрету.

Человек не должен говорить, что он беден или, что он богат, — ни в коем случае не должен хвастаться своим богатством. Пускай он будет благоразумен; это его религиозная обязанность. Это не просто мирская мудрость; если человек не будет благоразумным, его могут счесть безнравственным. Гражданин является опорой своего народа, он — главный кормилец. Бедные, слабые, дети и женщины, которые не работают, все зависят от его заработка. Поэтому есть некоторые обязанности, которые гражданин должен выполнять и, выполняя их, он должен чувствовать себя сильным, а не думать, что он делает вещи ниже своего идеала. Поэтому, если он допустил какую-нибудь слабость, или совершил какую-нибудь ошибку, он не должен говорить об этом публично, или, если он участвует в каком-нибудь предприятии и знает, что предприятие должно кончиться неудачей, не должен говорить об этом. Такая откровенность не только не нужна, но она ослабляет человека и мешает исполнению им его обязанностей.

В то же время гражданин должен энергично бороться, чтобы приобрести две вещи: сначала знание, потом богатство. Это его долг, и если он не исполнит своего долга, он — ничтожество. Гражданин, который не борется ради богатства, действует безнравственно. Если он ленив и довольствуется праздной жизнью, он живет безнравственно, потому что от него зависят, может быть, сотни людей. Если же он приобретает богатство, то сотни других людей находят в нем свою поддержку.

Если бы в стране не было многих людей, жаждавших богатства и приобретших его, не было бы здесь различных культурных и благотворительных

учреждений.

В данном случае погоня за богатством не предосудительна, так как она имеет целью дальнейшее распределение его. Для мирского человека приобретение богатства и благородное использование его составляет религиозный долг: домохозяин, стремящийся разбогатеть праведными путями и для правильных целей, в действительности делает то же самое для достижения спасения, что и отшельник, молящийся в своей келье, так как в них мы наблюдаем лишь различные аспекты той же добродетели — самоотречение и самопожертвование, вызываемое преданностью Богу и всем Его созданиям.

Мирской человек всеми силами должен стараться приобрести доброе имя; не должен играть в азартные игры, не должен общаться с дурными людьми и не должен быть источником горя для других.

Нередко люди берутся за то, чего они не могут сделать, и в результате обманывают других для достижения своих целей. Во всех случаях надо принимать во внимание время, привходящее, как фактор, во все. Затем, то что один раз может быть неудачей, другой раз может стать большим успехом.

Гражданин должен быть правдивым, говорить мягко, употреблять выражения, приятные для других и могущие принести им пользу; он не должен также говорить о чужих делах.

Перевод с английского.

* * *

Для того, чтобы правильно понять новые мысли или указания учителя Оккультизма и применить их в жизни, мы должны установить руководящие нами побудительные причины: расчитываем ли мы на какие-то выгоды (власть, знание, мудрость, спокойствие, личное счастье)? Когда наше сознание будет готово к отдаче всего нашего существа, ничего не требуя в замен, подобно Солнцу, щедро отдающему свои лучи всем без исключения, — тогда мы действительно вступим на путь истинного Оккультизма.

Э. Б. Титхенель

* * *

Будем закалять дух наш в неустанной работе по самоусовершенствованию для благого воздействия на окружающих нас, в радостной готовности применить свои силы там, где является возможность.

Е. И. Рерих

Ю. И. Фудько

Некоторые аспекты Теософии в восточнославянской народной культуре

По словам Е. П. Блаватской — Тайная Доктрина — архаичная оккультная доктрина человечества, была общераспространенной религией древнего и доисторического мира.

Одним из центральных в «Тайной Доктрине» является утверждение об оккультном значении звука и слова как главной животворящей силы Вселенной. Глава о Звуке в этом труде называется «Грядущая Сила» — что само по себе очень многозначительно.

Оккультизм или оккультные науки — есть связная синтетическая система ключей к тайне животворящей силы Звука и Слова. В основе ее — Сокровенный Язык Иерофантов или Священное Знание-Мудрость — основа как древних, так и новых религий. Он имеет семь наречий или семь ключей от семи Царств Природы. Знание этих ключей делает как отдельного человека, так и народ соучастником Вселенских событий.

Основа основ всех национальных культур, языка, религий, народных верований и представлений, мифологии, а отсюда и культурных мистерий (если культуру понимать как почитание Света) — есть отголоски этого Сокровенного Языка Иерофантов или Тайной Доктрины.

Каждая крупная метакультура человечества является носителем одного или нескольких ключей или наречий от семи Царств или семи Тайн Природы. Ключи составляют основу той или иной культуры и бывают: буквенные и числовые, звуковые и звуколадовые, геометрические и цветовые, астрономические и т. д. Несомненно, что ближайший ключ, звуколадовый, есть наука непосредственного оккультного овладения звуком и словом.

Славянская культура в общей культуре человечества выступает носителем системы ключей: Слова и Речи, Звуколадового в союзе с астрономическим, буквенного и числового, геометрического и цветового (народный орнамент).

Основа основ фольклора и народной культуры славян — календарные мистерии. Здесь и действо (обряд) и поэзия, и музыка в союзе с астрономией. Практика народного календаря — всегда местная привязка и всегда творческий метод. Практически народный календарь для нужд хозяйства обладал абсолютной точностью. Мы имеем дело на самом деле с некогда существовавшей цельной системой, уходящей в глубину веков. Цель мистерий — через слово, звуколад и обряд помочь Природе, Вселенной перейти из одного цикла в другой.

Раскопки курганов на Черкащине, Киевщине, Одесщине и других районах и областях вскрыли удивительные вещи:

— Трипольская культура просуществовала тысячелетия на рубеже между первобытнообщинным строем и рабовладельческим, так и не сделав шаг к последнему. (Отголоски — крестьянская община, или казачий круг.)

— Раскопаны протогорода. Население 30-40 тыс, человек. 2-3 этажные дома. Возраст 4-5 тыс. лет до н.э.. Аналогов пока не обнаружено ни на Западе, ни на Востоке.

— В курганах обнаружены элементы обсерваторий для слежения за календарем, нигде больше в мире не встречаемые в такой концентрации. Фигурные элементы аналогичны элементам в пустыне Наска и окрестностях Стоунхенджа.

— Сюжеты мифов, закладываемых в Курганные мистерии выявили связь с поэмой Гильгамеш (III тыс. до н.э.) и мифическими странствиями Аполлона.

Но самый разветвленный пласт — мифические сюжеты Ригведы.

Все это говорит о том, что народная культура славян — преемница традиций очень древних культур и цивилизаций. Весьма вероятно, что цель курганных мистерий и их организаторов-жрецов — через священные тексты и цикл обрядов воздействовать на

неизвестные нам структуры сознания и памяти, вскрыть их оккультные пласты и выйти из рамок узколичного бытия. Через мистический зкстаз познать Вечность и Вселенную. (Ю. Шилов. Космические тайны курганов. — М., 1990)

Народная культура славян через слово и символику песни, лады народной музыки, обычаи, обряды и образ жизни несет в себе это древнее знание. Но уже в зашифрованном и закодированном виде. Сама народная культура выступает как Замок, а наличие различных психофизических систем — как ключ к энергиям и силам, доступ к которым этот Замок скрывает.

Легенды и были, рассказы очевидцев свидетельствуют о том, что достижения адептов славянской оккультной доктрины не уступают, а иногда и превосходят «мировые стандарты». Можно предположить, что термин «Славяне» тесно связан с термином «Воинство Гласа» или «Воинство Логоса» или «Слово» — связанным с Тайной Звука и Речи, «...ибо Человечество в своей цельности в действительности, является материализованным, хотя еще и несовершенным выражением ее.» (Тайная Доктрина. — Рига, 1937. — Т.1, стр. 141)

Славянская культура формировалась вокруг «слова», в отличие, например, от китайской, которая формировалась вокруг «знака». Интересно, что в русском языке слова Народ и Язык — синонимы. Мы — объединенные вокруг одного языка, не мы — говорящие на другом языке. Отсюда «не мы-е», «нем-цы».

Поэтому очень важно понять, что мерить фольклор и народную культуру мерилом европейской эстетики — крайне опасное заблуждение. Поэтика заговора и песни строится по одним канонам. А это значит, что оккультное воздействие происходит по разным каналам. Главная цель народных психофизических систем, будь то песенная система, танцевальная, заговорная, целительская и, в особенности, воинская — изменение обыденного уровня сознания, расширение охвата сознанием пространства-времени, выход на новый уровень ощущений энергий инобытия.

Обучение же в народных методиках идет на уровне овладения принципами и их отношениями. Все остальное — творчество и импровизация ученика в рамках канонов. Но чтобы овладеть принципами, нужно переступить через свои личные амбиции. То есть вступают в силу этические моменты. Их разрешение и есть вхождение в традицию, то есть пробуждение «совести» в ее оккультном значении.

История и Культура человечества в свете «Тайной Доктрины» пытаются встроить нас в беспредельный музыкальный ряд Божественного Слова. Но неумение людей решать практически встающие перед нами вечные этические проблемы, эгоизм и постоянно неудовлетворенные, взращенные цивилизацией, абсолютно ненужные потребности, грозят гибелью всему живому и жизни самих людей. Я глубоко уверен, что новый поиск здравого образа жизни заставит нас пристально посмотреть на «не-цивилизованную» жизнь народного мира и народную культуру через призму Теософии. Все это внесет достойную лепту в решение глобальных проблем нашей страны и всей планеты. И народная культура восточных славян сыграет в этом не последнюю роль.

* * *

Под игом татарского ясака, кровавой кабалы Биронов и Салтычих, ... "третьих отделений" народ пронес неугасимым чисточетверговый огонек красоты, незримую для гордых взоров свою индийскую культуру: великий покой египетского саркофага, кедровый аромат халдейской курильницы, глубочайшие цветовые ощущения, претворение воздушных сфер при звуке в плод, неодолимую силу колыбельной песни и тот мед внутренний, вкусив которого просветлялись Толстые ... Тайная культура народа, о которой на высоте своей учености и не подозревает наше так называемое образованное общество, не перестает излучаться и до сего часа. ("Избяной рай" — величайшая тайна эзотерического мужицкого ведения: печь — сердце избы, конек на кровле — знак всемирного пути.)

... Жар-птица трепещет и бьется ... Но для посвященного от народа известно, что Птица-Красота — родная дочь древней Тайны ... Покрывало Глубины, да сокрыто будет им сердце народное до новых времен и сроков, как некогда сокрыт был град Китеж землей, воздухами и водами озера Светлояра.

Николай Клюев

Н. Гернет

В Святом Святых Славян

(Аркона в плену)

Мне снится древняя Аркона,
Славянский храм.
Пылают дали небосклона
Есть час громам...

Я вижу призрак Святовита
Средь облаков...
Кругом него святая свита
Родных богов...

Славянский мир объят пожаром,
Душа горит,
К каким Ты нас уносишь чарам,
Бог Святовит?

К. Бальмонт

I

Всякий народ считает себя избранным народом — и он *прав*. Всякий народ избран Создателем всех из для явления миру особенного Качества, особенно Луча Единой Жизни, как каждая религия являет особенную степень Духа, Источника этой жизни. Но есть лучи светлее, хотя не лучше других, есть в мировой гармонии аккорды заключительные, среди мистических цветов на пути Совершенства есть цветы Совершения. Это «Огнецвет» наших предков. Было дано во Франции прямое указание, что для этого проявления Духа избрано Славянство.* По старому-старому преданию, Славянство ведет свой род от Индии и от Хеттии, раньше Византии имевшей символом Двойного Орла (у Славян: белые орлы Святовита, черные орлы Триглава, Орел Руси и Орел Польши). Хеттиа, может быть, завещала нам и образ Льва, связавший нас с родной по крови Болгарией и родной по вере Грузией. Врожденное смирение, «Отречение от мира» было в девственной душе нашей расы зародышем, могущим расцвести «огнецветом», спасителем мира. «Великая тайна Божия есть в избрании на скорбь», говорит святая Феврония в легенде «О невидимом граде» (русском «Парсивале)», и это почувствовали наши поэты. Тютчев скорбит, что

Не может ум иноплеменный
Понять всей нашей простоты смиренной.

---

* «Cycles» Amaravell'ы в «Lotus bleu» 90-х годов.

Владимир Соловьев говорит:

С Востока свет, с востока Сила!
О Русь...
Каким же хочешь стать Востоком,
Востоком Ксеркса иль Христа?

Отречение от земного нашего величия, жажда иной славы «новой, чистой» уже звучит и в гордой оде «России».

Не гордись... И вот за то, что ты смиренна,
Что в чувстве детской простоты,
В молчаньи сердца сокровенном
Закон он Творца прияла Ты,
Он дал Тебе Свое избранье!..

Но весть об избрании, идущая из источника авторитетного, обязывала к еще большему смирению, возбуждала еще большую жажду познания своего долга, уяснения будущей дороги к Единому Пути Боголюдей. Основы всякого будущего в прошлом. С надеждой и верой за всех нас, было мной предпринято паломничество к забытому источнику нашей эзотерической жизни, к Св. Святых древних славян: в пустынную ныне Аркону на остров Руяну (ныне под немецким владычеством: Рюген).

II
Руяна

Пребывание мое на Руяне, священном острове всего Славянства, длилось 3 дня. Руяна очень близка от материка, но была островом уже во времена Атлантиды, что видно из показаний арабских хроникеров, говорящих о ее богатых храмах из «коралла и изумруда» и хранящейся в них «смарагдовой» доске, исписанной тайнами. Они говорят также, что знание магии и изучение астрономии было принесено на Руяну прибитыми морем к ее берегам краснокожими людьми (расы Толтеков?*) с далекого большого Острова, очевидно «Руты», части Атлантиды.

На Руяне сохранились рядом следы двух верований: туземного и славянского.

Терпимость славян отвела и на священной Руяне место культу «Нертус» на «Черном озере» (Нертус или Herth'ы), как и скоро исчезнувшему более древнему культу, бывшему под зодиакальным знаком другой эпохи, культу Близнецов... В одном из древних храмов Руйи, против статуи бога, была и статуя его помощницы, его подруги-богини. Но не эти легенды, не эти храмы были святыней первых Славян, не в них было дано учение Того, Кто стал во главе новой расы, ее духовным вождем и ее первым князем «Само». Славой, первой духовной святыней был храм Святовита в Арконе.

III
Аркона

Все было покрыто морским туманом, когда я впервые попыталась различить из Ломэ лежащий напротив берег, где высятся скалы Арконы с маяком спасательной станции.

В 9 часов вечера вдруг сквозь серебристую мглу майской ночи сверкнул ослепительный белый луч: маяк Арконы. Этот белый свет был первым проявлением ее моему жаждущему воображению. Рано утром небо немного прояснилось; я схожу к морю, и вдруг передо мной из-за рассеивающейся сероватой мглы выступила, как могучий корабль, вся белая скала Арконы с гордым, светоносным профилем маяка... Скалы блистали при лучах солнца сквозь морскую даль...

* Scott Elliot: Story of Atlantis.

Стены маяка темно-красные, темно-красного цвета были и стены храма Святовита и алая завеса Св. Святых, никогда не поднимавшаяся...

Путь к Арконе (и замечательно, что ближайшая к ней прелестная деревня, вся в зелени, зовутся «Путь», Putgarten) лежит через чисто славянские воздушно-зеленые леса, настоящие обители эльфов с зеленым шумом весны, с ясными сводами берез, льющих изумрудный свет на узкие лесные дороги. Имена деревень все славянские: Тревога (увы!), Лом, Лов, Сосницы, Загар и лица русские — все типы «древлего благочестия». Последний лес, густой лес кедров был весь в цвету и подымал к печальному серому небу точно мириады красных, как кровь, свечей, как будто все стояли убранные елки. Если принять Розенкрейцеровское кр. учение, что по смерти души в Девахане влияют на тип страны и растительности, то понятны мертвенность и мгла, среди испарений чернеющих всюду фабрик, по всей бывшей земле Балтийских Славян, где были замучены наши старшие братья, где стояла Ретра с ее храмом психической магии и храм Триглава, храм официального культа страны, чистая же сфера Арконы вечно хранит юность и целебные силы Руяны. Отсюда и шла та «слава», та внутренняя жизнь Бога — Света, которая дала Славянству его имя.

Аркона на самом краю бездны у моря, где «простор воздушный и безгранный». Кругом все пусто, одни поля. Тут был город у ног храма...

И на этом же месте, у красной башни маяка, в дымной харчевне для лоцманов, спасающих суда, висит грубый снимок со статуи Святовита... Над его головой точно крылья или лучи свастики, в руках — меч с крестообразной рукояткой и рог, из которого только один верховный служитель Его мог пить вино раз в год...

За стеклами грубо сделанного шкапа «древностей»: головка белого орла, белая головка богини с хеттским типом и на стене, среди почерневших дротиков, небольшое, когда-то белое знамя. Станица ли? Знамя ли Святовита?

От берега, у белейшей скалы, где были «Св. Ворота», никогда не открывавшиеся как только для славян, которые имели право вступать туда, подходя с моря, от берега идет тропинка и на ней, случайно, лесенка в 7 ступеней... Тут, среди белых весенних цветов, я невольно преклоняю колена. Кругом ни души. Вдали чернеют валы бывшего укрепления «Яромара» (ныне станция беспроволочного телеграфа). Тут бились за Аркону в смертный ее час триста ратников Святовита. Вся Аркона была уничтожена, и тогда балтийские Славяне, наконец, перестали защищаться, не желая пережить ее.

Сквозь мглу веков, как скалы Арконы, выясняются нам славянские Мистерии...

Прежде всего их *простота*...

Только жизнь духа:

1-ая степень: Триста воинов Святовита, жизнь, добыча, награда которых принадлежала только ему, *Кшатрии.*

2-ая степень: священнослужители, уже связанные и внешними ограничениями в одежде и пище. Характерно, что они могли есть все, но лишь оставшееся от жертвы.

3-тья степень: гармонизация всей жизни очистившегося духовно и нравственно ученика: высшие жрецы, учившиеся и магии.

Но их магия была вся направлена, как и жизнь низших степеней, на службу миру: земле (астрономией, содействием урожаю), людям (астрологией, врачеванием), Богу (богослужением). Только один из них мог пить вино, претворенное в роге в руке Святовита. Только один из них мог входить в алтарь в день Святовита.

У ворот, в грязи брошена только что найденная статуя богини, сильно поврежденная. С глубокой нежностью я кладу руку на ее голову. Это первое прикосновение славянской руки за 700 лет, со дня, где замерли руки защитников Арконы. У плеч статуи еще видны следы *темной сине-красной почерневшей доски...* может доски храма Святовита... Аркона еще жива...

Сквозь туман последнего утра она еле видна из Ломэ. Маяк исчез, белые тучи клубятся, как орлы над скалой, иногда вдруг розовеющей сквозь туман... как отблеск, сияние Девакхана...

В дыму серебряном горит
Святое, алое сиянье...
На тайный зов душа летит...

Сокрушен образ Руководителя Славянской Расы, но рассеянные лучи его брызнули по всей земле... но белые и черные славянские орлы парят над полмиром... Орлы должны соединиться и быть равными в служении. Россия, в светлый праздник свой, день Воскресения Христова, служащая обедню «Нового Иерусалима», Россия, обреченная служению «всей земле», Россия должна услышать громко возвещенную весть о призвании ее к воскрешению Царства Духа на земле, ибо она — самое сердце Славянства, — расы, духовно посвященной в Арконе Богу Света.

Земля и железо

Есть горькая супесь, глухой чернозем,
Смиренная глина и щебень с песком,
Окунья земля, травяная медынь,
И пегая охра, жилища пустынь.

Меж тучных, глухих и скудельных земель
Меж матерь-земля, бытия колыбель.
Ей пестун судьба, вертоградарь же — бог,
И в сумерках жизни к ней нету дорог.

Лишь дочь ее, Нива, в часы бороньбы
Как свиток являет глаголы судьбы, —
Читает их пахарь, с ним некто Другой,
Кто правит огнем и мужицкой душой.

Мы внуки земли и огню родичи,
Нам радостны зори и пламя свечи,
Язвит нас железо, одежд чернота, —
И в памяти нашей лишь радуг цвета.

В кручине по крыльям, пригожих лицом
Мы «соколом ясным» и «павой» зовем.
Узнайте же ныне: на кровле конек
Есть знак молчаливый, что путь наш далек.

Изба — колесница, колеса — углы,
Слетят серафимы из облачной мглы,
И Русь избяная — несметный обоз! —
Вспарит на распутье взывающих гроз...

Сметутся народы, иссякнут моря,
Но будет шелками расшита заря, —
То девушки наши, в поминок века,
Расстелют ширинки по райским луга.

Николай Клюев

А. Ю. Тюрин

Концепция человека в древнем Китае

Несмотря на то, что проблема концепций человека в классической китайской философии, казалась бы, не обделена вниманием в западном китаеведении (ей посвящено немало статей ведущих специалистов), работа американского синолога Дональда Манро, реферат которой предлагается вниманию читателя, до сих пор остается единственной опубликованной на Западе *монографией* на эту тему. Уже по этой причине не вызывает удивления тот факт, что книга Д. Манро выдержала множество изданий. Но было бы, наверное несправедливым относить столь явный успех книги на счет одного только ее «гордого одиночества». Скорее в большей степени этот успех объясняется нетрадиционным подходом автора к исследуемой проблеме, выразившимся в частности, в том, что Д. Манро увидел единую основу — идею «исходного равенства» людей — в трактовке природы человека представителями обоих основных течений классической китайской философско-религиозной мысли — конфуцианства и даосизма. Думается поэтому, что проявленный редакцией журнала интерес к нетривиальному взгляду на отнюдь не «периферийную» проблему вполне оправдан и что предлагаемое краткое знакомство с творчеством Д. Манро не обманет ожиданий читателя.

В данном исследовании, пишет автор, анализируются две концепции природы человека («жэнь син»), которые были выдвинуты в классической китайской философии — конфуцианская и даосская. При этом под «классической» здесь имеется в виду китайская философия периода 550 — 250 гг. до н. э., т. е. приблизительно от конца эпохи Чуньцю (770 — 481 гг. до н. э.) до конца периода Чжаньго (480 — 222 гг. до н. э.).

Через все конфуцианские и даосские теории, в которых так или иначе излагаются выработанные этими двумя течениями древней китайской мысли концепции человека, красной нитью проходят две темы. Первая — это вопрос о существовании или отсутствии в природе основы для этических категорий «правильного» и «неправильного», «достойного» и «недостойного», «высокого» и «низкого». Когда в обществе еще только возникает философская мысль, сразу же появляется стремление найти социальному порядку человеческого общества место в общей структуре универсума.

В Китае в конце периода Чжоу была сформулирована концепция космологического порядка, связывающего воедино человеческое общество и естественную природу, которая заметно отличалась от более поздних вариаций на эту тему. Концепция эта включала в себя положения по пяти первоэлементам, а также о двух началах — «инь» и «ян». Пятью первоэлементами считались вода, огонь, металл, дерево, земля. Хотя свойства этих «элементов» описываются иногда по аналогии со свойствами физических материалов, которые они обозначают, их все-таки лучше всего рассматривать как «силы».

Начало «инь» считалось символом «темного», «негативного», «пассивного», «слабого» и «деструктивного», а «ян» — «светлого», «позитивного», «активного», «сильного» и «созидательного». В текстах периода Чжаньго начала «инь» и «ян» связывались с первичным эфиром — «ци», из которого, как считалось, состоит универсум. «Инь» и «ян» квалифицировались или как две формы существования и проявления «ци», или как силы, управляющие движением последнего.

Поначалу, учения об «инь» — «ян» и о пяти первоэлементах существовали независимо друг от друга. Однако постепенно они были объединены. Было заявлено, что каждый из пяти первоэлементов сначала возвышается над всеми явлениями в природе, а затем приходит в упадок. Подъем и упадок каждого из пяти элементов были объявлены результатом соответствующих действий сил «ян» и «инь».

Существовало много вариантов представлений об отношениях между пятью перво-элементами, складывавшимися в период доминирования одного из них. Двумя наиболее

популярными версиями были следующие: 1) каждый элемент подчиняет себе и разрушает тот, что предшествует ему; 2) каждый элемент порождает тот, что следует за ним.

В универсуме, согласно конфуцианским представлениям, действовали своего рода нормы морали, позволявшие определять «правильность» или «неправильность» отношений, установившихся в данный момент между различными его объектами. При этом главным критерием «правильности» было соблюдение иерархического характера этих отношений, при котором «ясно различаются высокое и низкое, а достопочтенный и презренный — каждый располагаются на своих местах». Дело в том, что все объекты универсума, согласно конфуцианским теориям, различались между собой как «высшие» и «низшие», «достойные» и «недостойные», «правильные» и «неправильные».

Как «высокое» и «низкое» конфуцианцы различали и два названных выше основополагающих начала космологического порядка: «ян» (его они квалифицировали как «высокое») и «инь» (этому началу отводилась роль «низкого»). Небо они характеризовали как относившееся к сфере «ян» и «благородное», а Землю — как принадлежащую к сфере «инь» и «презренную». Иными словами, конфуцианцы считали, что в самой природе изначально заложен принцип иерархического характера отношений между объектами универсума. А воплощением принципа, утверждавшего социально-иерархический порядок в универсуме, необходимость подчинения одних объектов последнего другим и соблюдения соответствующих различий между статусами «благородного» и «подлого», стало для них понятие «ли».

Термин «ли» первоначально означал «приносить в жертву», но впоследствии приобрел значения: «порядок», «устройство». Теперь он обычно переводится как «правила», «церемония», «ритуал» или «приличия». Первоначально применение понятия «ли» ограничивалось, судя по всему, сферой церемониальных ритуалов религиозного характера. Впоследствии сфера его применения расширилась и распространилась на разного рода церемонии, считавшиеся обязательными при дворе правителей. В конечном же итоге термин «ли» стал обозначать вообще все кодифицированные нормы, правила и обычаи, особенно те из них, что касались межличностных отношений.

Действие существовавших, по их представлению, в универсуме норм конфуцианцы распространяли на человеческое общество. От человека они требовали прежде всего поведения и действий, соответствующих этим нормам, а потому заслуживающих быть квалифицированными как «естественные». Иными словами, иерархический характер отношений между объектами универсума конфуцианцы рассматривали как модель для социальной иерархии человеческого общества.

Акцентируя необходимость достижения и сохранения гармонии между человеком и природой, сами конфуцианские мыслители видели гарантию этого прежде всего в установлении и соблюдении социальных различий между людьми. Однако утеря названной гармонии, утрата мира и процветания обществом в случае несоблюдения кодекса «ли» вовсе не рассматривались в конфуцианской мысли как «кара» со стороны естественной природы или некоего верховного божества. Просто соблюдение воплощенного в кодексе «ли» миропорядка, в основе которого лежит принцип незыблемости социальной иерархии, рассматривалось в ней как нечто настолько же естественное, насколько естественным является круговорот четырех времен года.

Здесь необходимо обратить внимание на одну важную деталь. В период Западного Чжоу «Небо» в китайской философской и религиозной мысли выступало в роли полуперсонализированного божества, которое одновременно и само обладало определенными моральными качествами — такими, например, как «любовь к человеку», и предписывало людям воспитывать в себе эти качества, придерживаясь установленных социальных норм. Однако конфуцианцы лишили «Небо» качеств полуперсонализированного божества. У них «Небо» стало выступать лишь в роли иного обозначения понятия «природа». И в этой ситуации все, что раньше приписывалось верховному божеству, было теперь перенесено на природу.

Деятельность Дун Чжуншу (179 — 104 гг. до н. э.) внесла два новых момента в описанную выше конфуцианскую концепцию взаимосвязей и взаимоотношений между человеком и природой. Во-первых, Дун Чжуншу предпринял попытку установить строгое числовое соответствие между отдельными объектами природы, ее явлениями, а также свойствами и качествами человека, его действиями и поступками. Так, пяти первоэлементам — воде, огню, металлу, дереву и земле соответствовали, по мнению Дун Чжуншу: 1) пять свойств (качеств) человека — облик, речь, зрение, слух, мышление; 2) пять направлений частей света (китайцы включали сюда и центр), 3) пять музыкальных нот; 4) пять цветов. Кроме того, все объекты универсума были разбиты на пять групп, каждая из которых была «привязана» к одному из пяти первоэлементов.

При этом считалось, что объекты, принадлежащие к одной группе, оказывают друг на друга воздействие, которое по своему характеру является не механическим, а «резонансным». Такого рода воздействие оказывали друг на друга категории «восток», «дерево», «зеленое», «ветер» и «весна», объединенные в одну группу. Изменения в одной из них —

например, в «зеленом» должно было оказывать воздействие на все остальные — «восток», «дерево», «ветер», «весну» — в ходе процесса, являющегося чем-то вроде многостороннего эха, и не сопровождающегося никакими физическими контактами между названными категориями. Поэтому император должен был весной носить одежды зеленого цвета и, если он не делал этого, то результатом могло быть нарушение установленного порядка смены времен года.

Главная идея этой теории взаимодействия между различными объектами заключалась в тезисе, согласно которому существовали взаимозависимость и взаимодействие между поведением и действиями человека, с одной стороны, и природой — с другой. Например, когда в природе наступает подъем силы «инь», в человеке также происходит рост «инь», и поэтому можно ожидать возникновения пассивного, негативного или деструктивного поведения с его стороны. Это взаимодействие между природой и человеком объяснялось тем, что они, как считалось, представляли собой продукт одной первичной субстанции — «ци», и поэтому не может существовать никаких физических барьеров, препятствующих их воздействию друг на друга.

Тезис о взаимодействии между естественной природой и человеком был подкреплен выдвинутой Дун Чжуншу новой концепцией «Неба». Правда, по сути дела эта новая концепция явилась просто возрождением прежних воззрений периода Западного Чжоу, о которых говорилось выше. Дун Чжуншу и его последователи вновь наделили Небо свойствами некоего «высшего духа», обладающего сознанием и способного диктовать свою волю.

С восстановлением Дун Чжуншу идеи существования верховного божества, обладающего определенными моральными качествами, был связан и тот второй новый момент, который философ внес в конфуцианскую концепцию взаимоотношений и взаимодействия между природой и человеком: им был сформулирован постулат, согласно которому в качестве наказания за нарушение человеком установленных социальных норм верховное божество могло насылать на землю разного рода стихийные бедствия — землетрясения, наводнения и т. д. В конфуцианской мысли, предшествовавшей Дун Чжуншу, ничего подобного обнаружить нельзя.

Конфуцианцами был поставлен вопрос о предопределенности судеб как отдельных людей, так и людских сообществ. В их трудах содержатся на этот счет положения, которые могут быть охарактеризованы как «ограниченный фатализм». Согласно этим положениям, далеко не все явления и события в жизни человеческого общества, не все повороты судьбы отдельных людей и не все их качества предопределяются Небом. К числу того, что предопределяется Небом, в классических конфуцианских трактатах эпохи Чжоу были отнесены: продолжительность человеческой жизни, некоторые природные и социальные катастрофы, некоторые свойства и качества человека.

Однако в целом, подчеркивали конфуцианские мыслители, человек способен обычно использовать свой «оценочный ум» и «чувство морального долга», чтобы действовать в соответствии с их велениями. Не существует никаких предопределений свыше, которые могли бы помешать человеку следовать велениям своего собственного «оценочного ума» и «чувства морального долга». В конфуцианской мысли не встречается положения, согласно которому цели, к которым стремятся люди, являются для них недостижимыми.

Признавая за Небом ограниченную способность предопределять судьбы отдельных людей и человеческого общества в целом, китайская философская и религиозная мысль, начиная уже с X в. до н. э., стала отказывать в таком признании разного рода духам. А Конфуций в своих работах вообще предостерегал людей от всякого общения с духами. Ему вторил и Сюнь-цзы, призывавший людей меньше думать о духах, а больше о реальной повседневной жизни.

Что касается космологической теории даосов, то в ее основе лежал постулат, согласно которому весь универсум состоит из материальной субстанции «ци», переживающей перманентный процесс перемен. В основе же развития этого процесса лежит принцип «Дао», как раз и предопределяющий все те перемены, которые должна претерпеть субстанция «ци». Поэтому как в «Дао дэ цзин», так и в «Чжуан-цзы» «Дао» квалифицируется как выразитель идеи постоянства в общем беспрерывном процессе перемен. Иными словами, «Дао» рассматривается здесь как условие, причина и воплощение самого этого процесса.

Но при этом в «Дао дэ цзин», где «Дао» сравнивается с «пустым сосудом, который никогда не испытывает нужды в том, чтобы его заполняли», то же «Дао» характеризуется как «мать», рождающая все объекты универсума, как их «предок», и подчеркивается, что «Дао» дает ответ на вопрос, «откуда произошло все сущее». Иными словами, «Дао» рассматривается здесь как единый источник происхождения всего сущего. В «Чжуан-цзы» же отвергнута сама идея «рождения» или «происхождения» объектов универсума, которая заменена здесь идеей «изменения» и «возвращения». Суть последней заключается в том, что объекты универсума постоянно претерпевают «изменения», переходя от одной

своей «формы» существования в другую, «сбрасывая» с себя эти формы и «возвращаясь» к ним. А в основе этого процесса, как подчеркивается здесь, лежат трансформации, постоянно переживаемые самим «Дао».

Поэтому в «Чжуан-цзы» отношения между «Дао» и конкретными объектами универсума описываются с помощью символики колеса. «Дао» здесь отождествляется с полым центром колеса, и при этом подчеркивается, что именно «находящаяся» в центре колеса и ничего не содержащая в себе пустота обеспечивает вращение колеса вокруг оси, т. е. его эффективное действие. Конкретные объекты универсума образуют эфемерный обод колеса; «эфемерный» — потому, что эти объекты возникают лишь на какое-то время, проявляясь в каких-то конкретных формах («син»), а потом вновь исчезают, перевоплощаясь в другие формы. Ни один из объектов не в состоянии покинуть предназначенное ему на ободе колеса место. «Неподвижная» пустота центра колеса символизирует вечность и незыблемость «Дао», а вращение самого колеса — процесс претерпеваемых объектами универсума перемен.

Правда, в «Чжуан-цзы» можно встретить утверждение, согласно которому «Дао» представляет собой единство «жизни и смерти». Более того, здесь говорится, что «рождение» объектов универсума является их одновременно «и началом, и концом», а их «смерть» — также одновременно «и концом, и началом», а само «Дао» характеризуется как «демиург» всего сущего. Но ни эти обстоятельства, ни использование в «Дао дэ цзин» того же образа «колеса», что и в «Чжуан-цзы», не могут заслонить собой того факта, что изложенные в обоих трактатах взгляды на природу объектов универсума явно отличаются друг от друга.

Вопреки содержащемуся в даосских трактатах утверждению о невозможности дать какие-либо определения «Дао» с помощью слов, сами даосы квалифицировали «Дао» как «Единое», лежащее в основе всех объектов универсума и присутствующее в каждом из них. Они подчеркивали при этом, что «Дао существовало до возникновения Неба и Земли».

Даосы определяли также «Дао» как «Ничто» («у») или «Пустоту» («сюй»), и подчеркивали, что «Дао» не обладает ни поддающимися чувственному восприятию свойствами, ни качествами, которые могут быть охарактеризованы такими понятиями, как «хороший» — «плохой», «высокий» — «низкий», «прекрасный» — «безобразный» и т. д.. Правда, в «Чжуан-цзы» встречается пассаж, в котором «Дао» характеризуется как единство «хорошего» и «плохого», «сильного» и «слабого», «прекрасного» и «безобразного».

Даосы подчеркивали, что «Дао» порождает все объекты универсума и предопределяет все перемены материальной субстанции «ци», не оказывая предпочтения тем или иным объектам и не подчиняя их себе. В отличие от антропоморфного существа, которому приписывают роль творца всех явлений естественной природы, «Дао» порождает явления универсума бессознательно и без какой-либо цели, обеспечивая лишь наступление необходимых перемен.

Исходя из этой характеристики «Дао», даосы отвергали попытки конфуцианцев приписать естественной природе свойства и качества, которые могут быть охарактеризованы с помощью таких понятий и категорий, как «высокое» — «низкое», «правильное» — «неправильное», «достойное» — «недостойное». Более того, они выступали даже против использования такого рода понятий и категорий для характеристики отношений и связей, действующих в человеческом обществе. Точно также даосы не принимали конфуцианского постулата о потенциальной «благосклонности» Неба и Земли, считая, что на естественную природу вообще нельзя распространять этические принципы, принятые в человеческом обществе. Отрицали даосы и саму возможность существования каких-либо природных основ социального устройства человеческого общества.

При династии Хань Ван Чун, автор работы «Лунь хэн» («Критические очерки») (I в.), находясь под влиянием даосских воззрений, согласно которым Небо (или «Дао») не действует сознательно, подверг критике созданный Дун Чжуншу портрет сознательного, обладающего субъективной волей божества, которое устраивает миропорядок в интересах человека.

И все-таки постулат о «присутствии» «Дао» внутри всех объектов универсума был распространен даосами и на человека. Правда, соответствующие положения сформулированы у них так, что их содержание можно понять двояко: внутри человека присутствует то ли некий «принцип», который «связывает» его с «Дао», то ли непосредственно само «Дао». Были предложены соответственно несколько понятий и категорий, которыми обозначали или указанный принцип, или ту «форму», в которой «Дао» присутствовало внутри человека, и которые касались разных аспектов «Дао» или связывавшего человека с «Дао» принципа.

Согласно даосским представлениям, при появлении отдельных объектов универсума на свет, «Дао» проявляется в каждом из них в форме его «дэ» — принципа, который определяет, как должен выглядеть данный объект и какие ему предстоит претерпеть изменения. «Дэ» рассматривалось в даосской мысли по сути дела как то же «Дао», но уже «присутствующее» в каждом объекте универсума, включая человека, — как его «внутреннее Дао». В «Дао дэ цзин» это соотношение между «Дао» и «дэ» разъясняется с помощью

аналогии, в которой «Дао» сравнивается с общим понятием «дерево», а «дэ» — с конкретным деревом. В то же время в «Дао дэ цзин» говорится, что если «Дао» дает любому объекту универсума жизнь, то «дэ» ведет его дальше по предназначенному ему жизненному пути. А согласно версии, представленной в «Чжуан-цзы», «Дао» именно с помощью «дэ» дает жизнь всем объектам универсума, а затем уже «дэ» превращается в форму присутствия «Дао» в этих объектах.

У даосов можно прочесть, что «Дао», согласно их представлениям, «взращивает» все сущее, но не «контролирует» его, и что именно в этом проявляется «волшебное дэ». При этом точно также даосы рекомендовали вести себя «мудрому правителю». В качестве «Дао» каждого отдельного человека «дэ» рассматривалось даосами как внутренняя субстанция, познаваемая лишь путем интроспекции. Но в то же время «дэ» характеризовалось в даосизме и как некий внутренний жизненный принцип, порожденный «Дао» и связывающий с «Дао» каждого индивида.

Даосы проводили различие между «дэ» как воплощением определенного «принципа» и физической субстанцией «ци», которая путем объединения в себе двух противостоящих друг другу начал — «инь» и «ян» — и с использованием «формы» «син» — превращалось в конкретный физический объект. В этом контексте «дэ» определяло у даосов те изменения, которые оказывали воздействие на приобретшую форму («син») материю («ци»), образовавшую тем самым конкретный объект. Но иногда «дэ» выступало у даосов в роли некоей объединенной или тесно связанной с «ци» субстанции, дававшей рождение всем объектам и именовавшейся «великой гармонией» («тай хэ»), поскольку она рассматривалась как идеальное соединение противоположных начал.

И в «Дао дэ цзин», и в «Чжуан-цзы» содержатся фрагменты, в которых фактически говорится о возможности содержания разного количества «дэ» у разных людей. Так, в «Чжуан-цзы» можно прочесть: «Когда у кого-либо «дэ» содержится в изобилии, его можно сравнить с новорожденным дитя». А Лао-цзы пишет в «Дао дэ цзин» о «накапливании» даосскими мудрецами своего «дэ». В других случаях вместо категории «дэ» даосы часто пользовались понятием «подлинный правитель» («чжэнь цзай» или «чжэнь цзюнь»), которое было предложено Чжуан-цзы и под которым он имел в виду «внутреннее Дао» каждого человека. Но Чжуан-цзы подчеркивал при этом, что речь шла именно о «внутреннем правителе», который может находиться только в нем самом и не может быть найден ни в «Дао», ни в «мудром государе».

Использовалось для обозначения присутствующего внутри человека «Дао» и понятие «постоянный ум» («чан синь»), которое само по себе призвано было служить символу сущности человека, не поддающейся рациональному познанию. Если вновь вернуться к использованному Чжуан-цзы образу колеса, то «постоянный ум» отождествлялся у даосов с отверстием ступицы последнего и символизировал необходимость погруженности в абсолютную ментальную пустоту для постижения сущности тех перемен, которые претерпевали объекты, расположенные на ободе колеса. Иными словами, «постоянный ум» у даосов представлял собой «Дао» в том его качестве, в каком оно присутствовало в каждом человеческом индивиде.

Даосы подчеркивали, что человек в состоянии постичь находящееся внутри него «Дао», но не путем чувственного или рационального познания, а с помощью углубленного внутреннего самоанализа. Причем способность к такому самоанализу признавалась только за теми, кто полностью сумел подавить в себе функционирование «оценочного ума» и кто вообще сумел отстраниться от всех видов и форм человеческой деятельности [Здесь у Д.Манро наблюдается известное противоречие, поскольку, как будет показано ниже, он одновременно считает, что даосы вообще отвергли конфуцианскую идею о существовании у человека «оценочного ума».]

Следует заметить, что даосский постулат о «Дао» как о принципе, предопределяющем те изменения, которые предстоит претерпеть объектам универсума, вовсе не привел даосов к чему-либо, напоминающему о существовании некоей априорной «программы» этих перемен.

Анализ любых концепций человека в древнем Китае приводит исследователя к доминирующей в них идее природного равенства людей. Это и есть та вторая тема, сквозной нитью проходящая через все конфуцианские и даосские учения о природе человека, о которой говорилось выше. Эта идея лежала в основе всего мировоззрения китайцев в древности. Ее присутствие является отличительным признаком классической китайской философии, обозначающим водораздел между нею и классикой европейской философской мысли.

Здесь следует иметь в виду, что само понятие «равенство» имеет два тесно взаимо—связанных, но тем не менее четко различимых аспекта. Первый можно назвать «дескриптивным». Он тесно связан с равенством людей от природы, т. е. воплощает в себе принцип, согласно которому всех людей без исключения природа наделяет — пусть не в равной мере — всеми присущими и необходимыми человеку свойствами и качествами. Иными словами,

этот аспект связан с «биологическим» равенством людей. Второй аспект понятия равенства можно назвать «оценочным». Он тесно связан с такой категорией, как «ценность» человека, и воплощает в себе принцип, согласно которому люди, обладая одинаковой «ценностью», заслуживают одинакового обращения и должны пользоваться равными правами на получение политических и экономических привилегий и т. д.

Идея природного равенства людей разделялась представителями всех направлений и течений философской и религиозной мысли древнего Китая. Ни конфуцианцы, ни даосы не составляли в этом смысле исключения. Однако сама сложность понятий «равенство» и «неравенство» осталась вне поля зрения множества ученых, изучавших эти философские школы, что не позволило им выявить сущность ранних китайских концепций человека.

Тех, кто ранее изучал конфуцианство, до сих пор вводило в заблуждение присутствие в конфуцианской мысли постулата, утверждавшего незыблемость социальной иерархии в человеческом обществе и видевшего основу для нее в иерархической организации природы. Адекватность такого рода традиционной интерпретации указанного постулата не подлежит сомнению. Конфуцианцы действительно считали, что социальная иерархия — это естественное явление. Но здесь заслуживает внимания то обстоятельство, что тезис об иерархическом устройстве всего универсума не вел чжоуских конфуцианцев к выводу об изначальном природном неравенстве людей, как это произошло с последователями Платона в древней Греции.

Напротив, в конфуцианской мысли присутствовал и другой постулат: об однозначном природном («биологическом») равенстве людей — в тот момент, когда они только появляются на свет. Это равенство конфуцианцы видели в том, что все люди без исключения наделялись со стороны природы свойствами и качествами, рассматривавшимися в конфуцианстве как обязательные элементы «природы человека». При этом они вовсе не отрицали факта существования природных различий между людьми — того, что люди от природы неодинаковы, что одними и теми же общими для человека как биологического вида свойствами и качествами природа наделяет их отнюдь не в равной мере. Но они считали, что указанные различия не играют решающей роли в формировании самой социальной иерархии в человеческом обществе и в определении места человека в этой иерархии.

Тем не менее, идея изначального природного равенства людей соединялась у конфуцианцев с тезисом о естественности социальной иерархии в человеческом обществе. Вся система конфуцианской мысли в целом, все существо конфуцианских учений акцентируют необходимость существования социальной иерархии, т. е. социального порядка, при котором существуют разного рода политические и экономические привилегии. Изначальное природное равенство людей, присущее им при рождении, исчезало, по конфуцианским представлениям, по достижении ими зрелого дееспособного возраста, когда выявлялось, что они обладают неравными заслугами, а потому и отношение к ним тоже не может быть равным.

Даосы также считали, что люди от природы равны. Но их подход к проблеме изначального природного равенства людей был прямо противоположен конфуцианскому. Они не связывали изначальное природное («биологическое») равенство людей с какими-либо этическими качествами, отвергая конфуцианский тезис о существовании последних в естественной природе. Вообще, в даосской мысли принцип равенства и само понятие «равенства» были доведены до крайности. Даосская аргументация в защиту идеи изначального природного равенства людей базировалась на постулате о «Дао» как «Едином», присутствующем в каждом из множества объектов универсума, в том числе и человека. Природное изначальное равенство людей обуславливалось, как считали даосы, тем, что, будучи «Единым», «Дао» не может присутствовать в одном объекте универсума, в том числе и в человеке, в большей мере, чем в другом, или, иными словами, ни один человек не может быть наделен «Дао» в большей степени, чем другой.

Они подчеркивали, что поскольку с точки зрения «Дао» все объекты универсума одинаковы (очевидно, имеется в виду, что все названные объекты в равной мере являются продуктами изменений, происходящих с первичной материальной субстанцией «ци», которые диктуются «Дао», или — что все в равной мере порождаются непосредственно «Дао». — *реф.*), постольку все люди должны рассматриваться как равные между собой.

Даосы не отрицали, что люди при рождении оказывались наделенными разными качествами и разными способностями. Однако, эти различия квалифицировались ими как «эфемерные», поскольку они являются плодом конкретных изменений, происходящих с «ци» на данном отрезке времени; в то время как изначальное природное равенство людей было обусловлено действием вневременного, «вечного» фактора.

В «Чжуан-цзы» эта даосская доктрина природного равенства всех объектов универсума, включая человека, изложена тоже с помощью уже упоминавшейся символики колеса: качества и свойства, которые определяют различия между объектами универсума, включая людей, отождествляются здесь с возникающими на время и вновь исчезающими «формами» («син»), образующими эфемерный «обод» колеса. Иными словами, эти «формы» представ-

ляют собой точки, равноудаленные от полого центра колеса, который идентифицируется в качестве «Дао». А эта равная удаленность от «Дао» как раз и символизирует природное равенство всех объектов универсума, в каждом из которых «Дао» присутствует в равной мере.

В отличие от конфуцианцев даосы считали, что все люди равны не только при рождении, но и — в определенном смысле — по достижении зрелого, дееспособного возраста тоже. Возражая своим конфуцианским оппонентам, они подчеркивали, что, с их точки зрения, все люди обладают равными заслугами и заслуживают одинакового к себе отношения. Они отвергли все выдвинутые конфуцианцами критерии различения заслуг у людей, достигших зрелого возраста, отвергли такие используемые для выработки этих критериев конфуцианские понятия и категории, как «благородный» и «подлый», «правильный» и «неправильный». Даосы отказали в праве на существование самой концепции социального ранга человека, считая, что тот, кто выглядит «высоким» в глазах человека, может оказаться «низким». Они осудили конфуцианскую концепцию «оценочного ума» человека и связанную с ней идею «морального превосходства» одних людей над другими.

Вообще из даосского постулата, согласно которому этические категории и понятия, рожденные в человеческом обществе, не могут быть перенесены на природу, и который тем самым обозначил водораздел между даосской и конфуцианской мыслью, со всей неизбежностью следовало, что универсум не может обладать «моральными» качествами, а значит конфуцианский «оценочный ум» — это не более, чем химера. В отличие от конфуцианского «достопочтенного», даосский идеал или «образец» человека — «совершенномудрый» («шэн») — обладал не «моральным превосходством» над другими, а «проникновением в сущность», что позволяло ему придерживаться принципа равного, беспристрастного отношения ко всем людям. Он хорошо усвоил, что не следует ставить одних людей выше других, золото выше шлака, силу выше бессилия, и поэтому сама идея привилегий теряет для него всякий смысл.

Следует, однако, заметить, что в целом основа даосской концепции равенства людей — тезис, согласно которому «Дао» в равной мере присутствует в каждом человеке — не может быть охарактеризована как прочная, поскольку, как уже говорилось выше, налицо явное противоречие между такого рода тезисом и постулатом о «Дао» как о «Едином». Не случайно, в религиозном даосизме указанный тезис был фактически трансформирован в положение о неравном «накоплении» «Дао» в себе разными людьми, что легло в основу претензий на личную власть над людьми и на личное бессмертие (в отличие от безличного, провозглашенного первоначально в философском даосизме). Кроме того, как было показано выше, и в «классическом» даосизме — в трактатах «Дао дэ цзин» и «Чжуан-цзы» — фактически присутствовал тезис о разном количестве «дэ», присутствующем внутри разных людей, который явно подрывает всю даосскую концепцию равенства.

Конфуцианцы считали, что природа человека («жэнь син») включает в себя три компонента: 1) комплекс общих видов физиологических потребностей и физиологической деятельности, направленной на удовлетворение этих потребностей; 2) определенные виды социальной деятельности, характерной только для человека — перечисления этих видов у разных мыслителей отличаются друг от друга; 3) «оценочный ум», способный различать во всех объектах, действиях, ситуациях и событиях такие рожденные самой естественной природой качества, которые могут быть выражены категориями «благородный» — «подлый», «правильный» — «неправильный», «достойный» — «недостойный». Здесь третий, последний, компонент фактически представляет собой кодекс социального поведения. Согласно конфуцианским взглядам, все три компонента присутствуют у всех людей в равной мере, что и обеспечивает «биологическое» равенство людей.

Из трех названных выше компонентов природы человека социальную деятельность и «оценочный ум» конфуцианские мыслители рассматривали как уникальные свойства человека, а люди, наиболее эффективно использующие эти свойства, приобрели в их глазах право на установление особых отношений с Небом, таких, которые недоступны всем остальным. Сущность природы человека они видели именно в его социальном поведении, и именно к нему проявляли интерес в первую очередь.

Согласно конфуцианским постулатам, конкретное социальное поведение отдельного человека определяется уровнем использования им своего «оценочного ума». «Оценочный ум», по представлениям конфуцианцев, сначала превращает социальное поведение человека из потенциальной возможности в практическую деятельность. А после этого «оценочный ум» начинает контролировать социальное поведение человека.

Главным в социальном поведении людей является, как заявляли конфуцианские мыслители, следование «образцам», а таковыми они объявляли тех, кто наилучшим образом использует свой «оценочный ум». Социальное поведение, основанное на эффективном использовании «оценочного ума» или на подражании «образцам» такого использования тоже квалифицировалось в конфуцианстве как «высокоморальное». Соответственно, главными нормами такого рода «морали» конфуцианские мыслители объявили различение с

помощью «оценочного ума» «благородного» и «подлого» социальных статусов, а также «правильного» и «неправильного» образа действий.

Таким образом, решающую роль конфуцианцы отводили тем свойствам и качествам человеческой личности, которые так или иначе были связаны с нормами морали. Такие «не моральные» качества человека, как ум или знатное происхождение, сила, имели, с их точки зрения, лишь второстепенное значение.

Доктрина изначального природного равенства людей, из которого следовало, что ни один человек не появляется на свет с врожденными пороками и недостатками, приводило конфуцианских мыслителей к выводу, что развитие моральных качеств человека в очень большой степени зависит от его воспитания и образования, что совершенствование системы и содержание процесса образования, направленное на активизацию деятельности «оценочного ума», способно предотвратить появление у человека разного рода пороков. С точки зрения конфуцианских мыслителей, именно образование определяет, какие начала возобладают в данном конкретном человеке — позитивные или негативные. Воспитание и образование, считали они, способны помочь человеку достичь совершенства.

К этому выводу подводили конфуцианцев и их представления о природе человека. Ведь, согласно этим представлениям, все люди при рождении в равной мере наделяются одними и теми же социальным началом и «оценочным умом». А то, что они впоследствии по-разному используют эти дары природы, является результатом не предопределенной судьбы, а негативного воздействия внешних факторов. Это воздействие могло привести к утрате человеком способности использовать дарованные ему природой уникальные свойства и качества.

С точки зрения конфуцианцев, каждый человек сам — по крайней мере частично — нес ответственность за собственные отношения с внешними объектами, негативное воздействие которых не позволяло ему использовать дарованные Небом свойства и качества. Это положение явно связано своим происхождением с представлением, которое было распространено в период Западного Чжоу и согласно которому человек в качестве индивида сначала «проявляет свою добродетель» («мин дэ»), а потом уже на нее обращает внимание Небо.

Процесс преодоления человеком негативного воздействия внешних факторов был тесно связан у конфуцианских мыслителей с их представлениями о механизме этого воздействия. Считалось, что непосредственно внешние объекты влияют на «ци» человека, а уже «ци» в свою очередь воздействовало на ум и волю человека. Соответственно, состояния, при котором внешние объекты уже не смогут оказывать своего негативного воздействия на «ци» человека, а через «ци» — на его ум и волю, человек, согласно конфуцианским представлениям, может достичь путем «воспитания ци» («ян ци»).

Сам процесс достижения человеком этого состояния конфуцианские мыслители называли «самовоспитанием» («сю шэнь») или «воспитанием натуры» («ян син»). Они считали, что этот процесс усиливает имманентную способность человеческого ума отличать «правильное» от «неправильного» и воспринимать существующие в природе иерархические различия. Кроме того, в ходе указанного процесса человек должен, как подчеркивали конфуцианцы, вырабатывать соответствующее отношение к тому, что устанавливает и различает ум, отдавая «правильному» приоритет над всем остальным, включая сюда и то, что связано с личным благополучием и почетом.

Хотя процесс, о котором идет речь, назывался в конфуцианстве «самовоспитанием», но при этом вовсе не имелось в виду, что человек должен полагаться исключительно только на свои собственные усилия. Считалось, что человеку необходима еще и помощь учителей. Этот акцент на необходимость сочетания помощи извне и собственных усилий отличал конфуцианцев от даосов.

Нельзя не заметить, что конфуцианские мыслители явно преувеличивали воздействие воспитания и образования на природу человека в целом. Происходило это, во-первых, потому, что они переоценивали роль социального начала в человеке в ущерб началу биологическому, а социальное начало бесспорно поддается внешнему воздействию в большей степени, чем биологическое. Во-вторых, сами конфуцианцы зачастую забывали, по-видимому, о том, что они оперировали двумя разными понятиями — «природа человека» (сюда ими включались и биологическое, и социальное начало человека) и «сущность природы человека» (сюда они включали только социальное начало), и выводы, верные для второго понятия, бессознательно распространяли на первое.

Сквозь ранние даосские трактаты красной нитью проходят две темы: 1) развенчание постулата об уникальности человека, согласно которому человек является центром мироздания; 2) утверждение идеи о «Едином», стоящим за множеством перемен. Там, где конфуцианцы «вписывали» человеческий социальный порядок в естественную природу, даосы старались «вписать» естественную природу в человека. По этой причине даосы отвергали конфуцианский тезис об уникальном характере социальных аспектов жизни и деятельности человека и о том, что эти аспекты являются важнейшей составной частью

«природы человека». Не видели они элемента «природы человека» и в «оценочном уме», поскольку, как уже говорилось выше, даосы вообще не принимали конфуцианскую идею о существовании последнего.

Оперируя понятием «син» («природа» — в том значении, в каком оно употребляется в сочетании «природа человека»), даосы заявляли, что у человека «син» не содержит в себе ни «оценочного ума», ни врожденной, свойственной только человеку способности к социальному поведению. Эфемерный человеческий ум, который направляет деятельность человека в соответствии со своими оценками, перестает функционировать у даоса, когда он начинает действовать в полном соответствии со своим «син», которому даосы придавали вневременной характер.

«Син» у даосов является инертным и не характеризуется дифференцированными ответами на воздействие внешних объектов. Временами понятие «син» выражало у даосов идею вечного принципа, воплощенного в материи: «Когда объект заключает в себе дух, он начинает обладать определенным принципом, обуславливающим переживание им трансформации, и это является его «син»». Соответственно не мог найти понимания у даосов и конфуцианский тезис, согласно которому люди, наиболее эффективно использующие возможности своего социального поведения и «оценочного ума», приобретают право на установление особых отношений с Небом.

Вообще даосский подход к «уму» человека должен рассматриваться в контексте попыток даосов дегуманизировать природу и заставить людей осознать свою собственную ограниченность. Даосские авторы подчеркивали ограниченность человеческого знания и неполноту человеческих суждений: людям доступна только часть истины; тем не менее, они берутся судить о том, что является правильным, а что — неправильным, что истинным, а что — фальшивым; но право на такого рода суждения они могли приобрести только в том случае, если бы они были в состоянии покинуть предназначенный им ограниченный участок универсума и обозреть его целиком.

При этом, аргументы даосов, направленные на доказательство тезиса об ограниченности человеческого знания, часто содержали в себе ссылки на относительность тех качеств, которые люди приписывают различным познаваемым ими объектам с помощью своего языка — например, «горячее и холодное», «тяжелое и легкое», «хорошее и плохое»: ведь то, что одному кажется горячим, другому представляется холодным и т. д. Как же можно в этой ситуации, вопрошали даосы, заявлять, будто бы чьи-то утверждения соответствуют истине, а чьи-то — нет? Кроме того, продолжали даосские мыслители, человеческий язык вообще неспособен передать истину, и поэтому, выступая с такого рода заявлениями и утверждениями, люди оказываются еще сильнее затянутыми в ловушку своих собственных ограниченных человеческих условий и представлений.

Конфуцианской концепции «оценочного ума», с помощью которого человек «постигает истину», даосы в лице Чжуан-цзы противопоставили тезис о «постоянном уме» («чан синь»), уподобляемом ими зеркалу: так же, как и зеркало, «постоянный ум» лишь отражает объекты, но не дает им ни позитивных, ни негативных оценок; фиксируя изображения объектов, он не подвергает анализу сами объекты. С помощью «постоянного ума»человек оказывается способным осознать временный характер тех конкретных форм, в которых предстают перед ним объекты, и тех конкретных свойств, которые объекты обнаруживают в данный момент: он понимает, что и те, и другие, неизбежно претерпят изменения.

Осознав это, человек перестает связывать свои представления о миропорядке и об истине с этими конкретными формами и свойствами, и начинает связывать их с вечным процессом перемен. В результате человек приобретает способность адаптации к любым конкретным объектам и явлениям. Тем самым он познает все объекты и явления, не дезориентирует самого себя. По представлениям даосов, действуя таким образом, человек «позволяет [своему] уму следовать за Дао». Или — иными словами — он «постигает Дао», который порождает все конкретные объекты и явления и обусловливает все происходящие с ними перемены, и тем самым «примиряет» себя с этими объектами и явлениями.

Даосы призывали людей к «подчинению». Они провозглашали необходимость спокойной адаптации к тому, что происходит. Они указывали в этой связи: законы неизбежного появления перемен не могут быть поколеблены, и поэтому человек должен просто подчиниться этим законам. Осознав неизбежность перемен, которые предстоит претерпеть объектам универсума, и свою неспособность оказать какое-либо влияние на процесс этих перемен, человек, как считали даосы, позволяет событиям развиваться своим «естественным» путем. Знание же принципов изменений позволяет человеку, подчеркивали даосские мыслители, «жить хорошо вне зависимости от характера своего века».

Даосы считали, что человек должен прийти к выводу о необходимости пассивной адаптации ко всем обстоятельствам и к любой ситуации. А сделав такой вывод, человек начинает проявлять подлинную терпимость в отношении всех остальных людей, с которыми ему приходится сталкиваться, какими бы свойствами они ни обладали в качестве эфемерных индивидов, и легко адаптироваться ко всем внешним обстоятельствам, какими бы удруча-

ющими они ни оказывались. Используя свой упоминавшийся выше символ «постоянного ума» человека, даосы характеризовали такого рода образ действий и позицию как «полировку зеркала». Они считали, что после этой «полировки» человек «достигает гармонии с естественностью вещей».

Отныне что бы с ним ни случилось, т. е. какие бы перемены на него ни воздействовали, он будет рассматривать все как нечто предопределенное «Дао», и воспринимать это с тем же самым послушанием, с каким он воспринимает распоряжения родителей. Единственная трудность, которая может встретиться человеку на этом пути, сопряжена с последней предопределенной ему переменой — смертью, но и в этой ситуации правильность указанного пути не может быть подвергнута сомнению. Но зато способный воспринять смерть как предопределенное со стороны «Дао» изменение нынешнего положения человек конечно же окажется тем более способен адаптироваться к любой ситуации, с которой ему придется столкнуться: он будет знать, что сам он не может изменить естественный ход событий и придать ему желаемое направление.

Достижение человеком состояния, в котором он проявляет способность к описанным выше терпимости и адаптации, даосы характеризовали как «девственную чистоту ума». Но способность к достижению этого состояния, которое они квалифицировали также как «постижение внутреннего Дао», даосы тесно связывали с умением человека отказаться от присущих ему желаний и от использования своего «оценочного ума» . При этом они считали, что желания у человека перестают возникать именно тогда, когда ему удается подавить в себе деятельность «оценочного ума». А «внутреннее Дао» они рассматривали как единственный значимый аспект «син» человека. Или можно сказать наоборот: «син» у даосов — это «дао», находящееся внутри человеческого индивида.

Даосы подчеркивали, что, с их точки зрения, чем в большей степени человек оказывается способным «забыть» свой «оценочный ум», тем успешнее он продвигается вперед по пути «постижения в себе внутреннего Дао». Подавление же человеком деятельности своего «оценочного ума» означало для даосов прежде всего отказ от использования качественных характеристик всех объектов универсума, включая человека, поскольку в этом случае акцент, как считали даосы, делался на различиях между объектами, а эти различия квалифицировались даосами как относительные и эфемерные.

Даосские идеи о природе человека включали в себя категорическое отрицание тезиса о неизбежности существования социальной иерархии. Люди, которых даосы представляли как «образцовое» воплощение добродетелей, обозначались у них понятиями, не несшими в себе никакого социального оттенка «Небесный человек» («тянь жэнь»), «духовный человек» («шэнь жэнь»), «подлинный человек» («чжэнь жэнь»). Вознаграждением для даосского мудреца, который «выявляет» в себе свое «дэ», является его осознанный союз с Единым.

В даосской мысли были представлены два аспекта названного союза: интеллектуальный и физический. Интеллектуальный аспект сводился к осознанию того, что все объекты универсума связаны чем-то воедино, т. е. что, во-первых, все эти объекты произошли от одного общего источника, а во-вторых, в основе всех претерпеваемых этими объектами перемен лежит единый управляющий этими переменами принцип. Причем этот принцип продолжает действовать и после того, как конкретные объекты уже прекращают свое существование. Тем самым указанный принцип представляет собой стержень всего универсума.

Физический аспект сводился к установлению даосскими мудрецами контактов между тем «ци», из которого состояли они сами, и тем, которое заполняло собой весь остальной универсум. Контакты эти устанавливались даосскими мудрецами путем контроля над собственным дыханием. У даосов считалось, что в результате этого контроля «ци», из которого состоит человек, «соединялось» с «ци» универсума. Не совсем, правда, ясно, что именно происходило при названном «соединении». Можно лишь предположить, что имелось в виду следующее: и в универсуме, и в человеке «ци» состоит из начал «инь» и «ян», но если в универсуме между этими началами царит гармония, то у человека эта гармония может оказаться нарушенной; контроль же над дыханием позволяет восстановить эту гармонию и тем самым восстановить и связь между «ци» человека и «ци» универсума. Похоже также, что при этом имелось в виду существование какой-то связи между объединением «ци» даосского мудреца с «ци» универсума и достижением этим мудрецом состояния «девственной чистоты» собственного ума, в котором последний уподоблялся зеркалу: ум человека достигал указанного состояния именно в результате того, что он получал возможность «соединиться» с изначальным «ци».

Процесс «моделирования» человеком своего поведения по «Дао» или по «дэ» заключал в себе у даосов два аспекта: позитивный и негативный. При этом негативный аспект сводился к понятию «возвращение»: имелось в виду, что человек должен в течение своей жизни приближать свое «возвращение» к первоисточнику, которое происходит в момент его смерти. Делает же он это путем формирования «пустого ума», который аналогичен

«пустоте» «Дао». Считалось, что в процессе формирования «пустого ума» происходит «возвращение» человека от состояния «человеческого знания», которое характеризуется склонностью к вынесению качественных оценок и выделения качественных различий, к состоянию «отсутствия знаний» («у чжи»), «отсутствия желаний» («у юй») и «отсутствия интересов» («у сы»).

«Дао», напоминали даосы, действует не ради достижения каких-либо целей. Когда «Дао» дает жизнь всему сущему, то акция эта не представляет собой никакого целенаправленного действия. И подобно тому как «Дао» не преследует никаких целей своими действиями в универсуме, поведение человека тоже не должно преследовать никаких целей. Деятельность «оценочного ума» человека, связанная с вынесением качественных оценок и установлением качественных различий, порождает, подчеркивали даосы, в поведении человека целенаправленные действия. Человек же, который подражает «Дао», должен так же, как и «Дао», проявлять незаинтересованность и безразличие.

Естественным состоянием человека даосы считали состояние младенца, характеризующееся отсутствием всякой целенаправленной реакции на воздействие внешних факторов. Достичь же этого состояния человек может, как считали даосы, только с помощью своих собственных усилий — всякая помощь извне не только не способствует достижению этой цели, но и, наоборот, лишь задерживает естественное развитие всего процесса.

* * *

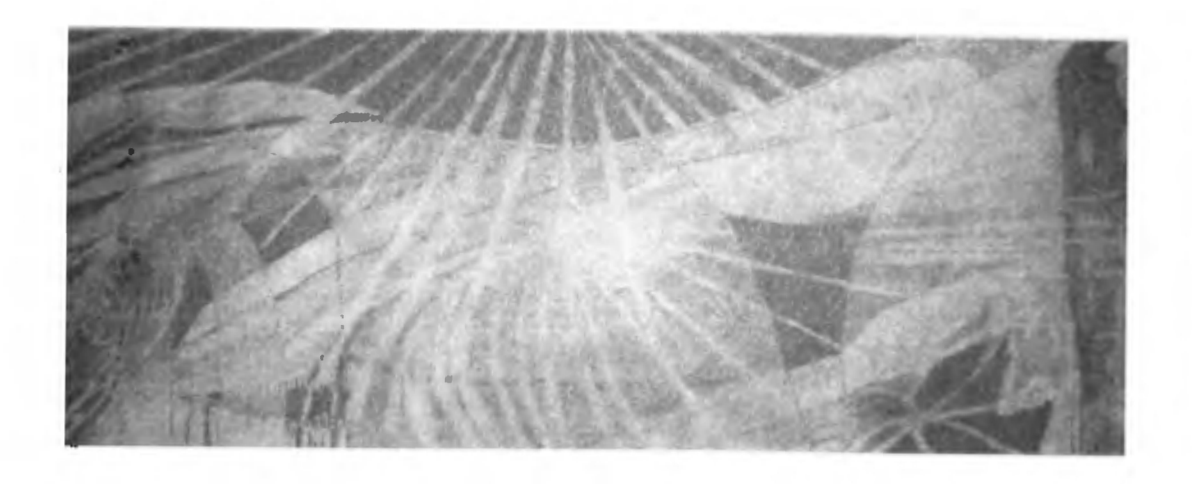
Человек существует не только ради самого себя, человек существует ради Вселенной. Он нужен Вселенной, ибо через него все снова и снова притекает к ней ее собственное содержание. Между Вселенной и человеком происходит не обмен веществ, но обмен мыслительный. Мир дает эфирному телу человека свои мировые мысли и затем, в претворенной человеком форме, принимает их обратно.

Рудольф Штейнер

* * *

Каждый человек — строитель в душе. Только одни люди строят лишь воздушные замки, тонущие в мире фантазии, а другие кропотливо работают как муравьи, но никогда не заканчивают свое строительство. Только немногим — ох как немногим — дана возможность построить то, что не только будет закончено, не только явится плодом их разума и духа, но и послужит на пользу человечеству.

Иво Андрич

М. Ф. Дроздова-Черноволенко
Ю. В. Линник

ХУДОЖНИК В НЕЭВКЛИДОВОЙ ВСЕЛЕННОЙ

Художественное творчество выявляет нам Космос, проходящий через сознание живого существа.

В.И.Вернадский

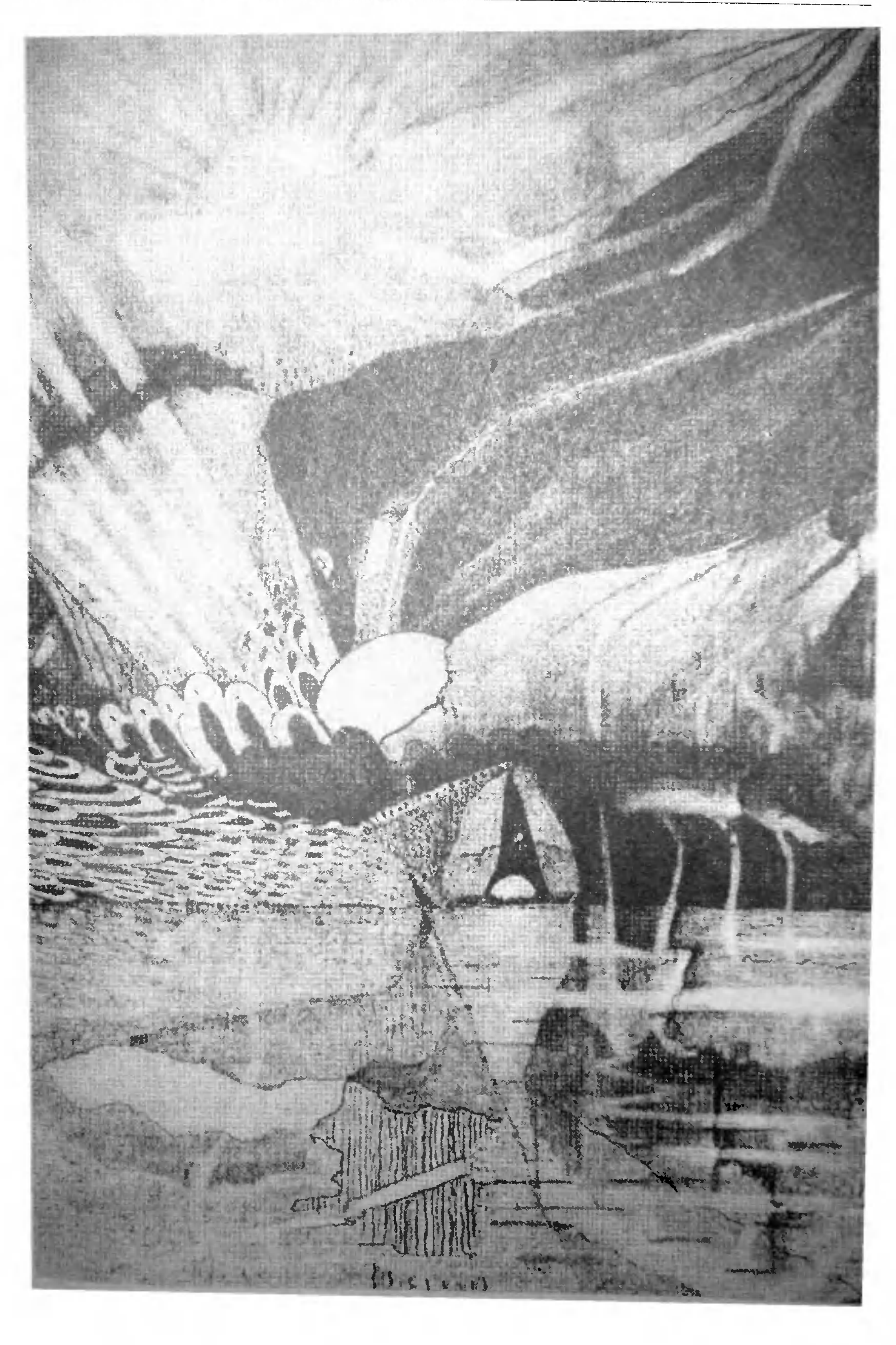
Виктор Тихонович Черноволенко (1900-1972) относится к числу русских художников, творчество которых формировалось под влиянием новых веяний в искусстве и поэзии XX века, идей К.Э. Циолковского, философии Востока и совершенно новых для того времени знаний, передаваемых Учителями Востока через Е. П. Блаватскую и ее последователей. Виктор родился в Москве 13 марта 1900 года. Ему и его старшим братьям Адриану и Юрию в семье уделялось большое внимание. Родители приобщали детей к чтению, поощряли интерес к театру, к музыке. Братья часто устраивали вечера поэзии — М. Лермонтов, А. Блок, В. Хлебников были их кумирами. Любовь к театру рождала желание ставить спектакли, и во время летних каникул разыгрывались представления. В 1917 году Виктор начал по вечерам работать в Оперном театре Зимина (в то время там пели Ф. Шаляпин и Л. Собинов).

В 1918 году он окончил реальное училище и приступил к работе на Брянском вокзале (ныне Киевский). В 1919 году его призвали в Красную Армию, но через год он заболел туберкулезом легких и был демобилизован. После демобилизации Черноволенко устроился на работу на завод «Каучук» в Москве, но проработал там недолго. Лечение не помогало, и к 1920 году процесс в легких настолько обострился, что врачи запретили ему работать. Вылечил его тибетский целитель, вернувший к жизни многих безнадежных больных.

После выздоровления Черноволенко вернулся на завод. С 1926 года его трудовая деятельность, кроме Москвы, была связана с Дальним Востоком, некоторое время — с Якутией.

1920-е годы для Виктора Черноволенко были периодом поиска творческого пути. Он посещает множество выставок, подолгу задерживается в залах Третьяковской галереи. Особенно близки ему по духу великие русские мастера М. А. Врубель и М. В. Нестеров. Через всю жизнь пронес Виктор Тихонович любовь и особое благоговение перед творчеством этих замечательных художников. В частности, его поражали и восхищали рисунки Врубеля к поэме Лермонтова «Демон», выполненные на больших листах черной акварелью.

Его захватило не только богатство тональных переходов и красота орнамента, но не передаваемая словами глубина понимания духа поэмы любимого поэта. Встреча с творениями Врубеля открыла ему простую истину: художнику подвластно передать глубинный

Солнце Вечности (диптих), 1930, бумага, карандаш.

духовный мир. В середине двадцатых годов, не имея никакого художественного образования, он делает робкие попытки попробовать свои силы в живописи. В 1926 году, во время посещения одной из выставок, Виктор встретился с художниками П. П. Фатеевым, Б. А. Смирновым-Русецким, В. Н. Пшесецкой (Руной). Несколько позднее его познакомили с А. П. Сарданом и С. И. Шиголевым. Между ними установились дружественные отношения, основанные на глубоком интересе к искусству, к захватывающим дух идеям Циолковского о Космосе, к философии Востока. Содружество художников, их интерес ко всему новому и личные симпатии создавали особую атмосферу во взаимоотношениях. В результате сложилась творческая группа, которую они назвали «Амаравелла». Постижение нового раскрывало потенциальные возможности каждого из них. Каждый искал свой путь к самовыражению.

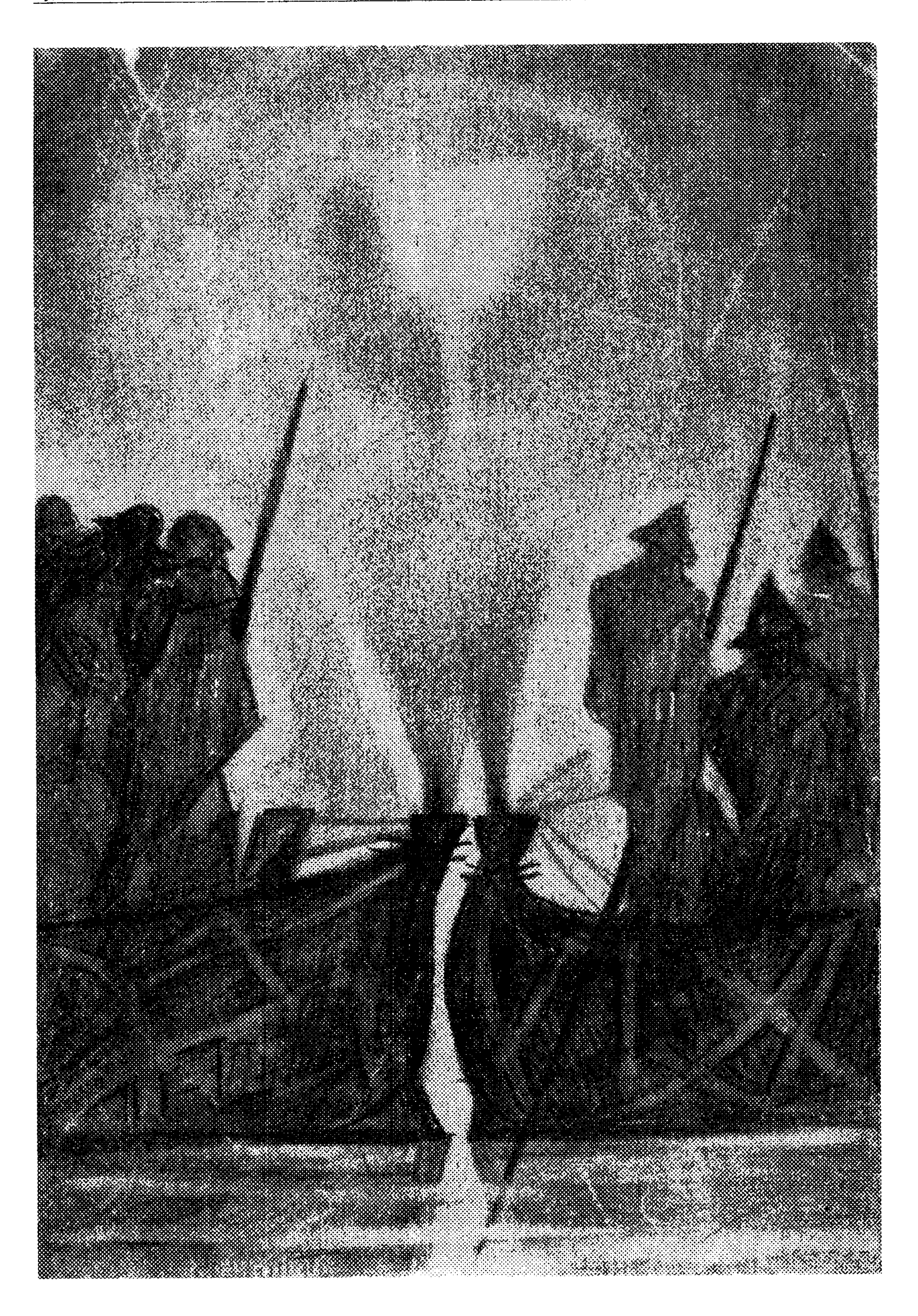
Виктор самостоятельно занимается рисунком, пробует писать маслом. Друзья из «Амаравеллы» критикуют и вдохновляют на новую серьёзную работу. К 1927 году он пишет небольшую работу маслом: «В глубинах времени. Свет угасших звёзд» и целый ряд других, которые, к сожалению, не сохранились, а также множество рисунков.

К 1929 году относится работа «Человек на просторах Космоса», а в 1930 году он создаёт большое полотно «Куда идёшь, человечество». Появляются картины и меньшего размера. У Виктора Тихоновича не так уж много времени и сил оставалось на любимое дело — каждодневная работа требовала большой отдачи.

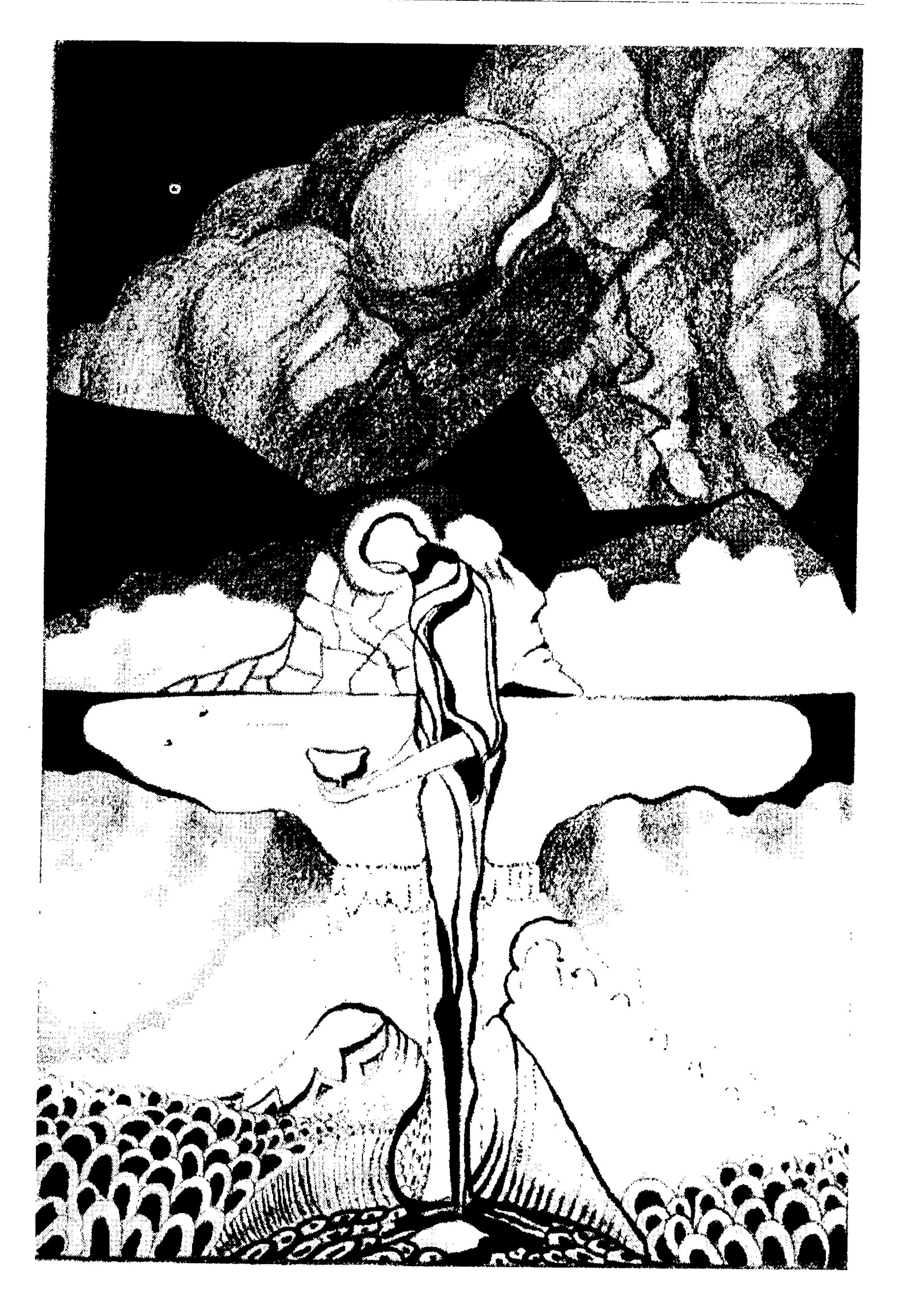
Шли годы, обстоятельства жизни не всегда благоприятствовали творческим устремлениям художника, но как только представлялась возможность, Виктор Тихонович брался за кисть или садился за рояль, и не зная нот, замечательно импровизировал. Как выяснилось впоследствии, его музыкальные импровизации были созвучны картинам. Эти аспекты его творчества дополняли друг друга. Он любил музыку М. Мусоргского, Н. Римского-Корсакова, но больше всего — произведения А. Скрябина, считая творчество последнего высочайшим достижением человеческого гения, особенно его симфонические произведения, насыщенные новыми, необычными звуковыми сочетаниями, заставляющие нас переживать до сих пор неиспытанное и неведомое, создавая в нас новый душевный мир — мир тяготения к свету, звёздам, причастности к Вселенной. Виктора Тихоновича не оставляла мысль, что он большую часть жизни прожил не совсем так, как ему хотелось бы. Выйдя на пенсию, он посвятил свою жизнь (последние 12 лет) исключительно живописи и музицированию. Начинается как бы второй период его творчества. Если каждую работу 1926-1960 годов можно считать самостоятельной по сюжету, то последние 12 лет он создаёт целый ряд циклов: «Неведомый мир», «Мир музыки», «Мир дальних планет», триптих «Звёзды», и другие.

Когда мы обращаемся к картинам художника последнего периода, мы попадаем в мир каких-то непривычных для глаза форм и сочетаний цвета, удивительных ритмов, колорита и цветовых гармоний. Картины небольшого размера, в основном это акварель, но они таят в себе как бы отражение огромного мира — мира реального, невыдуманного. Не каждому дано увидеть глубже и больше привычного, традиционного, основанного только на опыте в пределах материального мира. В этих картинах нет ни рассказов, ни сюжетов — ничего такого, что напоминало бы о каких-то событиях. Каждая из них — одна грань мгновения беспредельного Космоса, где в цвете, в формах, гармониях и ритмах предстаёт перед нами вечная Вселенная. И несмотря на то, что в них мы не обнаружим ни сюжета, ни повествования, — они сразу же завладевают нашим вниманием: мы начинаем реагировать на них. Они возникают перед нами как часть живой природы, чья красота обусловлена тонкими законами формы, а не сознательной эстетической задачей. Ощущения эти не случайны, ибо в них выражена одна важная особенность работ В. Т. Черноволенко: мастер музыкальной импровизации, он и своим полотнам даёт возможность развиваться свободно — по законам той высшей непринуждённости и естественности, которыми отмечена и прелесть цветка, и красота бабочки. Если присмотреться к технике этого художника: у многих его картин отчётливо заметно клеточное строение, тонкая ячеистость, сетчатый каркас. Так устроены и крыло стрекозы, и жилкование листьев. Это отнюдь не поверхностное сходство — картина у Черноволенко росла так же, как растёт дерево: из зерна замысла, упавшего на полотно, развивается целостность. Каждый большой художник имеет свою модель мира. Часто эта модель как бы одноуровневая: весь мир располагается в материальной плоскости, чью фактуру и гамму кисть художника передаёт с чувственным блеском. Но есть художники, для которых мир имеет ещё и другие, скрытые уровни: дабы узреть их, надо сделать материю прозрачной, как стекло — тогда за ней откроются неведомые духовные измерения. Именно к числу таких художников принадлежит Виктор Черноволенко: полотна его — как окна в сказочные миры духа. Свет несказанный изливается на нас из этих окон...

Есть искусство, отражающее чувственную действительность, и есть искусство, обращённое к высшим сверхчувственным сферам бытия. Наверно, эти направления дополняют друг друга и было бы неправильно противопоставлять их. Такие художники, как Черноволенко, расширяют возможности искусства. Оказывается, свой подрамник живописец

Загадочный знак, 1930, бумага, карандаш.

Чаша, 1930, бумага, тушь, карандаш

может ставить не только перед привычным предметным миром, но и перед скрытой от непосредственного взгляда реальностью.

Эта реальность в культуре называется по-разному. Для Платона она — мир идей, для христианина — небесный свет, для Рерихов — огненный мир. Это дерзание для искусства: попытаться воплотить своими средствами таинственную реальность инобытия. Виктор Тихонович Черноволенко — среди таких дерзающих, на его полотнах зримо проступает гармония сфер, они насыщены излучениями запредельных миров.

Творчество этого художника уникально и неповторимо. Но вместе с тем оно является продолжением вполне определённых традиций культуры. И прежде всего это традиция иконописи. Черноволенко и икона? Поначалу такое сближение может озадачить. Но всё же прав известный философ и математик Ю. А. Шрейдер, который сказал о творчестве В. Т. Черноволенко так: это иконостас другой планеты. На иконной доске материя начинает просвечивать, и мы видим сквозь неё мир первообразов. Именно такую интерпретацию иконы дал Павел Флоренский. Но разве не происходит нечто подобное и на полотнах Виктора Черноволенко? Вот они, таинственные перспективы иномира, они как бы проявились на полотне, дематериализовав его.

Это очень важно для человека: чувствовать веяние иномира. Ведь это мир вечности. И лишь в нём мы можем найти шкалу абсолютных ценностей. Конечно, можно жить без ощущения этой шкалы, но тогда наши действия становятся слепыми, бессмысленными. Более того, нас начинают затягивать сферы низшего, тёмного. Как избежать падения? Очевидно, человеку нельзя без неба, нельзя без вечности — и живопись Черноволенко напоминает нам об этом. У неё своя, особая миссия: приобщать людей к свету неречённому, очищать и возвышать их души. Художника можно назвать послом вечности в мире времени. Затрагивая самые глубокие струны нашей души, он убеждает: есть, безусловно есть! — высшие ценности духа. Когда мы забываем об этом, то жизнь становится пустой, тусклой. Человеку просто необходимо ощущение неба над собой, и художник пробуждает в нас это спасительное ощущение, обостряет и углубляет его.

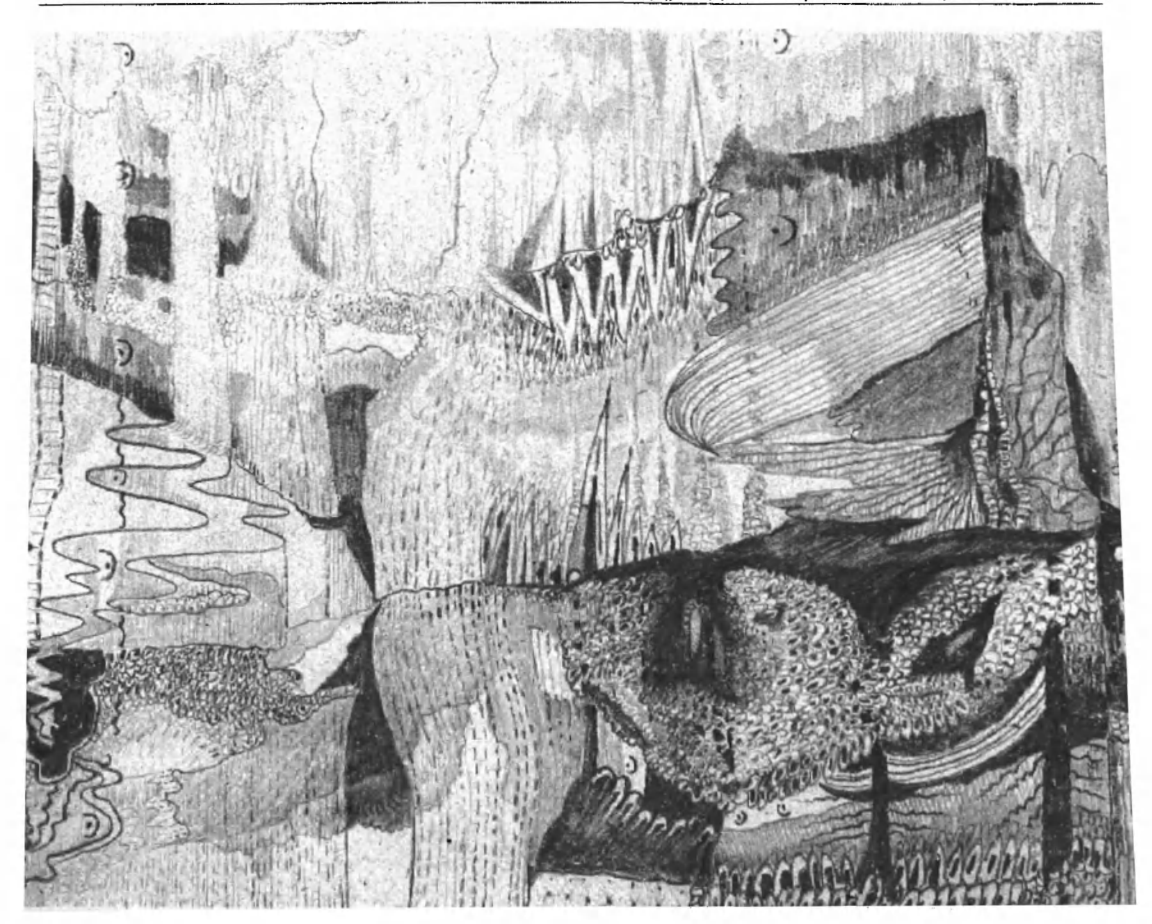
Всматриваясь в бездонные полотна, мы неизбежно ставим пере собой вопрос: а где он находится, этот изумляющий своей красотой и прозрачностью иномир? Тут нет и не может быть однозначного ответа. Иномир многомерен и неисчерпаем. Какая-то его существенная часть находится в глубине нашей души. Но только порой мы не сознаём этого: необходима интуиция художника, чтобы мы узрели в себе лазурную бесконечность. В. Т. Черноволенко, безусловно, содействует такому самопознанию. Однако мы вправе искать иномир за чертой пространства и времени, художник и здесь даёт нам ориентиры. Значит, перед нами мир вечности? Такая возможность тоже вполне вероятна. Но вот ещё одно мнение: наитие художника подобно лучу сверхсветовых частиц-тахионов сканирует какой-то далёкий мир. Быть может, он находится в параллельном космосе, такого нельзя исключить. А вот ещё одна гипотеза: перед нами мир Земли, но прошедший через чудо Преображения. Возможно, что художник прозрел будущее и запечатлел его на своих полотнах.

Преображение... Как знать, быть может именно в этом слове заключается ключ к пониманию творчества В. Т. Черноволенко. Не живописал ли он ту новую землю и новые небеса, о которых говорит Откровение Иоанна Богослова? Если в нашем мире материя всё же первенствует над духом, то после Преображения всё изменится, сама материя станет духоносной, будет пронизана светом. Архитектура на полотнах Черноволенко из такого по сути уже бесплотного вещества. Она вся сквозит, просвечивает, свободный рост её форм не ограничивается гравитацией.

Творчество В. Т. Черноволенко прошло под знаком идей Тайной Доктрины, провозглашенной миру Еленой Петровной Блаватской, и Живой Этики, собранной Николаем Константиновичем и Еленой Ивановной Рерихами в далёких Гималаях. Художник был дружен с Ю. Н. Рерихом. Близким в рериховском учении был для художника призыв: расширяйте сознание! Как и тексты Живой Этики, картины Черноволенко выполняют это высокое назначение, они расширяют — до бесконечности — наше сознание.

Картины художника — это гимн творчеству. Космическому творчеству! Причастны к нему не только демиурги, но и мы, простые люди: излучая добрые мысли и совершая добрые дела, мы уменьшаем энтропию Вселенной и увеличиваем её доброту.

Мысль творит миры. Реальность этого процесса мы живо ощущаем возле полотен Черноволенко. Художник как бы подключает нас к этому процессу, из пассивных созерцателей мы превращаемся в соучастников священного действа, в творцов сказки. Пусть возле картин подольше стоят и взрослые и дети — они получат заряд творчества, мастер поможет им раскрепоститься, сбросить шоры привычных схем, и тогда они увидят, воочию убедятся: мир несравненно сложнее и глубже того, что нам дано увидеть непосредственно. Мир полон тайн, он всегда — тайна. Быть может, именно это ощущение таинственности бытия, его бездонности и есть то главное, что даёт нам творчество Виктора Тихоновича Черноволенко. Тема предстояния перед тайной доминирует в его удивительной живописи.

Вибрации и ритм, 1932, бумага, карандаш.

Художник жил в эпоху неблагоприятную для духовного искусства. Торжествовала официальная материалистическая эстетика, любой поиск — и формальный, и мировоззренческий — казался подозрительным. Гнетуще серая, тяжёлая атмосфера! И вот, удивительные просветы: лученосные картины Виктора Черноволенко.

Мы сейчас говорим о возрождении нашей многострадальной страны. Возможно ли оно без становления духовности? Человек словно утратил ощущение вертикали, задававшей вектор его развития: от земного, материального — к небесному, духовному. В каждой картине художника присутствует эта великая вертикаль, возле полотен мы ощущаем духовный подъём. И как это важно в наши сложные дни! Душа словно стоит перед выбором: падение или взлёт. Художник подсказывает нам верный выбор, он знает — лишь свет духовности может преобразить нашу жизнь.

В Москве при Российском Теософском Обществе создана Комиссия по наследию художника-музыканта Виктора Черноволенко под председательством наследницы и хранительницы М. Ф. Дроздовой-Черноволенко в составе: Графский В. Г., Добрикова Н. Н., Лебедева Е. С., Линник Ю. В., Орехов В. В., Попов А. Г., Попов Д. Н., Путинцева А. А., Селяков В. И., Черников Е. С.

1992 год — год двадцатилетней памяти В. Т. Черноволенко. Срок, достаточный для испытания искусства Временем, о чем свидетельствуют многочисленные персональные выставки работ художника.

Мы обращаемся к Министерству Культуры, всем заинтересованным организациям и энтузиастам с просьбой своевременно уделить надлежащее внимание творческому наследию незаурядного и талантливого художника.

Считаем необходимым поместить художественные работы В. Черноволенко в музей для постоянной экспозиции; открыть музей-квартиру художника; издать монографию, поклеты основных работ, циклы художественных открыток, серии цветных слайдов.

Важно перевести в гипс или мрамор бюст художника, открыть мемориальную доску на доме, где он жил; перевести в гипс несколько композиций, наиболее близких к символической архитектуре Будущего и Образов Вселенной.

А. И. Бандура

Александр Николаевич Скрябин

Мистика творчества и магия светозвука

Только те, кто осознают, насколько полет интуиции выше и быстрее медлительных процессов рациональной мысли, могут составить себе бледное представление этой Абсолютной Мудрости, превышающей все понятия Времени и Пространства.

Е.П.Блаватская. 1888.

Ядро бытия человек ищет во внутренней жизни. Но внутренняя жизнь осознает свое космическое значение.

Р.Штайнер. 1910.

В ряду наших великих соотечественников, искавших истину мира в восточных эзотерических учениях и отразивших в своей деятельности реальность космической эволюции человечества, одно из первых мест принадлежит, безусловно, Александру Николаевичу Скрябину (1872—1915). Жизнь этого гениального композитора, поразившего аудиторию начала века неслыханными фантастическими звукообразами, пришедшими как бы «из другого мира», окутана атмосферой иррациональной тревожной тайны. Искусство Скрябина манифестирует на физическом плане реальность духовного мира композитора, столь же загадочного и непостижимого, как сама его личность, которую многие современники воспринимали как явление, выходящее за рамки земной действительности. «Есть гении, — писал К.Д.Бальмонт, — которые не только гениальны в своих художественных достижениях, но гениальны в каждом шаге своем, в походке, во всей своей личной запечатленности. Смотришь на такого, — это — дух, это — существо особого мира, особого измерения. Из всех... особенных людей, бывших уже нечеловеками или во всяком случае, многократно и глубинно заглянувшими в нечеловеческое, в то, что совершается не в трех измерениях, самое полное ощущение гения, в котором состояние гениальности непрерываемо и в лучащемся истечении неисчерпаемо, дал мне Скрябин». Непостижимая способность композитора к ясновидению и яснослышанию в пространстве и времени, гипнотические эффекты его сольных концертов свидетельствуют о присутствии в этом феномене новых, скрытых измерений Реальности, благодаря которым искусство вновь обрело значение магического акта, священнодействия. Небывало мощная концентрация духовной энергии в созданных Скрябиным звуковых мирах отразилась не только в обилии властно-повелительных, заклинательных интонационных формул в его поздних сочинениях, но и в появлении у Скрябина — впервые в истории музыки — светомузыкальных эффектов. Эта дерзкая попытка воплотить на материальном плане реальность тонких миров, а также удивительно точные прозрения Скрябина

в будущее искусства и науки заставляют нас чтить его как олицетворение высочайших взлетов человеческого духа, как величайшего мистика среди музыкантов и величайшего музыканта среди мистиков.

Цепь загадочных и странных событий в жизни гениального композитора была непостижимым образом связана с его творчеством, являя собой как бы материализацию в нашей реальности призрачных, «запредельных» сюжетов скрябинских сонат, поэм, прелюдий. Великий музыкант жил не в одном и даже не в двух мирах (нашем и потустороннем), а по меньшей мере в трех. Третьей Реальностью Скрябина (по-видимому, наиболее истинной для него самого) был созданный его творческой волей мир звукообразов тонкий материальный план, определяющий бытие проявленного мира. В какой-то момент своей композиторской эволюции (видимо, он совпал с 1903 годом — окончанием Четвертой сонаты) Скрябин неожиданно осознает, что ему удалось прикоснуться к великой тайне своего искусства. Он открывает в музыке магическую тайнодейственную энергию, способную изменить человеческое сознание и, следовательно, весь материальный мир (который, по Скрябину, является иллюзией — проекцией человеческих сознаний и материализацией их феноменов). С этого времени композитор принимает на себя миссию Демиурга — автора, вдохновителя и организатора Последнего Свершения, освобождающего мир от власти материи. В его воображении рождается замысел «Мистерии» грандиозного синтетического произведения искусства. В этом литургичском действе вселенских масштабов должны были участвовать все жители Земли — причем именно в качестве исполнителей, а не зрителей. В сферическом храме, плавно меняющем форму (композитор говорил о «текучей архитектуре» и «колоннах из фимиама»), танцы и шествия сочетались бы с симфониями ароматов и прикосновений, а декламация священных текстов — с магией Светозвука. Местом для осуществления «Мистерии» была избрана Индия, куда на зов колоколов, «подвешенных прямо к небу», собралось бы все человечество. Семь дней магического действа объяли бы, по мысли Скрябина, миллионы лет космической эволюции, а в конце седьмого дня наступил бы момент вселенского экстаза, уничтожающего бытие и проявленный мир в лоне Единого Вечного Абсолюта. Об этом «моменте Истины» Скрябин писал так:

Родимся в вихры!
Проснемся в небо!
Смешаем чувства в волне единой!
И в блеске роскошном
Расцвета последнего
Являясь друг другу
В красе обнаженной
Сверкающих душ
Исчезнем...
Растаем...

В сущности, работе над «Мистерией» был посвящен весь его дальнейший творческий путь. Фортепианные и симфонические произведения были для него лишь прелюдией к «высокому полету» своего рода подготовительными упражнениями к осуществлению главного дела своей жизни. «Я *обречен* совершить Мистерию», — утверждал Скрябин, намекая иногда, что ее идея была «открыта» ему чем-то (или кем-то) внешним. От подробных объяснений, однако, композитор уклонялся («я не все могу и не все *имею право* говорить»), а о самой «Мистерии» рассказывал исключительно понизив голос, полушепотом. Тогда же Скрябин пытается осознать, осмыслить события, происходившие в его внутреннем мире. Он активно изучает философию и смежные науки, делает большое количество оригинальных философских умозаключений.*

* Для нас особый интерес представляет тот факт, что А. Н. Скрябин являлся действительным членом Бельгийской Секции Теософского Общества. По свидетельству Л.Л. Сабанеева «Тайная Доктрина» Е.П.Блаватской была единственной постоянной настольной книгой Скрябина (о серьезном изучении говорят и многочисленные карандашные пометки в тексте экземпляра из библиотеки композитора), а «Вестник Теософии» — неизменно выписываемым журналом. — *Прим. ред.*

В конце жизни Скрябин пришел к убеждению, что выполняет миссию, возложенную на него Великим Белым Братством Махатм. «В учении посвященных, — пишет его ближайший родственник Б. Ф. Шлецер, — являющихся на земле посланцами высших сил, непосредственно раскрывающих им сокровенную истину в ее последовательных аспектах для просвещения человечества, в этом учении он находил объяснение и оправдание своей миссии на земле, ибо и себя считал непосредственно, свыше посвященным, членом по рождению дивного братства — «Белой Ложи», — которое, он верил, существует где-то на земле, покамест тайно, и — ждет его». Все его помыслы были устремлены к далекой Индии, легендарной Шамбале, где, по словам Скрябина, ему «нужно было кое-что разузнать». Истина, пришедшая с Востока, была, видимо, наиболее близка к найденным композитором в музыке космическим законам, а облик Реальности в древних эзотерических учениях во многом совпадал с чертами открытого Скрябиным мира. «Мы, европейцы, говорил композитор, — больше знаем и чувствуем Восток, чем те, кто на Востоке. Я больше индус, чем настоящие индусы». Жизнь и загадочная безвременная смерть Скрябина в возрасте 43 лет являют собой уникальный пример живого воплощения ***мифа***, полулегендарного бытия на стыке различных реальностей, в котором мы можем осмыслить и понять только ту часть, которая обращена в наш мир.

«Он *был не от мира* сего, и как человек, и как музыкант, — писал биограф Скрябина Л. Л. Сабанеев. — Только моментами прозревал он свою трагедию оторванности и когда прозревал, не хотел в нее верить». К. Д. Бальмонт вспоминает о странном ощущении во время скрябинского концерта, когда композитор на мгновение как бы приоткрыл в себе для слушателей черты обитателя иного мира: «Скрябин около рояля. Он был маленький, хрупкий, этот звенящий эльф... В этом была какая-то светлая жуть. И когда он начинал играть, из него как будто выделялся свет, его окружал воздух колдовства... Чудилось , что не человек это, хотя бы и гениальный, а лесной дух, очутившийся в странном для него человеческом зале, где ему, движущемуся в ином окружении и по иным законам, и неловко и неуютно». Существенно, что этот фантастический облик существа с иными целями и смыслом бытия возникал только в звуковом мареве загадочных, гипнотически действующих поздних скрябинских произведений, действительно открывающих окна в другие миры, частью которых становился сам композитор. Скрябин, как и тибетский лама Говинда, и индейский маг дон Хуан у Кастанеды был убежден, что видимый мир — всего лишь результат определенного описания: понимания, внушенного с детства. Поэтому скрябинский микрокосм, как и человеческое сознание, не сводится к конспективному отражению макрокосма данной в опыте Реальности. Наиболее существенны в нем те черты, которые позволяют, преодолевая невидимые преграды, переходить в иные мировоззренческие системы, адаптируясь, как это свойственно живому существу, к новым условиям обитания. Поэтому «удельный вес», значимость внешнего облика мира, с одной стороны, и мысли, живущей в этом мире, с другой стороны — для Скрябина оказываются равноценными. «Нужно понять, — пишет композитор, — что материал, из которого создана вселенная, есть (наше) воображение, (наша) творческая мысль, (наше) хотение, а потому нет в смысле материала никакой разницы между тем состоянием нашего сознания, которое мы называем *камнем*, который мы держим в руке, и другим, называемым *мечтой*. Камень и мечта сделаны из одного вещества и оба одинаково реальны»*. В определенном, «квантованном» материальном мире отсутствует динамика движения, а в размытой по всему пространству «волне» мысли нет фиксированного предмета внимания — конкретного феноменального проявления**. Такое своеобразное отражение принципа корпускулярно-волновой дополнительности наводит на мысль, что

---

*В данной статье цитаты без ссылок даются при использовании фрагментов «Записей А.Н.Скрябина» // Русские пропилеи: Материалы по истории мысли и литературы. — М., 1919. — Т.6.

** «Это бытие, — отмечает Е. П. Блаватская, — символизировано в «Тайной Доктрине» под двумя аспектами. С одной стороны — Абсолютное, Абстрактное Пространство, представляющее Безусловное Сознание. Даже наши западные мыслители пришли к заключению, что сознание немыслимо для нас отдельно от изменения, и потому движение является лучшим символом этого процесса изменения и его главнейшим признаком».

основу обоих феноменов составляет некая Сущность высшего порядка — источник излучения всеобемлющего поля, «включающего» человека в мир и создающего для него *пространство мифа* — единственно возможную среду обитания разумного существа.

Согласно В. И. Корневу, эти грандиозные мировые «Иллюзии», мифы «исторических» или «пророческих» (христианство, иудаизм, ислам) и «природных» (индуизм, буддизм, даосизм...) религий, образованные объединенной энергетикой миллионов человеческих сознаний, представляют собой определенное искажение Реальности, которая оказывается поэтому недоступной в своем «чистом виде» для мыслящего субъекта. Научное и художественное знание о мире, принадлежащее определенной культуре, отражает, таким образом, только одну из граней Реальности, которая в сознании представителя данной культуры «разрастается» до целого Универсума. Попытки же расширить Вселенную сознания связаны с преодолением границ «своего» мифа и выходом за его пределы.

Скрябин, воспитанный в традиции христианского мифа,— построенного на идеях самодержавия божественной сверхличности, однородности мирового пространства и самодавлеющего противоречия добра и зла, — нашел путь его расширения и трансформации в искусстве звуков — самом гибком и мобильном способе проецирования Вселенной человеческого «Я» в окружающую среду. При этом пространство нового мифа сочеталось со старым по принципу дополнительности, открывая неизвестные в рамках последнего стороны Реальности. Существенно отличную от христианского мифа картину мира являют религии Востока, — где вселенная являет собою манифестацию надличностного Абсолюта в необозримой множественности пространств и миров, как результате деятельности целой иерархии демиургов, и сам человек не мыслится в центре мироздания, а помещается в эволюционный ряд, образованный саморазвивающимся Универсумом. «Творящий Дух» Скрябина на определенном этапе находился, несомненно, в этой области, но в целостном своем проявлении он выходит за рамки и такого способа видения мира. Эволюцию его мировоззрения можно трактовать как яркий эпизод в развитии самопознающего космического Духа, своего рода «путешествия сознания» в условиях земного материального мира.

Сам Скрябин неоднократно подчеркивал свою «независимость» от традиционных трактовок Реальности. «Мир, живший в представлении моих предков, — пишет композитор, — я тебя отрицаю. Я отрицаю тебя, все прошлое вселенной, науку, религию и искусство, и тем даю вам жить». Структуру силового поля мифа, определяющую традиционный образ мира, Скрябин воспринимает как «частоту вибраций» составляющих это поле ментальных волн — их «ритмический рисунок», находящийся *над* сознанием субъекта и формирующий структуру этого сознания, также принимающего участие в «коллективном творчестве» мифологического пространства: «Я (как явление) родился и начинаю повторять *бессознательно* ту же ритмическую фигуру, которую повторяли все мои предки. Я создаю мир, как они его создали, не ведая о своем творчестве и думая, что я воспринимаю что-нибудь вне меня существующее. Для *каждого* мир был *таким*, каким он (каждый) его желал (бессознательно)».

Скрябин определяет сознание как последнюю и единственную реальность мира — главный «источник излучения» мифологического поля. «Все — феномены, рожденные в лучах моего сознания», которое образует Вселенную человека — то, что он может воспринять и осмыслить в мире: «Я познаю мир как ряд состояний моего сознания, из сферы которого не могу выйти». Для композитора очевидна ограниченность такого видения Реальности. «...Бытие для меня есть, с одной стороны, мое переживание, а с другой — внешний этому переживанию мир... Вселенная для меня — идея, часть ее находится в поле моего сознания, есть предмет опыта. Вселенная есть бессознательный процесс. Воспринимаемое мной есть часть его, освещенная моим сознанием». Но поскольку, пишет Скрябин, «я не могу выйти из сферы моего, включенного в мой мозг, сознания», то «весь воспринимаемый мною мир может быть творческой деятельностью этого сознания». Способность к творчеству, таким образом, становится основным условием расширения границ Реальности в сознании. «Недавно человек, — пишет Скрябин, имея в виду, видимо, в первую очередь самого себя, — *сознал* себя творцом всего

того, что он называл своими ощущениями, восприятиями, явлениями. То, что он считал вне себя, оказалось в *его сознании* и лишь в нем».

Таким образом, познание Вселенной сводится к познанию «природы свободного творчества». Творчество, по Скрябину, имеет «сознательную» и «бессознательную» стороны. «Бессознательное» творчество соответствует «включенности» человека в миф: «Бессознательной стороной своего творчества я участвую во всем. Вселенная есть бессознательный процесс моего творчества». «Сознательная» сторона, напротив, заключается в преодолении рамок традиционной картины мира — «образов прошлого». «Чем сильнее образ прошлого, — замечает Скрябин, — тем быстрее он овладевает сознанием, тем больший подъем необходим для его исключения из сферы сознания... Со стороны сознания у меня переживание иного, нового, с другой — все остальное в своем стремлении завладеть моим сознанием. Подъем в этой борьбе определяет качественное содержание переживаемого мной состояния».

Стремление выйти за пределы своего мифа — традиционного видения Реальности — композитор определяет как «отделение» от него, «отрицание» сформированного его структурой типа сознания: «Окружающая обстановка для меня, как звено родовой цепи, является *привычкой.* Я хочу того, чего у меня нет, я хочу создавать. Отрицать что бы то ни было — значит возвыситься над этим. Отрицание есть высота неудовлетворенности. Соединенное с *хотением* нового, неизведанного, оно уже есть творчество». Творческий экстаз, выводящий за пределы мифа, открывает Сознающему его ограниченность и неисчерпаемость Реальности, с которой снят покров Иллюзии. Композитор осознает, что мир неизмеримо шире человеческих представлений о нем — хотя его привычный облик также реален. «Не пугайся этой бездонной пустоты! — восклицает Скрябин. — Все это существует, все есть, что ты хочешь, и только потому, что ты хочешь, потому, что ты сознаешь свою силу и свою свободу? Ты хочешь лететь, — лети, как хочешь и куда хочешь, вокруг Тебя пустота!»

Ощущение «полной свободы» при выходе за границы мифа, состояние «божественного опьянения» всемогуществом своего сознания отражается в пафосе таких утверждений Скрябина, как: «Я существо абсолютное... Я Бог». Композитор считает, что его сознание совершенно автономно, свободно от какой-либо мифологической модели Реальности: «Если нет ничего, кроме моего сознания, то оно едино, свободно и существует в себе и чрез себя. Значит оно — господин вселенной и может по произволу изгонять то или другое из своих состояний». Преодоление мифологической иллюзии, по Скрябину — венец развития всей истории восприятия человеком Реальности. «Верования каждой эпохи в человеческой истории, пишет композитор, — соответствуют брожению человеческого сознания в ту эпоху. Мы уже теперь говорим, что воображение древних населяло леса фантастическими существами, а для них самих эти существа были реальными; многие даже видели их. Их творчество (сознание) не возвысилось до того порядка и спокойствия, каково оно теперь. Они искали, как ищут художники, набрасывая эскизы». Скрябин, видимо, искренне убежден в том, что ему удалось синтезировать все мифологические картины мира: «Народы искали освобождения в любви, искусстве, религии и философии; на тех высотах подъема, которые именуются экстазом, в блаженстве, уничтожающем пространство и время, соприкасались они со мной... Вы, чувства терзания, сомнения, религия, искусство, наука, вся истори вселенной, вы — крылья, на которых я взлетел на эту высоту».

Но в каком же мире оказывается, в итоге, сознание Скрябина, какая Реальность открывается его духовному взору? Очутившись в «Ничто», за пределами мировых Иллюзий, творческий Дух может созерцать все эти Иллюзии как свои феноменальные воплощения, не «притягиваясь» ни к одной из них: «Мое сознание вне всех своих состояний есть возможность (чистая деятельность) и в смысле временном и пространственном совершенно ничто». Но момент *внимания* к любой из картин Реальности, вызванный жаждой самовыражения Духа («отпечатления Духа на материи») означает мгновенное «включение» в какое-либо из мифологических полей, определяющих конкретный способ видения мира. Бытие же Духа «в себе» оказывается для художника-творца не менее иллюзорным, чем

бытие в любом из мифологических пространств; в сущности, это не постижение Реальности, а полное «отключение» от нее: «Все, что меня окружает, и я сам, есть не более как сон, нет никакой действительной множественности... Единое без множества есть понятие безразличия — ничто». Таким образом, картины мира без человека, без его сознания и «излученнного» им поля мифа *не существует*! Реальность бытия оказывается принципиально несводима к одному универсальному описанию: «От *ничто* нельзя переходить к одному, а по крайней мере — к двойственности».

Ощущение «полной свободы», декларированное Скрябиным, оказывается иллюзией: как только человек выходит из поля своего мифа, он сразу же попадает в поле другого мифа, другого описания реальности. «Вопрос, — пишет композитор, — может быть поставлен так: каким образом совершается переход от *небытия к бытию, куда помещает себя дух*, куда пробуждается, т.е. что он начинает переживать». Коллизия между скрябинским стремлением сохранить свою «свободу» видения мира и мощным притяжением «готовых» картин Реальности, закодированных в архетипах Бессознательного, привела к удивительному феномену. «Балансируя» на стыках различных мифологических пространств, композитор пытается выстроить новый, *свой* миф! Слабое поле мысли, образующееся между субъектом и объектом, Скрябин усиливает до напряженности мифологического пространства, включая в него в качестве объектов уже существующие картины мира: «Я вершина того мирового здания, которое создано усилиями всех веков». Каждое новое произведение композитора, начиная с 1903 года, имеет «сверхзадачу»: поддержать пульсирующую энергетику этого нового Сверхмифа, утверждая реальность его пространственно-временного *бытия*.

Открыл ли Скрябин Истину мира в этой новой, созданной им самим, Реальности? Несомненно, что это было главной задачей его деятельности. Если в серии записей 1904 — 1905 гг. мы находим утверждение, что «истина исключает свободу, а свобода истину», то годом позже композитор заявляет: «Я хочу *познать истину*. Это для меня факт неопровержимый, не требующий доказательств. Это центральная фигура моего сознания». Из рассуждений Скрябина видно, что он не связывает понятие Истины с обликом реальности в сознании воспринимающего субъекта — созданный им мир так же условен и иллюзорен, как и другие мифологические пространства. Истину композитор понимает, скорее, как Исток бытия, породивший как обычные, мифологические, так и новое, необычное, «скрябинское» искажение Реальности. Истоком («излучающим центром») мира, по Скрябину, является *мысль*: «Мысль есть единственный материал творчества. Она есть жизнь и включает в себя все возможные переживания... Когда небытие, она ничто, когда она бытие, она единство и множество или множество в единстве». Композитор понимает мысль как всепроникающее поле, первичную энергию Вселенной, что «разливается, как разливается океан, оставаясь всегда равной самой себе», отождествляя ее с «универсальным сознанием», которое есть «сама мысль» и с Богом, который «как *состояние сознания*, есть *личность*, являющаяся носителем этого высшего принципа, который, как таковой, есть ничто и возможность всего, есть сила творчества».

Несомненно, что объединивший все (как, во всяком случае, казалось композитору) мифологические пространства скрябинский Сверхмиф должен был, в отличие от прежних мифов, сделать исток бытия «видимым», насколько это возможно в рамках Иллюзии. Здесь, как нигде, должна была ощущаться эфемерность материальных объектов и осязаемость духовной энергии. Реальность, открытая Скрябиным, — это Реальность творящего Духа: новый мир с иными целями и смыслом бытия, многомерное пространство, где свободно текут мысли-образы. Рождение этого мира в сознании композитора было для него, видимо, не менее таинственно и загадочно, чем и для нас. Скрябин воспринял это событие как совершившееся в его Духе тайнодействие — Мистерию, лежащую в начале новой космической эпохи и определяющую ее облик, «программу», основные задачи. Таким же образом, как мистерией Голгофы (по Р. Штайнеру — «перенесенным из Космоса на землю фактом») открылась христианская эра, «Мистерия» Скрябина должна была, стерев черты старого мира, ввести обитателей Земли в новую эпоху пробужденной энергетики человеческого сознания, вооруженного

мощными силами космических энергий. «Мистерия», по замыслу композитора, была не Концом, а Началом истинного — божественного — бытия человека. Фактически, с 1903 года Скрябин жил в иной Реальности, ином мире, ставшем для него, по словам Б.Ф.Шлецера, «столь же несомненным, как и всеми нами видимый мир». Отдельные его произведения были как бы «окнами» в эту Реальность, открывающими ее части, но не дающими полной картины. Философские «Записи» Скрябина отражают стремление композитора «разобраться» в том, что происходило с его сознанием, осмыслить открывшуюся ему новую, необычную картину мира. Замысел же «Мистерии» можно трактовать как отчаянную попытку Скрябина соединить два мира, раз и навсегда убедив слушателей в истинности своего видения Реальности, открыв перед ними ее полный облик. Сохранившиеся скрябинские описания «Мистерии» показывают, что она должна была вынести «вовне» реальность внутреннего мира композитора. Сферический храм «Мистерии» — копия скрябинской Вселенной, где в центре находится мысль композитора — исток бытия, с которым он в этот момент отождествляется: «Я... хотение стать истиной, отождествиться с ней. Вокруг этой центральной фигуры построено все остальное... Центральное переживание как бы излучает вселенную в формах времени и пространства и времени; причем мое переживание есть центр этого шара бесконечно большого радиуса».

Последние слова приведенной цитаты особенно важны: пространственные границы храма «Мистерии» были, по существу, весьма условны — в момент экстаза эта «Вселенная в миниатюре» должна была расшириться до размеров целой большой Вселенной: «Открылись бездны времени. Рассыпались звезды в бесконечном пространстве. Разлился огонь моих стремлений». «Чудеса», происходящие в храме (светомузыкальные эффекты, симфонии ароматов и прикосновений и т. п.) демонстрировали реальность иного мира, вводя человечество в новую «среду обитания». ***Выйти*** из «Мистериума» было бы, разумеется, невозможно, ибо Вселенная *за* его пределами прекращала свое существование для участников действа. Храм «последнего свершения» являл собой своеобразный пространственно-временной тоннель для перехода в иной мир, находящийся в других измерениях и не соприкасающийся с нашей Реальностью. Повторим, что «Мистерия» не была концом космической эволюции — она знаменовала собой лишь конец привычного способа бытия, истории нашей расы. В другом мире, несомненно, также наступит время «последнего свершения», и кем-то (не Скрябиным) будет написана новая «Мистерия». «Новая волна творчества, другая жизнь, другие миры». «Уничтожение в пламени мирового пожара» и «возвращение к Единому, успокоение в Нем» не означает следующего за этим вечного Небытия — вечной инертности Единого.

Говоря точнее, Небытие является таковым лишь с нашей точки зрения — на самом деле это и есть «иной мир», противоположный нашему; для него наш мир также символизирует собой Небытие, антимир. По словам А. Чанышева: «Небытие небытия есть бытие... Бытие только тень небытия, его изнанка... Небытие всюду и всегда... Оно сама жизнь!» смоделированная Скрябиным Реальность, причудливо совместившая буддистскую множественность миров с христианским антропоцентризмом («Человек-Бог является носителем универсального сознания»), являет собой своеобразную объективацию небытия. Поскольку Дух — исток скрябинского мира — есть «безусловно нечто вне времени и пространства», то «все, что меня окружает, и я сам, — считает композитор, — есть не более, как сон... Меня нет, я ***ничто***». Соответственно вселенная, которая понимается Скрябиным как «возможность всего и все... творческая сила, свободная деятельность, хотение жить», также «есть ничто (в смысле времени и пространства)», а «единственное данное есть настоящий момент, которого нет». Таким образом, Небытие для Скрябина это наша Реальность: «единообразное множество», которое «есть в смысле объективном *ничто*». Истинное же бытие находится в сознании, где «*все живо*, все, каждая мысль имеет *реальное* существование», где «мое хотение того или другого есть *явление*, самопребывающее в сознании, и я, так сказать, действую на плане этого хотения». Только через «творческое начало» («волю к жизни», «хотение жизни») «абсолютное небытие становится абсолютным бытием». «Во внутренней борьбе, — пишет Скрябин, — я чувствую свою активность с двух сторон. Я *раздваиваюсь*», при этом «покой рождает хотение деятельности, деятельность рождает желание

покоя».

Это «стремление и противостремление» Духа присутствует «*всегда, вечно и во всем*», как два полюса, между которыми находится пространство скрябинского мифа: энергетическое поле, образованное замыканием Бытия (+) и Небытия (-). Такое «замыкание» Скрябин относит к моменту творческого экстаза, порождающему звуковой образ: *абсолютному* бытию... граничащему с небытием и представляющему, так сказать, *потерю сознания*, т. е. возвращение к небытию. В момент последнего вселенского экстаза «абсолютное бытие» должно было, по мысли композитора, не просто «соединиться», а «*отождествиться* с небытием», сделав скрябинское мифологическое пространство всеобщей мировой Реальностью. Таким образом, законы космической эволюции Скрябин отождествляет с законами деятельности своего «творящего Я», а создание Вселенной — с моментом рождения музыкального образа. Несомненно, что единственно истинной Реальностью в жизни гениального композитора была Музыка — манифестация Небытия, определяющего бытие проявленного мира*. «Музыка — путь откровения, — говорил Скрябин. Вы не можете себе представить, какой это могущественный метод познания. Если бы вы знали, сколь многому я научился чрез музыку! Все , что я теперь думаю и говорю — все это я знаю чрез свое творчество». Но была ли творческая воля композитора полностью сознательна, контролировал ли он ее на уровне Разума? Скрябин часто упоминал о «темных глубинах Духа творящего», откуда поднимаются его произведения, о луче своего Разума, пронизывающего тьму Бессознательного. По сути, он разделил Вселенную на три части: «Большое Я» — Вселенная Бессознательного, океан Бытия (самая истинная Реальность); «малое Я» — часть Вселенной «Большого Я», освещенная лучом Разума (самосознание, граница двух миров); и «не-Я» — обычный физический мир, феноменальное проявление Вселенной «Большого Я» (для нас он кажется наиболее реальным, для Скрябина он был реален менее всего, ассоциируясь со сном Духа, т.е. Небытием).

«Малое Я» Скрябина можно представить как тонкую цветную пленку Разума между двумя безднами: океаном Творящего Духа (Бытия) с одной стороны, и бездной Небытия — мертвого физического мира — с другой. На основании Записей композитора можно предположить, что названная пленка и образовывала границу «сферы бесконечно большого радиуса», которая, как это ни парадоксально, имела при этом внутреннюю и внешнюю области, соответствующие Вселенной «Большого Я» и Вселенной «не-Я»: «Я ограничиваю *Я* через *я* и создаю *не-Я*». Стенки этой сферы соответствовали полю мифа — шарообразному полупрозрачному экрану, на котором человек видит и свое отражение, и неясные контуры Всеобщей Реальности. С этой позиции музыка, с одной стороны, представляет собой экран, куда проецируется самосознание, а с другой — отражает видение человека миром, который был для Скрябина живым мыслящим существом. Природа вечной тайны музыки связана с тем, что зашифрованная в ней информация не попадает прямо на экраны сознания человека. В ее создании и восприятии участвуют не только человеческие Разум (погруженный в сферу рационального — Небытия) и Воля (находящаяся, соответственно, в иррациональном — Бытии). Музыка должна пройти через Разум мира (который понимает ее смысл) и Волю мира (которая придает ей материальную форму вибраций). «Необходимо не-я, чтобы *Я* в *я* могло творить» — пишет Скрябин, подтверждая мысль, что создание каждого музыкального произведения неизбежно затрагивает тончайшие структуры Космоса.

Поэтому говорить о неосуществленности скрябинской «Мистерии» имеет смысл только с точки зрения обычного сознания и связанной с ним земной реальности. Все материально выполнимые этапы этого акта Скрябин осуществил не только в своей жизни и творческой эволюции, но и в *каждом* отдельно взятом произведении позднего периода творчества. В этом смысле «Мистерию» можно рассматривать как увеличенное до гигантских масштабов «обычное» произведение (сонату, этюд или поэму), а последние как миниатюрные копии «Мистерии». Речь, конечно, не идет о

---

*В книге «Музыка как предмет логики» (М., 1927) А. Ф. Лосев определяет музыку как «слышимое нечто», которое «гонит науку и смеется над ней»(с. 22,47). «Мир — не научен, — продолжает философ. — Мир — музыка, а наука — его накипь и случайное проявление» (с. 47).

прямом совпадении сюжета и событийной канвы каждого сочинения (как раз это у Скрябина встречается не часто). Общим для всех произведений является *творческий принцип*, материализация которого в звуках допускает множество вариантов. В каждом новом сочинении Скрябин заново открывал этот универсальный принцип, что дало ему повод сначала отождествить свое творчество с объективным, внеличным космическим процессом. «Все есть мое творчество. Но и само оно существует только в своих творениях, оно совершенно *тождественно* с ними», а затем прийти к мысли, что сознательное развитие и усовершенствование этого принципа в художественном произведении приведет и к трансформации Вселенной: «Я уже много раз создавал тебя, мир... бессознательно. Теперь же я возвысился до сознательного творчества».

Эволюция Вселенной как самосознающего Духа, описанная Е.П.Блаватской в «Тайной Доктрине», обнаруживает неожиданное сходство с процессом создания музыкального произведения, что объясняет увлечение Скрябина теософией и дает нам основание определить загадочный «творческий принцип» композитора как теософский Космогенезис. Начало мира, по «Тайной Доктрине», заключено в Брахмане, непроявленном Логосе, непостижимом для человеческого сознания и вмещающем в себе все. В составности человека ему соответствует Атма, искра божественного Духа, абсолютная суть бытия, которая также будучи непостижима для сознания, воспринимается им как Ничто. Для Скрябина это отправная точка мистического опыта и творчества, мистериальная сверхзадача, непроявленный, не осознающий себя таинственный магический Звук.

Следующий этап космогенезиса, описанный в «Тайной Доктрине» — осознание себя Брахманом в Проявленном Логосе (Браме) и зарождение в последнем первичной полярности: активного (мужского) и пассивного (женского) начал. В психическом мире этому соответствует появление Самосознания и ощущения раздвоенности на его Бессознательную и Сознательную часть (объективную и субъективную реальность), а в творческом процессе — осознание «Мистерии» как художественного образа и его дифференциация на мистериальную (средства воплощения) и духовную (принципы воплощения) части.

Дальнейшая материализация Духа порождает уже три феномена: непроявленный Дух (1), космическое электричество Фохат (2), посредством которого Дух воздействует на Материю (3) и «отпечатывается» на ней, таким образом проявляя себя. Говоря современным языком, это: 1) нематериальная Информация (ноумен) — основа любой организации материи; 2) Энергия (масса покоя которой равна нулю) — посредник между информацией и материей; 3) собственно Материя — неисчерпаемое разнообразие структур феноменальных миров. С точки рения скрябинской космогонии, первичной является Информация, Дух, Бессознательное — единственная объективная Реальность. Дух един, но неисчерпаем. Нисходя в Материю, он проявляется в бесконечном ряде феноменов. Материализованный Дух — это Сознание, которое в силу своей дискретной природы дифференцирует единую, континуальную информацию Бессознательного на множество миров, явлений, располагая их в пространстве и времени. Так формируется субъективная реальность человеческого сознания, включающая все явления проявленного и непроявленных миров, которые оно способно постигнуть. Энергии здесь соответствует воля к жизни, творческая активность, апофатический момент в искусстве, «высвобождающий» художественную идею из звукового хаоса.

С позиции анализа скрябинского искусства, описанная триада представляет сущность, «рабочий этап» творческого процесса, воплощение идеи в материале**. Она проявляется на всех уровнях. В самом широком масштабе — это «материализация» мистериального замысла в целом ряде феноменов — маленьких музы-

---

*Прекрасной иллюстрацией этого «видимого»этапа мистерии может служить начало «Прометея» («Поэмы огня»), где первичный звуковой хаос («материализованное Ничто») как бы «ощупывается» одноголосной «темой Прометея», «осознается» как структура. «Прометеевский аккорд» — это, в сущности, даже не звук, а только ощущение, предчувствие звука, зарождающееся в пурпурно-фиолетовом мареве духовного озарения.

**Эта «триада Бытия» (Материя, Энергия, Информация) имеет свои соответствия и в Небытии, благодаря чему проявленный мир относительно устойчив. Видимо не случайно Скрябин помещает этот важнейший теософский символ — шестиугольную звезду, образованную двумя наложенными друг на друга треугольниками («триада Бытия» + «триада Небытия») — на обложку первого издания партитуры своей «Поэмы огня».

кальных вселенных, каждая из которых самодостаточна и в то же время обнаруживает свое «мистериальное» происхождение: «Океан фантазии творит — это значит, что он окрашивает свои капли в различные цвета, притом ему достаточно лишь одну из них окрасить в какой бы то ни было цвет, остальные необходимо получат другие соответственные окраски, ибо цвета никакого нет, как только относительно других цветов. Это дает некоторое понятие по аналогии об индивидуальном творчестве и о его воздействии на вселенную».

На уровне отдельного произведения — это «материализация» художественного образа, его «проявление», но и неизбежное обеднение, ограниченное рамками чувственно воспринимаемых звуков. Даже при создании самой крошечной своей миниатюры Скрябин воспроизводит все этапы инволюции Духа в Материю — первую половину «Мистерии». Это своеобразное «сгущение», «уплотнение» Информации в творческой Энергии, а затем — «уплотнение» Энергии в звуковом теле произведения. Вторая половина «Мистерии» — эволюция Материи к Духу — поначалу как бы выносится Скрябиным «за скобки» творческого процесса. Композитор, с одной стороны, переносит процесс дематериализации звука в воображение слушателя, справедливо полагая, что воспринятая сознанием звуковая информация совершит обратный путь в Бессознательное, где она может быть «расшифрована» уже не как конкретный звукообраз, но как нематериальный информационный блок (подчеркнем, что поскольку речь идет о движении *от* сознания, слушатель, как правило, не осознает этого процесса). С другой стороны, Скрябин пытался добиться дематериализации звука как пианист, что производило наибольший эффект не на публичных концертах, а в домашней обстановке, в узком кругу друзей. В дальнейшем композитор переносит процессы дематериализации уже в сферу художественного воплощения. Это, прежде всего, светомузыкальные эксперименты (свет — тот же звук, только более высокой частоты, являющийся его продолжением в высших духовных сферах). Это, далее, проекты синтетического искусства, которое должно было отобразить все, возникающие в Бессознательном в связи с музыкой, чувственные ассоциации: зрительные, обонятельные, тактильные, вкусовые. Вторжение в Бессознательное, задуманное композитором, подразумевает управление воображением слушателя. «Воображаемые звуки» (которые не должны были звучать, но которые надо было себе представить) Скрябин намеревался ввести в «Предварительное действие» и записать особым шрифтом. Это, видимо, был последний шаг к дематериализации звука и первый шаг к одухотворению всех остальных средств синтетического искусства.

Следует подчеркнуть, что скрябинский творческий процесс, материализованный в звуках, отражает не просто абстрактные закономерности становления Вселенной как накопления информации (образования порядка из хаоса), но показывает и «внешний» конкретный образ космических процессов как движения ориентированных в пространстве и времени точечных масс. Оформляя такую «точечную массу» (звукомножество) в виде аккорда, Скрябин, как правило, отражает в его структуре принцип строения любого физического объекта, неизменный от нуклона до галактик — плотное ядро и поле вокруг него: «...Центр, окруженный массой единообразных стремящихся от центра частиц»*.

В чередовании таких звукокомплексов, при котором каждый из последующих как бы «отпочковыватся» от предыдущего, также отражается космический процесс формирования новых галактик и звезд, что дало повод критикам назвать композитора «музыкальным фантастом», а слушателям увидеть в его произведениях «космические пейзажи».

В этой связи следует подчеркнуть, что видимый Космос составляет лишь

* Любопытно, что структура центрального элемента скрябинской тональной системы — альтерированного доминантового нонаккорда — соответствует приведенным в «Тайной Доктрине» «числам творения». Станца IV повествует: «Из лучезарности Света — Луча Вечной Тьмы — устремились в Пространство Энергии вновь пробужденные; Единый из Яйца, Шесть и Пять. Затем Три, Один, Четыре, Один, Пять — Дважды Семь, Сумма Всего». Если взять за точку отсчета, например звук «До» большой октавы, а за единицу измерения — целый тон, то скрябинский аккорд расположится так (в скобках указаны расстояния между звуками):

До $^{(6)}$ до $^{(5)}$ си-бемоль $^{(3)}$ ми$_1$ $^{(1)}$ фа-диез$_1$ $^{(4)}$ ре$_2$ $^{(1)}$ ми$_2$ $^{(5)}$ ре$_3$.

самую малую, самую грубую часть скрябинской Реальности. Деятельность великого композитора-мистика проходила на плане тонких миров, что объясняет многие загадочные события в его жизни. Страшные призраки, которых Скрябин видел слева от себя, играя Шестую или Девятую сонату — не были ли они чем-то большим, чем художественная фантазия? И как объяснить, что смерть настигла композитора именно в тот момент, когда он был готов занести на нотную бумагу партитуру «Предварительного действия» — своего рода рабочей модели «Мистерии»? Это произведение не случайно погибло вместе с автором — ведь то, что в нашем мире было аккордом сложной структуры, в параллельном мире могло произвести эффект ядерного взрыва. В этом случае можно объяснить появление у постели умирающего композитора, по его словам, «призраков, содержание и смысл которых непонятен» — эмиссаров иного мира. «Он не умер, — писал ученик Скрябина М. Мейчик через три дня после похорон,— его взяли от людей, когда он приступил к осуществлению своего замысла... Через музыку Скрябин узрел много такого, что не дано знать человеку... и потому он должен был умереть!» Тайна Скрябина еще не раскрыта. Никто не может утверждать, что постиг загадку структуры и содержания произведений композитора и смысл его жизни и деятельности. Была ли эта жизнь только лишь очередным диалогом человека с Космическим Разумом, или же она воплощала в себе одну из нереализованных космических программ развития человечества, «свернутую» в момент гибели своего пророка? Время ответа на эти вопросы еще не пришло. Но магический смысл, открытый Скрябиным в композиторской деятельности, его стремление материализовать Дух в Звуке и дематериализовать Звук (вместе со всей Вселенной) в Духе не кажется сегодня самообманом или заблуждением. «Чистый дух, — писала Е. И. Рерих, — может проявляться или постигаться лишь через покров Материи, потому и говорится, что вне Материи чистый Дух — ничто. Тайна дифференциации и слияние воедино есть величайшая *Мистерия и Красота Бытия*».

* * *

То, что вверху, как то, что внизу, единообразно создано по мысли Единого, придуманного человеком ради удобства и упрощения мысли. Создатель преклоняется перед своим творением, — как поэт слушает звуки мира, считая их божественными. А так как нет ни начала, ни конца, ни рождения из ничего, ни ухода в ничто, и так как в вечном беге от истины к новой истине нет истины последней, — то мысль человека и чувство человека подобны прорастающему зерну, совершенному растению и новому зерну, падающему в ту же землю, чтобы прорасти вновь и завершить круг вечного постижения.

Михаил Осоргин

Андрей Балу

Боян

Ну, родный мой, садись-ка поближе к огоньку да дверь притвори — теперь дождь до петухов не перестанет. Слышь, как ровно капельки ложатся, верный знак, что надолго. Да и над Дедом сегодня еще засветло облачко стояло. Ты человек прохожий, наших мест не ведаешь. Вот сейчас улыбку таишь, про какого такого Деда я речь держу. А это гора у нас так прозвана, надо всеми самая высокая, и у реки она течение меняет, излучину образует. Раньше на вершине ее каменный утес, как вместо шапки, держался. До чего ж на человека был похож. Будто громадный старик сидел на завалинке, голову на руки опустил и словно сном его сморило. А потом время пришло и скатился он вниз на деревню. Про то я тебе сейчас и расскажу. Диво дивное случилось тогда. Жил в те поры в нашей деревеньке парень один. Знатный был, из себя видный. Нраву кроткого, не то что человека — зверя, птицу не обидит. Наружность имел богатую, лицо нежное, пригожее, глаза синие ласковые, как у девки по весне. Волосы — чистый лен, издали седым казался. Не похож он ни на кого был. Дома своего не имел. Привечала его одна бабушка, сама-то безногая, а знахаркой слыла. Многим от нее помощь приходила. Звали парня Боян. Песни он пел так, что любо дорого послушать. Старухи в нем души не чаяли, всем-то он угодит, кому дрова поколет, кому воды принесет. Мужики — те хоть и искоса смотрели, тоже с пьяных глаз бывало махнут рукой да скажут: «Добрый ты парень, Боян, хоть и дурак видать. С таким видом наипервейшую девку взять можешь, хозяйство свое завести, дом построить. А ты все равно как блаженный. По людям ходишь, чужие заботы справляешь, своей не имеешь». И верно, Боян девок сторонился. А начнут его допытывать, отшутится: «Я, — говорит, — царевну хочу найти. Вот тогда и оженюсь».

Девки не раз вслед Бояну вздыхали: «Какой парень пропадает». А иные так прямо злились: «Вишь, Боян-царевич объявился. Вот приди на посиделки, тебе парни корону-то обломают». Но Боян на людях не очень-то любил бывать. Все больше в лес его тянуло. И идет это он в чистой белой рубахе, сапожки смазаны, ну ровно на свадьбу. Иной так в гости не вырядится. И неделю нет Бояна. Наконец, вернется. Грибов, цветов принесет, иной раз камешки, до того красивые, хоть образа ими выкладывай. У проезжих купцов Боян мог любой товар выменять. Бывало, купцы все народ прожженный, черта за хвост проведут, а Боян как подойдет, глазами своими взглянет, так ему все что угодно готовы отдать. И впрямь от такого молодца и лапти за коня получить любо. Такто вот.

А по весне у нас обычай был. Девки на горах хороводы водили, песни пели, ворожбы ворожили. Парни тогда все по домам сидели. Старики сказывали, что раньше им тоже охота была костры по ночам жечь, да хороводится, но всякий раз, как вернутся домой, так одного из парней и не досчитаются, как в воду сгниет. Вот постепенно и перестали они на горы гулять.

А Бояну, как-то вздумалось пойти да посмотреть игры девичьи. Сам он очень любил на горы всходить. Бывало заберется на Деда и запоёт, а эхо откликается, и любо ему. Ну, видать, кто-то присмотрел Бояна, шутки с ним стал пошучивать. Запоет Боян, а с другой стороны реки ему девичий голос подпевает. Да так ладно. Бояну это понравилось. Начнет он аукать: «Ау, царевна!» А ему в ответ летит: «Ау, Боянушка».

Вот и пошел он на Деда в девичью ночку. Да видать не сумел схорониться. Набежали на него девки, за руки схватили, заставили хороводы водить с собой. А потом через костер прыгать. Умаялся Боян, хотел вырваться, да не тут-то было. Прыгнул Боян через костер, да заступился и прямо в огонь попал. Ожгло ему ноги, еле откатился он в сторону и сознание утерял. А как очнулся — темно вокруг. Хотел Боян крикнуть, да голоса нет. Шепчет он: «Пить, пить». И словно кто-то другой повторяет его слова «пить, пить». И вдруг рядом фигура девичья склонилась к нему и отвечает: «Вода спит». Боян глаза протер. Видит, что ночь в полном цвету. Луна сияет. Утес как драгоценными камнями светится. У подножия его красавица девка сидит, пустое ведро держит и слезы льет. Подошла она к Бояну, руку на лоб положила. Рука холодная, что лед, и опять шепчет: «Вода спит. Не могу я разбудить ее, не смею зачерпнуть». Боян совсем в себя пришел. Кое-как приподнялся и стал к реке спускаться. А девка за ним. Добрался Боян до воды, обмылся. Легче стало. Вода светлая, словно лучами лунными напиталась. Видит, девка пытается зачерпнуть воды, да все пустое ведро вытаскивает.

Дивно стало Бояну, только взял он ведерко и сам зачерпнул воды. Ничего, все как надо получилось. А девка уж обратно в гору подымается. Пошел за ней Боян. Добрались до верха. Она прямо на утес забралась и ведерко опрокинула на Деда. Тут как вздох тяжелый подземный раздался. У Бояна коленки подогнулись. А девица уже рядом стоит: «Что, Боянушка, страшно?» Он стоит молчит на нее налюбоваться не может. Глаза у нее огромные и воздух словно дрожит перед ними. Лицо белое, как из снега. Руки маленькие. Наряд богатый, золотой нитью расшитый. Ну прямо как с иконы сошла.

«Как звать тебя, красна девица», — спрашивает Боян. «Каменка, — отвечает. — Я опального князя дочь». Постояли они так, помолчали. Наконец девка плечом повела и прощаться стала. «Ведро возьми себе, Боянушка, это тебе спасибо будет за то, что помог мне». Он взглянул, ведро-то из чистого золота. Однако толкнул его ногой. «Не надо, — говорит, — мне подарков, лучше приходи сюда. Придешь ли?» «Покличешь, так приду, коли горя не боишься».

Вернулся Боян домой, лица на нем нет. Бабушке своей все и поведал, что с ним стряслось. Она заохала, запричитала: «Ой, Боянушка, что с тобой лютая девка сотворила. В огонь ввела да и присушила. Забудь ее, не то плохо тебе будет». «Нет, — отвечает парень, — легче забыть как себя зовут, чем ее».

«Ах, Боян, Боян. Слыхала я про эту, когда еще молодой была, через нее мне судьба определилась. Видали мы тогда, что и впрямь привезли опального князя с дочерью. Поселили их на другой стороне реки, и приказано было строго настрого никому на той стороне не бывать. Люди говорили, будто княжна самому царю отказала, замуж за него не восхотела идти. Тем и разгневала. Так он ее сослать велел, чтобы никому она не досталась. Как-то весной пошла я на горы песни певать. Уж притомились мы, сели у костра, стали разговаривать. Одна из девок возьми да и скажи: «Люди болтают, будто на этой горе ворожба хорошо идет. Вот бы зелье приворотное достать». Тут объявилась нам вдруг красавица-княжна: «Что ж, — говорит, — хотите, любовный цветок могу достать, только, чур, слушать меня». Ну, все девки наперебой готовы. Велела она нам глаза закрыть. Сама встала впереди и побежали мы за ней цепочкой. Вот остановилась она на лужайке. Там цветочки маленькие, но в темноте как светляки светятся. Набрали мы тех цветов. Опять глаза закрыли и назад. Я то последней была, и вот меня как нечистый попутал, такое любопытство взяло, что я глаза и раскрыла. Вижу, что мы через реку по воде бежим. Луна ярко светит и мы по лунной дороженьке. А волны на реке застывшие. Впереди дед возвышается, но не сидит он на своем месте, а встал и руку поднял, словно путь указывает или воду заклинает. Испугалась я. И в ту же минуту в воду провалилась. Сама уж не помню, как выбралась. С тех пор ноги-то у меня и стали сохнуть. Подружки мои все как одна замуж по сердцу повыходили. А я свой цветок берегла. Не хотела к себе убогой здорового парня привязывать. А цветочек этот все не вял, да еще помог мне много полезных трав найти. Так-то, Боянушка. Одного я не ведала, что княжеская дочка молодой осталась. Нечисто это дело. Столько годков прошло. Давно она старухой должна бы стать. Берегись ее, детинушка».

Но Бояну не до того было. Чуть только просветится утро раннее, он уже на Дедову гору карабкается. А там Каменка ждет. Уставится на него и песни все

слушает. Однажды пошел он ее провожать, да и раскрыл ей сердце: «Каменка, Каменка, люблю тебя пуще жизни». Она головку наклонила, слезу смахнула: «Оставь меня, Боянушка! Не ведаешь ты, кого привечаешь. Я уж с камнем обручена. Сама стала каменная. Принесу тебе я мои богатства, перстни с каменьями драгоценными, бусы из жемчуга, браслеты с бриллиантами. Уходи из этих мест. сердце свое не надрывай и душу мне не береди своими песнями». Боян глазами засверкал. «Скажи, Каменка, что не любишь меня, тогда я уйду».

«Не люблю», — отвечает девица, а у самой кровь из губ потекла. Бросился парень прочь от нее. А эхо ему вдогонку обратное кричит: «Люблю, люблю, люблю».

И с той поры бросил Боян на гору ходить. дома отсиживался. Только, чуть лунная ночь, находила на него морока. Видит он за окном, как Каменка по полю ходит, манит его. Выбежит он за дверь, а там никого. Бабушка видит, что он мается, а как помочь, не знает. Наконец, говорит ему: «Эх, детонька, все равно пропадать твоей головушке. Трудно тебе княжну добыть. Видать, она скована дедовыми чарами. А с Дедом не потягаться. Даже если осилишь его, так можешь без княжны остаться. Ее красота только каменной силой и держится. Но уж лучше ступай поборись за нее, чем на месте стоять да на корню сохнуть. Сдается мне, что не простая вода нужна твоей девке, а живая. И в сердце людей спит та вода, пока любовь ее не разбудит. У тебя-то она есть и с ней можешь чудо сотворить. Пойди ка в полнолунье на берег. Вызови Каменку и прыгай с ней в реку. Сама то она в воду войти не может. Глядишь, и пробудится река, да и сердце девкино тронется».

И опять по весне вышел Боян на Гору. Каменка его ждать не заставила, а как подошла она, схватил он ее и к реке бросился. Словно гром загремел позади него. Бежит Боян не оборачивается. Ветки, коряги за него цепляются, ноги обвивают. Но добежал он до обрыва и прыгнул в воду. Зашипела вода вокруг них, словно раскаленный уголь в нее попал, волны заходили, ветер как с цепи сорвался, все норовит волной лицо Бояну закрыть. Да видно не перебороть Бояна. Вышел он на берег с Каменкой, да так мокрый и пришел домой. Долго ли судить-рядить. Вся деревня собралась на свадьбу. Кому не диво было взглянуть на красу княжеской дочери. Вишь, и впрямь царевну нашел себе Боян.

Да только не все беды кончились. Каменка сидит за свадебным столом, а на дедову гору даже взглянуть боится.

Вдруг на улице топот раздался, голоса громкие. Входит в светлицу стража грозная. А за ними сам царь.

Увидел невесту, лицо гневом вспыхнуло. Ногами затопал.

— Ты ли это, девица?

— Я, царь-государь.

— Да как же ты молодой осталась и красоту сберегла?

— А про то тебе, государь ведать нечего. Не твоими заботами жила.

— Дерзка ты, княжна, ладно, пусть твоя взяла. Только, чай, не забыла ты, какой я указ отдал. Коли кто на тебе жениться задумает — под топор пойдет. Вот я в самое время, видать, поспел. Ты, княжна, раз отказала мне, а в второй все равно под венец со мной пойдешь, а жениха твоего велю казнить.

Оборотилась Каменка к Бояну: «Ну, Боянушка любимый мой, видишь, как горем за любовь платится. Уж не сам ли Дед отомстить решил и послал царя к нам на свадьбу? Я умру скорей, чем стану за царя выходить. Ну и тебе не поздоровится». Обняла она Бояна, поцеловала. Только слуги хотели к ним броситься, земля задрожала, грохот раздался. Попадали все, кто был, на пол. Крик, гам. Только под утро в себя пришли люди. Стали считать друг друга. Все на месте. Только царя со слугами и Каменки нет. Да по деревне громадные камни раскиданы. Глянули на дедову гору. А Деда там нет. Бросился Боян туда. Бежит, задыхается. Поднялся наверх. Видит сидит у громадной трещины Каменка и лицо руками закрывает. Оторвал он ее ладони. Красота ее при ней осталась, да еще пуще прежнего стала.

Так любовь Бояна победила, и жили они долго и счастливо. Деда добрым словом поминали. И старушка с ними. И стоит бывало Бояну брови насупить, подступит она к нему и спрашивает: «А что, Боянушко, живая вода-то в твоем сердце не спит еще?»

Так-то, родный мой.

Звезды

Горы так обманчивы, что даже те, кто родились среди них, не всегда помнят об этом. И трудно бывает людям, привыкшим доверять только своим глазам. Далекое кажется близким, светлое — темным, доброе — злым. Найти дорогу в горах — значит отыскать ее всюду... даже в жизни.

Я вспомнил старинную историю, одну из тех, что случаются в необычных судьбах, оставляя после себя недоумение, печаль и... тишину.

Жил некогда рыцарь Лонд. Славился он честностью и прямотой. Ни в чем не зная сомнений, его сердце оставалось ясным, как у дитя. Сила питала его храбрость и даже в сраженьях Лонд улыбался. Король благоволил к нему, ставя в пример своим придворным, дамы вздыхали, завидев его статную фигуру, соперники испытывали страх. В общем, это был настоящий рыцарь.

Доблесть Лонда вскоре надлежало увенчать дочери королевского егеря Улле. Нет, она не могла похвастаться знатностью или богатством, но стоило любому странствующему трубадуру встретить ее, как он тотчас узнавал в ней ту несравненную единственную даму, о которой пел в своих стихах. Пожалуй, ее стоило бы упрекнуть только в гордости. Привыкнув к вниманию, Улла редко задумывалась над тем, что несет ее красота окружающим. «Они должны быть счастливы, что видят меня», — думала она, не замечая скрытых слез своих поклонников.

Дом, где она жила, находился среди высоких скалистых гор. Лес, покрывавший их, изобиловал дичью, но не каждый решался отправиться за ней. Крутые склоны, переходящие в обрывы, частые обвалы, бешеные потоки унесли немало жизней. А с некоторых пор этот край стал пользоваться еще более зловещей славой. В горах поселился колдун. Конечно, с ним могли быстро расправиться, но он пользовался покровительством короля. Звали его Плок. Когда-то это был безобидный карлик, которого дразнили за уродство. Достигнув зрелых лет, Плок ушел от людей и стал жить в лесу. К удивлению, звери не тронули его и вскоре он даже подружился со многими из них. Местные жители утверждали, что зимой видели следы карлика, ведущие к медвежьей берлоге или к логовищу волков. Но самым странным находили непонятную страсть Плока к звездам. Не жалея своих коротеньких ножек, он карабкался на вершины, чтобы быть ближе к небу. Там он садился и долгие часы смотрел, не отрываясь, на звезды.

Однажды король со своим юным наследником охотился в горах. Увлекшись погоней они поднялись к самым ледникам и попали в снежный обвал. Свита и сам король благополучно выбрались из-под сугробов, но принц исчез. Очевидно, его снесло вниз в одно из ущелий. Тревожно и отчаянно перекликались рога охотников, искавших мальчика. Наконец, он отозвался, однако это делу не помогло. Голос принца подхватывало эхо и казалось, что он доносится сразу с четырех сторон. Отец Уллы вдруг вспомнил про карлика. Желая отвести гнев короля, он сказал, что единственно, кто может помочь беде, это маленький лесной колдун, обитающий в округе, он-то сумеет отличить настоящий голос от эха. За Плоком немедленно послали, и он действительно отыскал принца и вытащил его из глубокой ледяной трещины. Король был щедр и обещал выполнить любое желание карлика. Придворные затрепетали, ожидая увидеть его чуть ли не вторым лицом королевства, но Плок попросил только выстроить для него на вершине горы башню, сколь возможно высокую. И вот на указанном месте был воздвигнут целый замок. Четверо медных ворот, обращенных на все стороны света, как зеркала, могли отражать солнечные лучи, а одна из башен поднималась выше облаков. Новое жилище Плока сделало его почти полновластным хозяином гор. Он обладал удивительно острым зрением и мог не хуже орла различить все, что происходит в окрестностях. Вначале охотники не понимали, что случилось. Они, как обычно, подкрадывались к зверям, но откуда-то с неба доносился странный звук, напоминавший удар колокола, и животные поспешно скрывались. Другой раз карлик,

пользуясь эхом, трубил в рог и сбивал со следа собак или останавливал коней. К этим проделкам молва незамедлительно приписывала любые несчастья, происходившие в горах. И если в колдовских чарах Плока кто-нибудь пытался усомниться, то ему советовали глубокой ночью взглянуть на горы. Среди мириадов мерцающих звезд ярко светился еще один огонек, тот, что горел на башне Плока. «Что ему делать до рассвета, как ни колдовать? Да. Что ему делать?» Улла встретила Карлика всего один раз, но он запомнился надолго. Она охотилась вместе с отцом на прекрасного оленя. Он уже почти был загнан, когда собаки вдруг повернули в сторону. Улла направила коня за ними и увидела горбатого человечка с рогом на поясе. Он собирал цветы и что-то напевал. Собаки окружили его, но не решались накинуться. Пасти их широко разевались, но лай словно застрял в глотках. Ни звука не вырвалось из их сотрясающихся тел. Поджав хвосты, они, наконец, отошли. Карлик поднял голову и посмотрел прямо в глаза девушке. Разгоряченная охотница в бешенстве от неудачи хлеснула его плетью. Он не опустил головы, не защитился, а только протянул букет рододендронов. Полная раскаянья Улла поскакала прочь. У опушки она оглянулась и ей показалось, что рядом с карликом стоит олень и слизывает кровь с его рассеченного лица.

«Колдун не простит тебе обиды, — встревожился отец Уллы, — Скорей выходи замуж за Лонда. Этот славный рыцарь сумеет защитить тебя от любого».

Между тем во дворце устраивался бал, на который созывались все рыцари и дамы королевства. Не был обойден приглашением и Плок. Негодование охватило придворных, они решили не замечать карлика. «Пусть он почувствует всеобщее презрение». Дамы договорились ответить отказом, если Плок осмелится пригласить их на танец. Однако их планы рухнули. Как только карлик вошел во дворец, король надел на него корону и возвестил, что в этот вечер Плок будет властителем бала. Охранять его выпал жребий храбрейшему из рыцарей, и им оказался Лонд. Теперь никто не мог без риска для жизни оскорбить или унизить Карлика. По обычаю Плок должен был открыть праздник, возглавив первый танец. Он вышел на середину залы и огляделся. Сотни глаз смотрели на него с затаенным гневом и страхом. И Карлик чувствовал себя, как животное, которое готовы затравить. Но, вот, стряхнув с себя оцепенение, он подошел к месту, где стояла Улла, и преклонил колено. Позади них раздался сдавленный стон. Это Лонд не сдержал своих чувств и до боли закусил губу. Гости построились в пары и, танцуя, двинулись под музыку через все залы дворца. Карлик оказался очень ловким и уродство его, овеянное молвой о тайных чарах не отталкивало, а скорее притягивало к нему. Улла впервые заметила, какие громадные глаза у Плока. В них скрывалось столько печали и ума, что сердце ее прониклось сочувствием к нему. Когда танец окончился, Карлик протянул своей даме цветы и она узнала букет, предлагавшийся ей в их первую встречу. «Я хотел бы видеть Вас в своем замке, — тихо шепнул он, — прошу Вас, приезжайте». Она думала отказаться, но не смогла и кивнула головой. Веселье продолжалось. Красота Уллы, внезапно подчеркнутая Карликом, честь открытия бала, разделенная с ней, заставили многих кавалеров искать внимания девушки. Она ни минуты не оставалась одна, танцевала до головокружения, но перед глазами ее все время стояла хрупкая фигурка Плока.

На обратном пути к дому Лонд в бессилии сжимал рукоять меча. Не мог же он вызвать Карлика на поединок. Улла словно не замечала раздражения жениха и только задумчиво разглядывала подаренные ей цветы.

Прошло немного времени и она исполнила свое обещание приехать в гости. Карлик встретил ее с радостной улыбкой у ворот. Они почти ни о чем не говорили. Плок подал в руки Улле молоточек. Стоило им ударить по стене замка или по любому предмету, находившемуся в нем, как раздавался чудесный музыкальный звон. Девушка шла по ступеням, и шаги ее сопровождала мелодия, рождавшаяся прямо под ногами. Среди ночи они, наконец, поднялись на башню и долго смотрели на звезды. Трудно сказать, что произошло в сердце Уллы, но, когда, прощаясь Карлик поднес к губам ее руки и просил остаться и стать хозяйкой в его замке, она вновь дала согласие. Тут уж больше нельзя было сомневаться в колдовстве. Только рано наступившая зима помешала немедленной расправе над Плоком. Рыцари во главе с Лондом поклялись разорить гнездо колдуна и освободить Уллу. С нетерпением ожидали они весны, когда тропинки к замку

Плока станут проходимыми, и вот наступил их час. До глубокой ночи раздавались тяжелые удары в ворота замка и эхо откликалось глухим, похоронным звоном. Он летел к звездам и они мигали и падали. Плок же стоял на башне и лицо его было обращено к небу. Наконец, ворота дрогнули и рыцари ворвались внутрь. Огонь заплясал над жилищем колдуна, высокая башня была разрушена, и Улла освобождена. Самого карлика связали и подвесили над воротами вниз головой. Рассвет явил безотрадное зрелище обгоревших развалин. Звери забрались туда и помогли Плоку выпутаться из веревок, но это не утешило его. Он не хотел уходить с горы, целые дни сидел неподвижно на развалинах замка и ожидал Уллу. Она не возвращалась, и звезды также не могли поддержать его, ибо небо по ночам оставалось закрытым облаками. Так что в конце концов сердце бедного карлика не выдержало тоски и разорвалось. Его погребли там же, на останках бывшего жилища, и никто больше не осмеливался подниматься к нему.

Что же касается Уллы, то ее судьба оказалась столь же печальной. Лонд женился на ней, но радость его была непродолжительна. Каждую ночь Улла выходила из дома и смотрела на звезды, сиявшие над горами. Рыцарь требовал от нее объяснений, она же заливалась слезами и говорила, что видит огонь на башне Плока. Однажды Улла исчезла, и Лонд с трудом отыскал ее среди развалин замка. Он потребовал, чтобы она вернулась к нему, но она отказалась. Все его мольбы и укоры Улла отвергла. Бешенство и ревность овладели рыцарем. Вспомнив о колдуне, он выхватил меч и одним ударом оборвал жизнь своей возлюбленной.

Миновал еще один год, в который Лонд тщетно пытался обрести покой для своей души. Ни новая женитьба, ни пиры, ни битвы не давали ему забвенья. Рыцарь, не знавший колебаний, стал похож на зверя, преследуемого призраками. Как-то ночью он заблудился в горах. Спутники его отстали, поднялась пурга, и силы Лонда истощались. Вдруг сквозь сплошную мглу блеснул яркий огонек. Рыцарь направился к нему и оказался на горе Плока. На месте развалин по-прежнему возвышался его замок, а из башни лился свет. Ворота растворились от легкого прикосновения и рыцарь вошел. Замок был пуст, один ветер носился вместе с гневом Лонда, ударяясь о стены, и они тихо звенели. Рыцарь поднялся на башню. Там тоже не оказалось никого, кроме звезд. И он взглянул на них... Много дней разыскивали Лонда его друзья. Наконец, они обнаружили его в развалинах замка. Он отказался спуститься с горы. Спокойно и задумчиво было лицо его, хоть из глаз текли слезы. Еле слышно прозвучал голос: «Не зовите меня. Я должен видеть звезды и останусь здесь».

* * *

Омывающая, очищающая, спасительная
Высота, Корень Жизни моей, Источник Радости —
откройся! Дай мне почувствовать
Твое присутствие, верни меня к Себе.
Пробуди во мне Свое дыхание,
Свое биение,
Свою музыку.
Пробуди мою душу к восхождению к Тебе.
Пусть память о Тебе никогда не покидает меня,
взгляд мой никогда не отрывается от Тебя,
дыхание мое никогда не перестает питаться Тобой.
Да станешь Ты моей единственной опорой,
моим единственным упованием,
моим единственным устремлением.
Да стану я Твоим Бытием без иного в себе,
и да станет обретенное мною уделом всех.

Неизвестный автор

Даниил Андреев

Песнь о Монсальвате

Песнь вторая

Горный страж

Вы, звезды мантии черной!
Закона строгого знаки!
Горят среди ночи горной
Весы в многозвездном мраке.
Но властью молитв — обитель
Смягчает дальнейшие судьбы.
И выйдет только водитель
На суд невидимых судей.

* * *

Канули в прошлое, вьюгой звеня,
Тридцать четыре блуждающих дня.
Всюду — лишь тихие толпы камней.
Храбрые рыцари — снега бледней.
Первою жертвой погибели жадной
В бездну сорвался Раймонд Беспощадный.

Голод стучит неотступной погоней,
Пали в пути истощенные кони,
Смерть, как орлица, летит по пятам —
Кончено!
Оборвались дороги!
Где Монсальват?
Нагие отроги,
Пропасти нелюдимые там...

Злое ущелье смертного края
Снег вечереющий запорошил...

Понял ли хоть один, умирая,
Что их вожатый — король — совершил?
Поздний разведчик пришел назад.
Кричали долго. — Теперь молчат.
Только теснее жмутся, теснее
К тощим кострам из горного мха...
Ночь надвигается, ночь синеет,
Необорима, как меч, и тиха.
Звезды слагают все те же напевы...
Цокнул копытом горный олень...

У потухающих глаз королевы
Мягко ложится черная тень.

Только — откуда?
На Севере дальнем
Небо дрожит багрянцем печальным;
Только — откуда?
По белым хребтам
Смутное зарево плещется там...

И острие невозможной надежды
Вдруг прикоснулось к душе короля.
Сверху кольчуги бархат одежды
Сдвинув плотней и ни с кем не деля
Мысли сверкнувшей, в гулкую ночь
Выше и выше торопится прочь.
Ноги скользят по крутым уступам;
Глыбы, едва пробудясь, сквозь сон
Ухают в пропасти глухо и тупо...
— «Выше... Боже! Кто ж это — вон
Сходит с утеса — в плаще, как снег —
Призрак ли?
Ангел ли?
Человек?» —

Сердце упало. Вперед, вперед!!
Щебень царапает, режет лед,
Но вестник идет — от севера к югу,
Оборотясь и подняв ладонь,
Запорошен утихнувшей вьюгой,
Быстр и бесшумен, как белый огонь.

— «Склонился к призывам твоим и мольбе
Владычествующий на вершине:
Я послан на помощь — поведать тебе
Дорогу из льдов нерушимых.» —

Светла его речь, и медлительный голос,
Протяжный и твердый, спокоен и тих:
Так ветер свистящий в расщелине голой
На миг притихает меж сучьев нагих.

— «Но кто ж ты, в горах стерегущий ночами?
На горного духа похож ты очами!..» —

— «Про имя не дам я ответа:
Не принц я , не герцог, не граф,
Но в городе вечного света
Зовут меня Аль-Мутарраф.

Доверься ж охране дозора,
Не трать драгоценных минут:
Пред лик государя Клингзора
Наш путь еще долог и крут.» —

Как странно: откуда — арабское имя...
В альпийскую ночь, среди льдов и камней?..
Что судеб избранника неисповедимей?

Теперь отдохнуть у нежданных друзей
Оттуда проникнуть в край Монсальвата,
Неутолимый призыв утоля...

И, крыльями новой надежды подъята,
Затрепетала душа короля.

— «Я бургундский король: по этим вершинам
Блуждая, мы кружим множество дней...
Спасибо тебе! Я велю паладинам
И Агнессе, супруге моей...» —
— «Нет!» —
Властно и дерзко над хаосом горным
Рука поднялась, заграждая путь
Перчаткой серебряной с кружевом черным
На звездных туманов искристую муть.

—Не мнишь ли ты, что слабым детям Бога,
Лишь для забав проникнувшим сюда,
Сердцам младенческим я покажу дорогу
Из нежных уст сторожевого льда?
Со мной пройдешь в столицу только ты —
Избранник ослепительной мечты!» —

Как! Лишь он не погибнет во мраке и вьюге?..
В сердце зажглась смертная боль:
А королева? Верные слуги?
Вздрогнул от гордого гнева король:

Нет! Лучше узы снежного плена,
Ночь... Вечная тьма!

— «Ты предлагать мне смеешь измену?
Дерзкий бродяга? Меч вынимай!» —

И, отступив, он выхватил меч —
Но враг недвижим был, и речь
Прозвучала еще раз:
— «Узнай:
В этот час уже смерть каменит их черты,
Их гробницей стал этот край,
Можешь смерти бежать один только ты.
Выбирай!» —

Но король не сдвигал воспаленного взора.
Ветер выл, леденящ и свистящ,
И лицо становилось бледнее, чем горы,
Чем белевший под вьюгою плащ.

— «Защищайся!
Иль я вонжу острие
В низкое сердце твое!» —

И тогда только меч свой, упругий и длинный
Вынул медленно Аль-Мутарраф:
Будто лунным лучом озарились долины
И остывшие конусы лав,
И грозные срывы природной твердыни,
Подобные замковым рвам...
И рыцари сшиблись в бесплодной пустыне
Подобно разгневанным львам.
Араб налетел, беспощадный и вольный,
Как горный, раскованный дух,
На узкой площадке, где места довольно
Для боя смертельного двух;
Со складок плаща за спиной, облетая,
Осыпался снежный налет,
Плащ вьется, крутясь, как орлиная стая,
Спешащая в дикий полет.
Напрасно заносит удары удары
Над чудным врагом Джероним:
Ответный удар неизбежен,как кара,
Как молния, неотразим.
И смертная жажда свободы и власти
В крови закипает, как стон:
За что ему гибнуть? Чью жизнь или счастье
Окупит погибелью он?..
А там, впереди, после бед и усилий,
Как солнце, влекущая цель:
Престол под охраною ангельских крылий
Над ширью покорных земель!
И, будто услышав в молчаньи смятенном
Души раздвоенную речь,
Кладет Мутарраф, точно луч охлажденный,
В ножны остывающий меч.

—» Не смею убить тебя, рыцарь! Высоко
Ты правишь дорогу свою:
Венчанного свыше, ведомого роком
В ударе твоем узнаю!» —

—» Ведомого роком... Пустые слова!..
Глянет утро в провалы долин —
Паладины мертвы, королева мертва,
Я один!..» —
— «Так зачем же ты хочешь судьбу разделить
С судьбой недоносков земли?
Кто провидит корону за мглой перемен, —
Не боится темных измен!» —

О, горечь забвенья любимых, далеких,
Всех, брошенных в жертву холодной мечте!

Душа разрывалась в бореньи...
И щеки
Закрыл рукавицей король в темноте.

— «Ты прям, ты отважен, ты горд, Джероним,
Назови ж меня братом своим!» —

— «... Да, ты много понял, ты прав,
Мудрый Аль-Мутарраф.» —

— «Так в путь же. Спускаясь за мною,
Где тают последние льды
Взгляни на того, кто земную
Пустыню оденет в сады.» —

Король отступил. И слова упали,
Жестокие, мертвые, как свинец:

— «Не о захватчике ли Парсифале
Ты говоришь, странный гонец?» —

— «О, нет! Ты узришь небывалый простор,
Край орлов над вершинами гор,
Воскрешающий Рим, — безудержной волной
К нему роды и роды текут...
Ты забыл обреченных — так следуй за мной
В залу тронную, а не на суд.» —

И с тлеющим сердцем, томимый, как раной,
Надеждой и смутною болью стыда,
Последовал молча за вестником странным
Король по извилинам хрупкого льда.
И милю за милей, безмолвные двое
Шли мимо потухших костров и костей,
И дикие своры то лаем, то воем
Их путь провожали по дну пропастей.
Все выше, все уже по кручам неверным
Чуть видимая извивалась тропа,
Где днем пробегают лишь быстрые серны
И еле становится с дрожью стопа.
Все сумрачней делались горные пики, —
Подземною судоргой выгнутый грунт:
То ль ангельские, то ль звериные лики —
Природы окаменевающий бунт.

И близкое зарево, как покрывало,
Уже колыхалось над их головой,
Когда к оголенным камням перевала
Они поднялись в тишине гробовой.
Огромный, базальтом очерченный кратер
За ними угадывал ищущий взор;
Здесь город воздвигнуть один император
Посмел бы стихиям наперекор...
Но что это? Тысячеустное ль пенье,
Играя, теплеющий ветер донес?..

— «Посмотри, каким блеском и славой объят
Этот истинный Монсальват!
Нет другого прекрасней под кровом небес,
Его прозвище — Город чудес.» —

Что это?
Не доходя перевала,
Остановился король, не дыша:
Свет поднимается: белый, то алый
С каменной пропасти, как из ковша;
Ветер навстречу летит и поет,
Влажный, горячий, душистый, как мед;
Озеро света бушует внизу
Под облаками, как солнце в грозу, —
Да: это брызжут лучи, как снопы,
Да: это праздничный рокот толпы.

— «Где мы? Чье это пенье?
Чьи голоса?» —
— «Это народное восхваленье
Воплощающему чудеса,
Это — к светочу света
зов;
Вслушайся ж в гул
слов!» —

Но вострубившие медные трубы
Даль в величавое пенье влила,
Переплелись с ним протяжные струны,
Странно — пронзительные колокола...
Волей стальной обуздав тревогу,
Двинулся снова король в дорогу:
Ноги подкашивались, немели —
«Может ли быть, что напрасен путь,
Может ли быть, что у чудной цели
Опередил меня кто-нибудь?..»
И, безотчетным страхом томим,
К пенью прислушался Джероним:

— «Воссиявший выше гор
радугой,
Радость мира, Клингзор,
радуйся!
Покоривший океан
пламенный,
Обуздавший уздой
каменной,
Единящий валы
розные,
Кто подобен тебе,
грозному?
Под землей ли, с земною
лавою,
На земле ли, с людской
славою;
В небесах ли, где днесь
клира́ми
Серафимы звенят
лирами?»

Песнь четвертая

Святое вино

Вы, хранящие Чашу Завета
На блаженной вершине заката,
Вы, служители вечного света
В недоступных снегах Монсальвата!
Не увидит живущий в неволе
Мира дольнего сумрачный пленник —
Как вино на алтарном престоле
Освящает король – священник.
Освященные в час литургии
Перед Чашей с божественной кровью,
Да падут его капли благие
В пашни мира, и выльются новью!

* * *

Звезды слагают все те же напевы;
Цокнул копытом горный олень...

У потухающих глаз королевы
Тихо ложится черная тень.

В смерти таинственного венчанья
С мужем своим не дождется она:
Крепнет мороз, неподвижно молчанье
Узких ущелий и снежного дна.
Холод прозрачен, как нежная льдина,
Тонок и медленен, как лезвие...
В белых палатках ко сну паладинов
Клонит предсмертное забытье.
Толький над серой золою, налево,
Верный и добрый гофмаршал Рожэ,
Здесь, перед входом в шатер королевы
Спит ли? Молчит?.. Или умер уже?
Тишь нарастает в расщелине голой.
Тело немеет. Томительный голод
Стих. Перед взором — одна синева...
Кружится, кружится голова.
Час приближается.
                    Боже! Боже!
Час наступает, — где Джероним?
Как я молила, чтоб смертное ложе
Ты разделить мне позволил с ним!
Если ж останется жить он, и гнева
Кубок не выпьет, — Дева, прости:
Нашей Бургундии мирное небо
Другу несчастному возврати!
Верно, по-прежнему, там на закате
Кружат над старым собором стрижи,
Прялки поют... На солнечном скате
В мяч и турниры играют пажи...
Там, по уставу заветов старинных,
Кротким правленьем, смиренным трудом
Пусть он искупит смерть неповинных,
Скованных этим сверкающим льдом!
Если б мне видеть — из рая, из ада —
Путь его, вьющийся по земле,
Быть его кормчим, защитой, отрадой,
Тихой звездой в бушующей мгле...
Меркнет... Все меркнет... Прости же сомненье,
Это метанье...
Это томленье...
Тело немеет. Ни мук, ни боли.
Стужа крепчает.
                    На небосклон
Шагом героя на бранном поле
Из-за вершины встал Орион.
В брани духовной встал он над миром!
Латы мерцают под синью плаща,
Ясный Ригаль непорочным сапфиром
Искрится на рукояти меча...
Поздно!
                    Не различает знаменья
Взор потухающий; стихло томленье
И, незнакомою жизнью жива,
Перед глазами растет синева.
Синь, синева, синева небосвода,
Тысячи искр, — и туда, к вышине,
Смерти прозрачной хрустальные воды
Душу возносят на синей волне.

Еле доносится — там, у костра —
Легкая поступь — хруст тонкого снега,
И пропадает звездное небо:
В прорези треугольной шатра
Трое. Коричневые капюшоны
Низко опущены. Рясы. Мех.
Кубок, метелью запорошенный
В пальцах идущего впереди всех,
Голос — живой, молодой, как весна:

— «Мир вам!
                    Испейте святого вина!»

Песнь пятая

Спуск

О, серая ширь кругозора!
О, горький ветер равнинный!
Лети во дворец Клингзора,
Ты, горестный, ты пустынный,
Утишь колдовскую вьюгу,
Охрану гор разорви,
Пропой изменившему другу
О верности и любви!

* * *

Еще до рассвета их вывели трое
Из каменного лабиринта дорог:
Потока бурлящего ложе сырое
Открылось в глубокой лощине у ног,
Уже, будто сон, погрузилось в забвенье
Ушедших водителей благословенье
И ширится только, звуча, как струна,
По мускулам радостным жар от вина.

Но радости нет в этом каменном спуске!
В одеждах изорванных все, как один,
Тропой пешеходов, кремнистой и узкой,
За паладином бредет паладин.
Голод вернулся. Хоть черствого хлеба!..
В холодном передрассветном луче
Идет впереди, как вождь, королева
В серебряной робе и синем плаще.
С ней рядом спешит, невзирая на рану,
Телохранитель, друг и охрана,
Опора на жизненном рубеже —
Высокий и молчаливый Рожэ.

Немало изведали эти седины:
Когда-то у Тирских разрушенных врат
Он дрался без страха с самим Саладином
Под знаменем Конрада Монферрат;
Он помнит, как рухнул под шквалом неверных
Твердыня храмовников — замок Сафэд...
Он видел — в чередовании мерном
Дни смерти и громоносных побед;
Он слышал морей многошумную синь,
Он видел руины под солнцем пустынь.
И с именем Агнессы Прованской —
Далекой, прекраснейшей из принцесс —
Летел он на штурм твердынь мусульманских
С копьем пламенеющим наперевес.
Но годы промчались — и, с узкой короной,
Сквозь волны органные и фимиам,
Взошла по ступеням Бургундского трона
Агнесса, прекраснейшая из дам.
И нежная, как голубиные крылья,
Скрестилась под брачной епитрахилью ,
Ненарушимую верность суля,
Рука корлевы с рукой короля.

Но рыцарю оставался неведом
Зов сердца к измене и к праздным победам;
И вновь, выходя на сраженье с другими,
Опять, как и в годы крылатые те —
Агнессы Бургундской высокое имя
Он нес, как мечту, на бесстрастном щите.
Спокойствием прямодушного взора, —
В нем ясность светилась и простота,
Смягчалась отрывистость разговора
И твердые складки сурового рта.
Сорвавшийся камень сквозь хлопья бурана
Разбил ему руку. Но жгучую рану
Забыв, он торопится, воска бледней,
За бедною госпожою своей.

Уже им становится видно, как тучи,
Скрывая сырые, лесные холмы,
По голым полям, по изгибам и кручам
Растягиваются обрывками тьмы.
И там, где их полог ветрами распорот,
Чуть брезжут в неразличимой дали
Церковные шпили, аббатство и город —
Урочища старой Бургундской земли.
А прямо внизу, между пятнами снега,
Покачивает у знакомого брега
Седая стремительная река
Ладью перевозчика-старика.

О, влажный, о, сумрачный ветер равнины!
Как странно, как горестно слушать тебя!
Невольно замедлили шаг паладины,
Рукой исхудавшей усы теребя.
Насыщенный запахом пашен и моря,
Широкий, как небо, сырой, как земля,
Он пел им про яд пораженья и горя,
Про возвращенье — без короля.
И здесь, над равнинами голого леса
Над горными пастбищами, Агнесса

Чуть слышно коснулась пальцев Рожэ,
Как колоса колос на узкой меже.

— «Слушай, вассал! Никому в нашей свите
Слышать нельзя этих горестных слов:
Их мне поведал наш избавитель,
Путь указавши из вечных льдов...
Жаждою жизни и власти томим,
В замок Клингзора ушел Джероним.» —

Дрогнули тонкие губы Рожэ...
Но королева шептала уже:

— «Ныне он спит во дворце у Клингзора,
Страшная участь готова ему:
Видишь, как эти волшебные горы
Стражами оцепили тюрьму?
И возбранил безымянный инок
Войско на помощь вести сквозь леса:
Чары окутают путь, чудеса!
Гибелью кончится поединок!
Только весной, под глубокою тайной,
Чтоб я могла на супруга взглянуть,
Дан будет знак мне готовиться в путь
Сонным виденьем иль встречей случайной.

В это таинственное жилище —
(Но не в доспехах и не на коне, —
Странствующим певцом или нищим)
Будешь ты снова сопутствовать мне...
Если захочешь, Рожэ. Но про то
Ведать не должен больше никто».

Рыцарь взглянул благодарно и строго, —
Солнцем светила любовь ему.

— «Что же, моя госпожа, в дорогу,
Как не мой добрый меч я возьму?»

— «Нет! Бесполезно и праздно оружье!
Но охранят и выведут нас
Те, без кого под смертною стужей
Мы не увидели б этот час.» —

Больше ни слова не молвил Рожэ
Своей госпоже.

Долины яснели. Ночь гасла. Туманы
Лиловый рассвет над рекою будил,
Они поднимались, и топкой поляной
К причалу уже перевозчик сходил.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Песнь первая

Лилия Богоматери

Ты, чьим легким стопам пьедесталами
Служат узкие шпили соборов,
Над зубцами дворцов, над кварталами
Осенившие каменный город!
Охрани под свистящими вьюгами,
Защити, как детей, Мадонна,
Выходящих без лат, без кольчуги
На дорогу печали бездонной!

* * *

Апрельские сумерки. Стихли капели;
Над плавным Дюбисом лиловая мгла
Туманом клубится...
Трижды пропели
Над сумрачным мюнстером колокола.
В сыреющих нишах мерцают из мрака
То свечи, то блики на каменных раках,
И вянущий запах весенних венков
У статуй пророков и учеников.

В высоких пролетах спокойно и гордо
Умолко дыханье органных аккордов
И древней латыни размеренный стих
Последним отзвучьем мистерии стих.

Поблекли глаза от бесслезного плача,
От серых бессонниц и черного сна:
Глаза под ресницами строгими пряча,
С колен поднимается молча она.
Стан тонок. Потрепан от бдений бесплодных
Сафьянный молитвенник в пальцах холодных,

Но светлые косы блестят, как лучи,
На траурной робе из черной парчи.

Выходит с придворными.
И под порталом
Встречает, как ласкою, взглядом усталым
Мольбы, причитанья, ладони калек:
На паперти этой — их дом и ночлег.
Здесь только тупая кромешная мука,
Здесь только страданье: ни зло, ни добро...
И вот опускается в каждую руку
Чеканное золото и серебро.
И каждому в горести неутолимой
Ответную просьбу шепчет свою:

— «Молись о Господнем рабе Джерониме,
Изведавшем плен в недоступном краю!» —

И снова, и снова с губ тонких, с губ бледных
Слетает одно, все одно, как сквозь сон...
Вдруг стихла —
плечи в рубище бедном,
Ряса — опущенный капюшон.
Стихла... И затрепетала всем телом,
Всем сердцем, всем чувством, как птица,как лань,
—
Метнулась вперед, снизу хотела
Взглянуть в глаза под грубую ткань —
Нет! Не проникнуть к очам озаренным
Под запыленным в миру капюшоном, —
Только — как вздох из впалой груди:
Слово чуть слышное:
«Иди».
В тот вечер, ни часа не медля боле,
Как узник, услышавший весть о воле,
К ветру прислушивающийся настороже,
Она призвала
вассала Рожэ.
— «Рожэ! Долгожданный час настал!
Друг наш явился, как обещал!» —
Невольно Рожэ стиснул эфес.

— «Да охранит нас покров чудес!» —

За храбрость в грядущем бескровном бою
Она протянула руку свою:
Рука была белая, точно пена,
Юная, гибкая, как лоза...
Он взял эту руку, встал на колено,
Не смея, не смея взглянуть в глаза!

Назначен был выход из Безансона
На полночь следующую. Никто:
Ни духовник, ни наследник трона,
Ни брат — не должны были знать про то.
Но кто же останется править? Кому же
На время вручит она власть королей?..
Она оставит письмо! Брат мужа
Прочтет его пусть через десять дней.
Рожэ удалился.
И ночь прошла,
Свежа по-весеннему и светла.
Едва рассвело, в конюшне темной
Стременный ему коня оседлал.
Сзади остался и мост подъемный,
И зеленеющий старый вал.
По росам апрельским он выехал в поле,
В широкие пашни, навстречу дню:
Лучи его, пламенные до боли,
Ударили прямо в глаза коню —
И заиграли на остром копье,
На лужах, алеющих в колее.

Все тише стлалась тропа, безмолвней,
И на дубовой опушке, в тени
Листвы молодой открылась часовня:
Он знал ее в юности. В старые дни,
Перед походом в пески Сальватэрры,
Под меч настигающих магометан,
Он здесь преклонялся с незыблемой верой,
И вера хранила от смертных ран.
Здесь, переборами лат звеня,
Сошел он с коня.

Две стертых ступени. Сумрак. Прохлада.
Усталое благоуханье, покой...
Пред изваяньем Мадонны — лампада,
Затепленная благочестивой рукой.
Привыкший к крикам, к воплям, к крови,
Смотрел он, остановясь вдалеке,
На пряди волос, на печальные брови,
На мрамор цветов в благосклонной руке.

А там, позади, над дорогой, над лугом
Ликующий жаворонок звенел,
Он с солнцем небесным встречался, как с другом,
Он пел, замирая от счастья, — все пел.

И пали колени на светлую паперть,
Склонилось чело на холодный порог...

— «Помоги мне, Заступница-Матерь,
Ты прибежище всех одиноких!
Но достигну ли речью простою,
Долетит ли к Тебе мой зов,
Ты, вершина под белой фатою
Непорочных, чистых снегов!
Дева! Радость моя! Вечно — Дева!
Ясный свет чистоты голубиной!..
Ты стояла у крестного древа,
Ты взирала на мертвого Сына.
Ты, хранящая темную сушу,
Океан и звездную твердь,
Оружье прошло твою душу,
Ибо Сын Твой — изведал смерть.» —
Он поднял лицо. В усах его сизых

Слеза заблестела, как капля росы,
И чудилось: верой одет, будто ризой,
Он жизнь перед Девой кладет на весы.
— «Вот я здесь, пред Тобой, без покрова!
Мое сердце Ты ведаешь, Дева,
Как жестоко оно, как сурово
В мраке ревности, гордости, гнева!
Только помыслы кружат пустые,
Как ветер в сухом камыше...
Опусти ж Свои очи благие
К этой черствой, мертвой душе!
Вот он, меч мой, что в год посвященья,
В Благовещенье, перед Тобою
Окропил водою священник
Для победы, для правого боя...
И, неся в отдаленные страны
Непорочное имя Твое
Я прекраснейшей из христианок
Посвятил его острие!..»

Он смолк. Тишина становилась суровой,
Но там, в глубине алтаря, вдалеке,
Чуть дрогнули тихо печальные брови
И лилия в благосклонной руке.

— «Госпожа моя! Щит мой! Ограда!
Здесь, в душе, как в поруганном храме,
Лишь одна не погасла лампада,
Луч один: любовь к моей даме.
Без нее мне — все слепо, все глухо!
Без нее мне — кромешная ночь!..
Разреши же мне в подвиге духа
Ей, чистейшей из чистых, помочь!
Вот духовной, невидимой брани
Приближается срок молимый,
И Тебе я смиренной дланью
Возвращаю меч мой любимый!
Охрани ж нас двоих, безоружных,
С вышины Твоих алтарей,
О, надежда средь гибели вьюжной,
Голубая Звезда Морей!»
Все стихло кругом. В полусумраке храма
Замедлило время ток вечной реки...

И с призрачным шелестом плавно на мрамор
Упал благосклонный цветок из руки.
Он взял его.
Белый и благоуханный,
Гость дальних миров на стебле золотом,
На сердце он лег под кольчугою бранной,
Сплетясь лепестками с нательным крестом.

И встав,
Рожэ положил перед Девой,
Меж трех, пастухами затепленных свеч,
Оружие благочестивого гнева,
Свой добрый, в сраженьях зазубренный меч.

И вновь за холодным гранитом порога
Пустынно по-прежнему стлалась дорога,
И вновь, поднимаясь в небесный предел,
Ликующий жаворонок звенел.

Песнь вторая

Горы в цвету

Не к народным забавам и праздникам,
Не в кишащие людом предместья,
Лишь к пустынным лугам, к виноградникам
Поведет эта грустная песня.
Не пройдет в ее тихих излучинах
Ни купец, ни маркграф, ни крестьянин,
Только весла застонут в уключинах,
Только шмель прогудит на поляне.

* * *

По синим отрогам — спокойно, упорно
Шагают вдвоем — человек и осел...
Сыра еще глина на выгибах горных;
Боярышник белый на гребнях зацвел;
Все глубже и глубже, сквозь иглы и кроны
В долинах синеет весенняя мгла...
На ослике — женщина; ткань шаперона
Сливается с серою шерстью осла.

А там, впереди, уже близко за бором,
Алмазной преградой вздымаются горы;
Уже различимы на блещущих кручах
Воронки скользящие вьюг неминучих.
И близко уже, как угроза врага,
Жестоким дыханием дышут снега.

— «Как странно, Рожэ, с той минуты, как ночью
Мы оглянулись на Безансон,
Как будто впервые мой путь воочью
Смыслом и светом стал озарен!
Тогда поняла я, мой друг, навеки

От нашего замка я ухожу
Куда-то за горы, за льды, за реки,
К непонимаемому рубежу!
И вот — девятнадцать дней идем мы,
И все мне отрадно, все легко:
У этих костров спокойная дрема,
В охотничьих хижинах — молоко.
А этот ослик — какой он милый,
Я никогда не видела смешней,
И разве прежде я так любила
Хоть одного из моих коней?»

— «Должно быть, от этих лесов, госпожа,
Покой нас объемлет священный:
Взгляните, как зелень ясна и свежа,
Как чист этот купол нетленный!..» —

— «Да, милый Рожэ... Но вчера, у привала,
Чуть сон прикоснулся к глазам моим,
Как тяжко, трудно, как больно стало!
Да: это меня призывал Джероним.
Он звал, будто в смертном томлении духа,
Мольбой, замирающей, как струна,
Заклятьем, едва достигающим слуха
Как стон из глубин подземного сна!..
Туда не сойдут ни лучи, ни виденья,
Там давит бездумная, тяжкая твердь,
Оттуда ведут только два пробужденья:
В вечную жизнь
И в вечную смерть».

— «Не должно скорбеть, государыня, путь
И жизнь его небом хранимы:
Не мы, так другие сумеют вернуть
Из тьмы короля Джеронима.» —

— «Ты прав. И я верю, Рожэ, это братья
Для помощи каждому в муках его
От вечного солнца на Монсальвате
Сошедшие в сумрак мира сего.» —

— «Госпожа! Как радуюсь я!
Ваша вера — вера моя!
Но гляньте: уже прохлада
Встает от сырой земли,
И, кажется, шум водопада
Я различаю в дали.» —

Миг — и пред ними открылось ущелье:
Плавно-стремительная река
И вдалеке — невзрачная келья,
Кров перевозчика-старика.
Вдруг — за скалою раздался топ,
Грубый, дикий, грузный галоп:
Точно раскатистый низкий гром,
Через кусты,
сквозь бурелом...
— «Стойте, моя госпожа! Тише!
Это кабан матерый идет.
Он полуслеп, но чутко слышит...
Эх! Рогатину бы!» —
И вот,
Черен, как уголь, быстр,как ветр,
Вырвался на дорогу вепрь.
Птица шарахнулась. Взмыл орел.
Стиснул поводья Рожэ.
Осел
Рвался — не вырвался —
заревел —
Зверь обернулся:
остр и бел
На солнце сверкнул трехгранный клык,
Вепрь
бросился.
Сдавленный крик
Вырвался у Агнессы...
Рожэ
Палку схватил
и настороже
Молниеносный нанес удар
В длинную морду.
Свиреп и стар,
Не испугался зверь:
Миг —
Рожэ к траве опускался, ник,
Хлынула кровь...
Загнутый клык —
Дальше спуталось все:
не крик,
Но чей-то спокойный и властный голос,
Вдруг —
Тишина
И в облачных полосах —
Старец, склоняющийся к нему
Через сгущающуюся тьму.
То перевозчик вышел навстречу,
Снова, как в дни незабвенные те,
Только теперь сутулые плечи
В белом, домотканном холсте.

— «Оставь, старик! Дай умереть,
Агнессу благослови.»

— «Путник, мужайся! Не смерть, но жизнь
Твердым духом зови!»

И, сморщенная от холода,
Лишений и горьких зол,
Рука старика распорола
Залитый кровью камзол.
Кровоточащая рана,
Как омутом, взгляд маня,
Казалась грешной и странной
Под солнцем юного дня.
Казалось, что кровь струится
Не раной, не плотью, нет —

Из древней общей криницы
Под зыбью пространств и лет;
Криницы, откытой Богом
На самом дне бытия,
В молчаньи, во мраке строгом
Истоки жизни тая.
Туда , где лилия Девы
Цвела под ударами жил,
Руку своей королевы
Тогда Рожэ положил.

И вздрогнула дрожью невольной
Неведающая рука,
Как будто коснувшись больно
Невидимого клинка.
А взгляд становился серым,
Уже догорал и ник...

— «Молись, госпожа! Веруй!» —
Твердо молвил старик.
О, нет, это был не слабый,
Не прежний рыбак долин:
Нечеловеческой славой
Светился венец седин;
И поднял он к бездне синей
Пророческие глаза,
Блестящие, как в пустыне
Затерянная бирюза;
И складками древней муки
Изрезанное чело,
И над умирающим руки
Простер, как щит и крыло.

Иисусе Христе! Твоим именем,
Побеждающим смерть человека;
Моим правом, свыше дарованным,
Отменить начертания рока:
Вашей помощью, дваждырожденные
В недоступных снегах Монсальвата,
Да удержится жизнь отходящая
В плоти сей — до грядущего срока!

... Смеркалось...
У ветхого, тесного дома
Закат наклонил свои копья уже,
Когда на истлевшие клочья соломы
В полузабытьи опустился Рожэ.
И ночь, отходя, унесла, как юдоль,
Затихшую боль.

И странные дни над бревенчатой кельей
Для трех единенных сердец потекли
В безмолвном согласьи, в духовном весельи,
Под плеск и журчанье весенней земли.
Уже не томим исцеленною раной,
Но слабый, недвижный, думал Рожэ
О солнечных бликах над топкой поляной,
О вдруг промелькнувшем вдоль окон стриже,
О ней, неотступно склоненной над другом;
То взглядом, то речью, то пищей простой
Она, как весна над воскреснувшим лугом,
В невянущей юности шла над душой.
Старинную ревность и темное горе
Изгнал чудотворный цветок на груди,
И радостно слушало сердце, как море
Глухих испытаний шумит впереди.

Порою шаги старика Гурнеманца
Впускала в чарующий круг тишина.
Он молча склонялся к лицу чужестранца,
Как светлый водитель целебного сна...
И вновь уходил к своим мрежам и пчелам
Иль к широкодонной дощатой ладье,
Где плавно танцуя в мельканьи веселом,
Играли форели в прозрачной воде.

Песнь третья

Кровь мира

Только тем,кто, забыв правосудие,
Все простив, все впитав, все приемля,
Целовал, припадая на грудь ее,
Влажно-мягкую, теплую землю;
Только щедрым сердцам, сквозь которые
Льется мир все полней , все чудесней —
Только им утоление скорое,
Только им эта легкая песня.

* * *

Тот день был одним из даров совершенных,
Которые миру дарит только май,
Когда вспоминаем мы рощи блаженных,
Грядущий, или утраченный рай.

Луга рододендронов белых и дрока
Дрожали от бабочек белых и пчел,
Как будто насыщенный духом и соком,
Трепещущий воздух запел и зацвел.
Обвитые горным плющем исполины
Безмолвно прислушивались, как внизу
От птичьего хора гремели долины
И струи журчали сквозь мох и лозу.
Все пело — и дух миллионов растений

До щедрых небес поднимала Земля,
Сливая мельканье цветных оперений
С качаньем шиповника и кизиля.
И солнце, как Ангел, тропой небосклона
Всходило над миром, забывшем о зле,
Для всех, кто припал к материнскому лону,
Для радости всех, кто живет на земле.
Уж день истекал, когда вышла Агнесса,
И свет предвечерья сквозь кружево леса
Упал на задумчивое лицо,
На грубое, скошенное крыльцо.
Призывом на подвиг высокий тревожа,
Ей голос судьбы не давал отдохнуть:
Рожэ поправлялся — вставал уже с ложа —
На утро назначен был выход в путь.

Усталая от нескончаемой муки,
В своем запыленном сером плаще,
Сложила благоговейные руки,
Помедлила в розоватом луче.
И вдруг, — точно девочка, быстрая, гибкая,
По теплым ступенькам сбежала с улыбкой
Туда, к побережью, в зеленую вязь,
Где в папоротнике тропинка вилась.

Спускался таинственный час на природу:
И пчелы, и птицы, и ветер утих,
Как будто сомкнулись прохладные волны
И низкое солнце алеет сквозь них.

— «Как торжественно все, как таинственно!..
Все молчит, все склонилось друг к другу...
Ах, пройти бы с тобой, мой единственный,
По такому вот мирному лугу!
Сердце в сердце, дыханье в дыханье,
Взгляд во взгляд, неотрывно, бездонно,
Сквозь цветенье, сквозь колыханье
Этих Божьих садов благовонных!..» —

Дорога исчезла. Но всюду, как вести
Младенческих дней непорочной земли,
Сплетались у ног мириады созведий,
Качаясь и млея, вблизи и вдали, —
То желтых, как солнце, тот белых, ка пена,
То нежно подобных морской синеве...
И сами собой преклонились колена,
И губы припали к мягкой траве.
— «И не плоть ли Твоя это, Господи,
Эти листья, и камни, и реки,
Ты, сошедший бесшумною поступью
Тканью мира облечься навеки?..
Ведь назвал Ты лозу виноградную
Своей кровью, а хлеб — Своим телом.» —

И навзничь склонясь в глубокие травы,
Темнеющий взгляд подняла в вышину,
Где чудно пронзенные светом и славой,
Текли облака к беспечальному сну.
Как будто из смертных одежд воскресая,
Весь мир притекал к золотому концу,
К живым берегам беззакатного рая,
К протершему кроткие руки Отцу.

— «Дивно, странно мне... Реки ли вечерние
Изменили теченье прохладное,
Через сердце мое текут, — мерные,
Точно сок, — сквозь лозу виноградную...
Вот и соки — зеленые, сонные...
Смолы желтые, благоухающие...
Через сердце текут — умиленное...
Умоляющее...
Воздыхающее...
То ль растворяясь в желаемом лоне
Стала душа
Смолами сосен на дремлющем склоне
И камыша

. . . .
. . . .

Или сердце ударами плавными?..
Или колокол — шире, все шире, —
Будто благовест!.. благовест!.. благовест!..
Будто Сердце, Единое в мире!..» —

И просияло на тверди безбурной
Сердце одно,
Бегом стремительным сферы лазурной
Окружено.

Слова отлетели, растаяли,
Исчезли блеклыми стаями,

И близкое солнце, клонясь к изголовью,
Простерло благословляющий луч, —
Бессмертная Чаша с пылающей Кровью
Над крутизной фиолетовых туч.
Сознанье погасло...
И мерно, и плавно,
Гармонией неизреченной светла,
Природа течением миродержавным
Через пронзенную душу текла.
Пока на Бургундской волнистой равнине
Туман перепутал леса и сады;
Пока не зажглось в вечереющей сини
Мерцание древней пастушьей звезды.

Песнь четвертая

Гурнеманц

Кряжи косные, грозные, мощные —
А в ложбине — распятье и хижина;
Одиночество; бденье всенощное;
Время долгое, неподвижное.
Только звезды взойдут и закатятся
За волнами предгорий зеленых;
Только в чуткую полночь прокатится
Смутный грохот лавин отдаленных.

* * *

Вспыхнули серые скалы багрянцем,
Воздух над быстрой рекой посвежел.
Долго на теплой скамье с Гурнеманцем
Слушал, молчал и дивился Рожэ.

К синему краю старинных поверий
Вел его тихою речью старик:
Люди — не люди там, звери — не звери;
Каждый живущий — глубок и велик.
Званные к новому существованью
Вещею верой в то, чего нет,
Странные образы смутных преданий
Встали со дна незапамятных лет;
То, что давно утеряли народы
В бурных волнах несмолкающих смут;
То, что таинственно в роды и роды
Иноки избранные передают.

... — «В полночь ушел от Пилата
В горестный путь свой Иосиф,
Под безутешною тьмою
К Лобному месту спеша;
Вынул он жгучие гвозди,
В чашу хрустальную бросив...
Чашу держал он у раны,
Плача, молясь, не дыша.
Капля за каплей стекала...
Капля за каплей горела...
Тишь гробовая настала
В мире, в саду и в раю...
Чаша наполнилась кровью,
Тихо тяжелое тело
С помощью жен опустил он
На плащаницу свою.

И в недоступной пустыне,
Жаром Египта сожженной,
Долго берег он святыню —
Кровь и святое копье.
Смерть не коснулась... И первым
В плоти своей просветленной
Был он восхищен на небо,
В вечное всебытие.
Чашу на пламенных крыльях
Подняли ввысь серафимы —
Выше великого солнца,
В первые небеса;
В строгом священнслуженье...
Пали пред ней херувимы...
Неисчислимые хоры
Слили свои голоса!

Верь, что вселенная — тело
Перворожденного Сына,
Распятого в страданьи,
В множественности воль;
Вот отчего кровь Грааля —
Корень и цвет мирозданья,
Жизни предвечной основа,
Духа блаженная боль.» —
— «Прости, прости, отец святой...
Мой ум — ленивый и простой,
Он не готов еще принять
Сказаний древних благодать...» —

— «Не бойся! Вести о Боге
Последним приемлет ум.
Падут они семенем строгим
На самое дно твоих дум.
Еще не расцветшие злаки
Созреют в прахе души,
В Богохранимом мрáке,
В благоговейной тиши.» —

Рожэ обернулся
и взглядом слегка
Коснулся лучистых очей старика;
В стояньи в часы многотрудного бденья,
Что видели эти глаза наяву,
Какие светила, какие виденья
Наполнили светом их синеву?..
И понял Рожэ: до последнего дна
Душа его вещему взору видна.

— «Но, отец... гордыню, страсть, бессилье
Мне ли духом слабым побороть?..

Гурнеманц, ведь только эта лилия
Озаряет душу мне и плоть!
Тает все: страданье, вожделенье,
Кровь утихла, сердце в чистоте,
В ликовании, в благоговении
Перед той, чье имя на щите!
Не средь мира, мареву подобного,
Не на узком жизненном мосту,
В полноте свершения загробного
Я улыбку Дамы обрету!» —

— «Но скажешь ли, сын мой, в раю:
"Вот она, это — я, это — он?"
Только в нашем ущербном краю
Так душа именует сквозь сон.
Дух дробится, как капли дождя,
В этот мир разделенный сходя,
Как единая влага — в росе...
Но сольемся мы в Господе — все!» —

За ясные дни, проведенные в келье,
Рожэ наблюдал, что приходят сюда,
Оставив соху, и топор, и стада,
Крестьянин, пастух, дровосек из ущелья;
А раз, на закате, в бревенчатый дом
Поспешно проехал по светлой поляне
С бровями орлиными, в черной сутане
Угрюмый аббат на коне вороном.
И все уходили в селенья по склонам,
Как будто им чудо узреть довелось:
С прекрасной улыбкой, с лицом просветленным —
С сияющим взглядом, блестящим от слез.

— «Кто же ты, мне Господом указанный?..
Верно, вправду жизнь твоя тиха!
Верно, путь, тобою не рассказанный
Никому, и правда, без греха?» —

О, какая печаль замерцала во взоре!
Как странно от этой нежданной тоски!
Иль память о юности, память о горе,
О страстных падениях сжала тиски?..

— «Пойми благодать благодати:
Когда я тебе иль народу
Молитвой, советом, словами
Дарю чуть брезжущий свет, —
То — льются духовные воды
С источника на Монсальвате,
Поток изливается свыше;
Моей же заслуги — нет.
Вот слушай: уже миновало
Четыре десятилетья,
Когда от распутья усталый
Вот в этот заброшенный дом
Забрел я, охотясь... Синий
Простор и рыбацкую сеть я
Увидел, как видишь ты ныне.
Быть может, все было кругом
Живее и радостней: ельник,
Овечий — вон там — водопой...
А жил здесь дряхлый отшельник,
Молчальник... полуслепой...» —

Он замолк. Увлажнила роса
Мох и доску ветхой скамьи;
С каждым мигом полней небеса
Письмена чертили свои;
Неотрывно смотрел Гурнеманц
В их темнеющую бирюзу...
Ночь вступала в права —
и туман
Целый мир окутал внизу.

— «Аммарэт — было имя отшельника.
Уже многие, многие годы
Дальше этих утесов и пчельника
Не ступал он. И смертные воды
Уже пели псалом призывающий
Прочь от суши, к свободе безбрежной,
Как прибой, ввечеру прибывающий,
Заливающий камень прибрежный...
А в долинах садами, деревьями
Расцветало счастье в народе:
Дни безбурные... Лица безгневные,
Жизнь, забывшая о непогоде.

Но не мнили, не знали, не ведали,
Что живет здесь бедно и глухо,
Ослепительными победами
Прославленный в царстве духа;
Что имеющий невод да пасеку,
Богоданною властью молитвы
Отвращает усобицы, засуху,
Гнев бургграфов... грозные битвы...
Друг мой! Друг мой! Одно лицезренье
Вот такого, как он человека,
Тьме кромешной дает озарение,
Незакатывающееся до века!
Если ты над душой моей черною
Видишь всходы, горящие светом, —
Не моя в них заслуга: то зерна,
Посеянные
Аммарэтом.» —
— «Сорок лет назад... Теперь святится
Он, наверно, по всей стране...
Где ж могила чудная таится?
Дай над ней помолиться мне.» —

— «У него могилы нет.» —
— «Как нет могилы?
Ни креста, ни склепа — ничего?
Иль, быть может, ангельские силы
Смерть не допускают до него?» —
— «Друг! На это не будет ответа:

На ответ мне власть не дана:
Пусть вокруг судьбы Аммарэта
Будут сумерки и тишина.
Да и что расскажут слова?..
Попрощаемся. Но сперва
Дай мне крест твой нательный на память,
А себе этот, медный, возьми:
Знай, что полными терний тропами
Поведет он тебя меж людьми.

Но креста драгоценнее нет.
Его раньше носил Аммарэт.»

Песнь пятая

Рождение

Скоро ль? Скоро ль чудные вестники?
Все спокойней душа, все покорней.
Им премудрым, дарующим песню
И очам открывающим — горнее.
Им, одетым нетленными тканями,
Им, рожденным от Духа и пламени, —
Эти свечи в унылом жилище,
Эта горькая трапеза нищая!

* * *

До ночи глаза поднимали в мольбе:
К Распятью — Рожэ, королева — к звездам,
В последнюю ночь перед страшным отъездом
Навстречу неисповедимой судьбе.
Созведье Орла поднялось над отрогом,
С вершин потянул холодный дух,
Когда, наконец, за усталым порогом
Оранжевый отблеск лучины потух.

Но слабым, усталым, уснувшим — на смену,
В сарайчике тесном, где сено в углу,
Седой Гурнеманц преклоняет колена,
Больные колена — на жестком полу.

Лицо опустилось в простертые руки,
Молитвенной формулы краткие звуки
В послушное сердце низведены;
Дыхание мерно, глаза смежены.
И слово за словом, проникновенно,
Смиренно выстукивает оно,
Как колокол, погруженный на дно
В сияющем озере спящей вселенной.
И тихо, кругами, молитва — любовь
Исходит их сердца лучисто и ровно...
Безгласна спокойно текущая кровь.
Отогнаны мысли. Сознанье безмолвно.
Глубокая тьма. За дверями, в ущелье
Ни шага, ни звука... Поляна — как сад...

— «Мир твоей келье
И душе твоей, брат!» —

Он вздрогнул. Нежданный
Вздох сорвался — и стих.
В дверь с туманной поляны
Входят тени троих:
В пальцах каждого — посох
С крестом наверху,
В голубеющих росах
От тропинок во мху...

И шепчет он слово,
Трепет, радость и ужас тая:

— «Ведаю, кто вы...
Верую, кто вы,
Но за что мне милость сия?!» —

— «За смиренье без страха,
За невидимый подвиг в тиши,
За созданье из праха
Богоносной души.» —
И капюшон —
откинулся...
Ни облика, ни — зениц, —
Лишь луч ослепительный хлынул,
Бросающий в страхе ниц:
Старик отшатнулся.
Руку.
Подняв щитом у лица,
Как сноп подкошенный рухнул
К стопам святого гонца;
Но свет — через пальцы — в очи
Лился, как белая дрожь,
Как волны по воздуху ночи,
С дыханьем лилий схож.

— «Радуйся, брат наш, полно!
Взгляни на нас, — не страшись!
Близится вечный полдень
Вставшей твоей души!» —

Был голос теплее привета —
Так смертные не говарят, —

И поднял к источнику света
Старик прозревающий взгляд...
Он видел — сквозь струи сиянья —
Отеческий взор и уста,
Улыбкой прощенья и знанья
Подобные лику Христа.
Черты проступали сквозь свет.
— «Аммарэт!..» —

Не знал он, что светом обратным
Лицо его блещет; что он
Уж избран на путь невозвратный
Из плещущих волн времен.

— «Тебя ожидают,как брата,
Святые в саду Монсальвата.» —

— «Учитель!..Учитель!.. Брачных одежд
Нет у меня! Нет!
Как же взойду я на пир? Где ж
Вынести мне этот свет?!» —

Но встали, склонив колена,
Младшие из троих,
Касаясь — справа и слева —
Тканью одежд своих;
И — как священник в храме,
Пред тем, как Чашу поднять,
Руки воздев над Дарами,
Испрашивает благодать, —
Так Аммарэт у порога
Руки возвел и лик,
И звуку молитвы строгой
Внимал, рыдая, старик:

— «Искупитель невольных и вольных,
Воплощенный Завет!
Солнце горних и дольних!
Всепрощающий Свет!
Милосердьем ведом,
Ты открыл Никодиму
О рожденьи втором.

Душу нового брата
Мощь и право нам дай провести
До ворот Монсальвата,
Защищая в пути,
К совершенному строю
В осиянном краю,
Сквозь рожденье второе
В Дух и Волю Твою!» —

И легла, как бесплотный огонь
На главу Гурнеманца ладонь.

— «В Богоносное
Тело
Облекись, — и в Нетленную ткань;
Под творящие
Стрелы
Духа Божьего —
Встань!» —

Пламя ли ринулось с неба, как дар?
Сердце ли оборвало свой удар?
Вихрь ли смятенную кровь закружил
Вспять по руслу пламенеющих жил?
Это, как молния, Божья милость
Падала — на расщепленную плоть.
Сил земнородных бессильная муть
Голову покидала и грудь,
Через стопы, торопясь, как струя,
В землю, под землю,на дно бытия;
Жадно впитывала их толща пород,
Всасывая в круговорот,
В сумрачный круговорот вещества,
В битву без торжества.

И просиял ослепительный лик,
Выстраданный
и раскованный,
Долго томившийся в узах Двойник,
Царствию
приуготованный,
Странно подобен был кроткий взор
Распятому,
Сострадающему,
Как уподобилась лилия гор
Крину
неувядающему.

А над ущельем делался серым
Воздух, и над колыбелью дня
Матерью нежной никла Венера,
К сыну лицо золотое клоня.
Медных бубенчиков тонкие трели
Пели в долинах, и пастухи
У побледневших костров смотрели
На розовеющие верхи.

Там, по ступеням алого снега
Выше, все выше текли облака,
Ибо в морях лучезарного неба ,
Смерть,как и жизнь, — свята и легка.

(Поэма не окончена)

А. А. Каменская

Дневник теософа*

1919

4 января (нов. стиль). Лесное.

Мы встретили Новый Год в городе (я была у постели больной матери), а 2-го снова приехали сюда. Вчера мы устроили в санатории теософическую беседу и концерт. А.В.Унковская дивно играла на скрипке, В.Н.Пушкина аккомпанировала. Я изложила суть теософических учений и сказала о том, что Теософия дает человеку, какое новое настроение она вливает во всю его жизнь.

Собравшаяся аудитория слушала с глубоким вниманием. Здесь много старых, слабых и больных. Одну больную внесли на носилках. Почти у всех усталые, нервные и скорбные лица. Радостно было видеть, как понемногу они озарялись улыбкой и принимали светлое и бодрое выражение. В дверях столпилась прислуга: горничные санатории, кухарка и дворник. Видно было, что они принимают живое участие в вечере и наслаждаются музыкой.

Завтра у нас будет вторая беседа.

Сочельник. Лесное (ст. стиль), по новому — 6 января.

Вчера у нас был второй теософический вечер в санатории: А.В.Унковская сделала доклад о цветозвуках, а затем была беседа и музыка. Воцарилась светлая и радостная атмосфера. Чувствовалось настроение глубокое и сильное. Мы обещали еще раз собраться, чтобы удовлетворить всех желающих поговорить на темы духа.

Пришла телеграмма из Калуги, говорящая, что друзья ждут меня к сочельнику. Но поехать не могу. Придется отложить поездку до лучших времен.

Белый снег и звездная ночь. Воздух ласковый и нежный. Звонят ко всенощной. Где-то высоко звучат горние голоса и поют «Слава в вышних Богу!..»

Рождество. Лесное (ст. стиль), по новому — 6 января.

У нас был чудесный концерт в санатории, давший всем большую радость, а вчера вечером, когда мы остались одни, после выступлений, мы зажгли прелестную елочку, под ветви которой положили наши любимые Св. Писания: Евангелие, Бхагават-Гиту, «У ног Учителя»[27], «Свет на Пути»[28], а также портреты лидеров наших. На ветки мы одели свои звездочки, и восковые свечи их нежно озаряли. Мы пропели «Слава в вышних Богу», прочитали отрывки из всех Св. Писаний и затем долго сидели тихо вокруг елки, думали о значении великого космического праздника и о будущем возрождении России...

12 января. Петроград.

В Лесном у нас было всего 5 выступлений: 3 теософических лекции и беседы, 1 звездная, 1 концерт. К этому нужно прибавить, что наши трубадуры еще играли по просьбе местного священника в церковном доме <неразб.>, где на Рождество собрались прихожане. Скрипка А.Унковской завоевала все сердца, а Теософия заинтересовала многих.

14 января. Петроград (Новый год ст. стиля).

У нас началась работа нового сезона, был Совет, собирался кооператив, вчера открыл работу Орден Служения. Мы зажгли маленькую елочку и любовались ее огнями, в то время как А.Унковская играла свои светозвуки. Горело 6 восковых свечей и, в связи с этим, мы думали о 6-ой субрасе, которой суждено ныне родиться, подготовляя торжество 6 «расы». Не будет ли Голгофа России мировым опытом, который поможет человечеству осуществить «социализм любви»?[29]

17 января. Петроград.

Вчера было первое нового сезона собрание с гостями. П.И.Тимофеевский прочитал лекцию «Теософия и наука». Зала была переполнена, и публика слушала с глубоким

* Окончание. Начало в № 1, 1992.

вниманием. В следующий четверг назначена беседа на ту же тему.

В городе тревожно, и моя поездка в Калугу откладывается.

19 января. Петроград.

Пришла телеграмма из Калуги: Николай Васильевич Писарев ушел из физического плана. Мир праху твоему, дорогой брат! Сердце твое было исполнено чистоты и преданности: прекрасен отдых, который ожидает тебя. Ты вступил в «радость Господа твоего».

Семнадцать лет тому назад, когда только что рождалось Теософическое движение в России, Елена Федоровна Писарева примкнула к движению, стала переводить теософические сочинения на русский язык и скоро образовала в Калуге Теософический кружок, ставший со временем Калужским Отделением Р.Т.О. Одним из первых членов кружка был Николай Васильевич Писарев, вступивший немедленно на путь активного служения. Будучи издателем книг и брошюр, подготовленных к печати женой своей, Е.Ф.Писаревой, он основал книгоиздательство «Лотос», в котором он был одновременно издателем, корректором, представителем, агентом и отправителем. Его величайшей радостью была переписка с интересующимися лицами, высылавшими ему свои заказы из разных захолустьев. Он волновался их вопросами, радовался их радостью, переживал с ними их недоумения и затруднения. И еще больше радовался он появлению в своем доме кого-либо из своих далеких корреспондентов, которые всегда встречали у него самый радушный прием.

Николай Васильевич был другом всем, и в его доме можно было встретить людей самых различных типов и направлений. Всех он умел согреть, приласкать, успокоить и со всеми душевно беседовать часами, не жалея своих сил и времени. Под его скромной и крепкой внешностью жил пламенный пропагандист, который не пропускал ни одного случая, чтобы заронить в душу светлую мысль и дать духовную помощь. В качестве главного агента I Страхового общества в Калуге, он соприкасался со всей губернией, и, таким образом, через него весть Теософии широко распространялась в провинции. Кроме того, Николай Васильевич приглашал летом в свое поместье Подборки пионеров движения, которые здесь встречались, отдыхали и работали. Постепенно в Подборках организовались <неразб.> работников, сыгравшие видную роль в истории теософического движения. И все, кто когда-нибудь бывал в Подборках, не забудут никогда той ласки и любви, которая их там встречала, окружая самым тонким и нежным вниманием. Это было гостеприимство широкое и задушевное, полное глубокого очарования, искреннее и простое, предоставлявшее гостям беспредельную свободу и окружавшее их непрестанным, любящим вниманием. Хороши были липы, тополи и река Подборок, хорош старый патриархальный дом, но любовь и ласка гостеприимных хозяев были самым великим очарованием их, и многие души почерпнули в них новые силы и вдохновение для работы.

Николай Васильевич был человек, исполненный идеализма, зто был «праведник» в полном смысле этого слова, но особенно ярко говорила в нем любовь, которая выражалась как нежное сочувствие всему живому. Он был страстный любитель естественных наук, наслаждался микроскопом, и в то же время был пламенный садовник. Его любимым занятием была рассадка и поливка цветов в деревне, тихая работа в саду, озаренном утренним солнцем. И радостно приносил он друзьям плоды своих трудов: живые розы, пионы, гелиотропы, резеду и душистый горошек, которые цвели под нашими окнами. Он любил долго сидеть на балконе в тихие летние вечера и любоваться видами на луга и леса, уходившие о голубой горизонт. «Я счастлив, — говорил он, любуясь, — что Подборки, этот тихий приют, стали невидимым, но важным центром для большой работы духа. Я горжусь, что здесь работают пионеры-теософы и я верю, что Господь благословит их труды. Постоянно благодарю Бога, что он дал мне возможность хоть зтим помочь великому делу Теософии.»

20 января. Петроград.

На зтих днях много тревожных слухов. Говорят о закрытии всех религиозных обществ. «Орден Звезды на Востоке» закрыт 16-го января, и ему не разрешено работать даже в составе самых маленьких кружков. Члены переживают героически эти дни гонения, как острый момент социально-политического кризиса, но тяжело, что этот кризис отражается и на духовном движении, стоящем совершенно в стороне от всякой политики.

Неожиданно пришло письмо М.Г.Федоровой, председательницы Ростовского Отдела. Она пишет, что работа идет хорошо, что в Общество приходит много интересующихся из учащейся молодежи и из народа. Радостно знать, что в это бурное время наши южные центры так прекрасно и непрерывно работают.

Моя поездка в Москву и Калугу снова откладывается.

На праздниках Орден Служения сделал обычный свой обход больных Обуховской больницы с принесением цветов и календариков. Больные были весьма тронуты и обрадованы. Этот многолетний, хороший наш обычай сближает нас очень с больными и медицинским персоналом.

22 января. Лесное.

Снова я в Лесном, в лесной Женской санатории, в лесу, среди снега и тишины. Со мной Т.Ю.Калар и М.Ф.Гарденина.

24 января. Петроград.

Вчера было второе открытое собрание: беседа в связи с лекцией П.И.Тимофеевского о Теософии и Науке. Было несколько кореферентов, и настроение было серьезно углубленное. Лекции и беседы будут у нас чередоваться по четвергам.

2 февраля. Петроград.

Условия работы еще усложнились. Трамвайное сообщение отныне Бывает лишь до 7 ч. вечера, а по воскресеньям совершенно прекращается. Ввиду этого, наши собрания могут быть только днем, и кружки должны работать от 4-5. Публичные же собрания мы назначаем на воскресные дни, так как тогда может быть приток людей, свободных от службы.

Вторая публичная лекция «Невидимый мир» привлекла группу сильно заинтересованных лиц. Читала лекцию я. Беседа на эту тему будет вестись с помощью кореферентов.

К Обществу приходят люди науки, общественные деятели и философы. Интересно также, что среди мусульман пробуждается живой интерес к Теософии.

Работа кружков идет менее часто, но всегда интенсивно. Каждый кружок собирается раз в месяц.

Особенно хорошо проходят наши классы «Братства Искусств и Ремесел», уроки скрипки, пения и пластики. А.В.Унковская ведет их чрезвычайно живо и интересно. И действие их на усталые проводники совершенно магично: как будто выкупался в чистейшем источнике солнечной воды. Гармонизация эфирного тела приводит в порядок все облики, и чувствуется прилив новых сил. Жаль, что многие члены не понимают еще значения зтих занятий.

15 февраля. Лесное.

Сосновый лес стоит в снегу, и тишина царит в этом снежном царстве. Все говорит о космическом порядке и о ритмах Сатвы, которыми пропитан план высший. Далеко где-то остались вибрации города: свистки, гудки, крики и шум. Не слышно трамваев, фабрик и автомобилей. Только ветер шумит в лесу и снег тихо падает. Елки стоят белые и зачарованные. Кустарники обратились в колонии белых кораллов и задумчиво глядят вдаль.

Снег все идет и поет свою нежную, тихую песню о вере, которая сильнее смерти и об обетованиях весны.

Наша работа идет более медленным темпом, но беспрерывно. Воскресные собрания привлекают довольно много посетителей, и мы читаем цикл лекций, посвященных основным учениям Теософии.

Из провинции у нас мало известий. Изредка доходит голос изголодавшегося по журналу теософа.

Типография наша перешла в кооператив, и мы думаем учиться наборному делу, чтобы в случае чего группа теософов всегда могла продолжать издавать, несмотря ни на какие затруднения.

П.И.Тимофеевский временно уехал в Москву.

Из Калуги приходят вести, что Отдел продолжает мужественно работать, хотя членов активных мало, и помещение грозят реквизировать, но Правление надеется его отстоять.

17 февраля. Петроград.

Цикл лекций по Теософии продолжается. Были прочитаны «Теософия и наука», «Невидимый мир», «Перевоплощение», «Карма», «Дхарма», в ближайшее воскресенье будет лекция о «Законе Жертвы». Затем лекция о «Восхождении человека» и, наконец, «Единая Религия».

Среди публики много военных, врачей, сестер милосердия, учащаяся молодежь, рабочие и даже красноармейцы. Вчера из деревни приехал наш член-крестьянин. Он очень беспокоился о нас и был рад свиданию. Он привез нам деревенские гостинцы: хлеба, муки, картофеля, а главное — свою любовь и ласковую заботу, которая нас глубоко тронула. По его словам, в деревне настоящая духовная жажда, которая ждет себе утоления, и он зовет нас туда для беседы и работы с народом.

23 февраля. Петроград.

Сегодня Н.И.Эрасси читал у нас лекцию о Законе Жертвы. Публики собралось много, и зал наш имеет праздничный вид. Солнце вышло из облаков и заливает его своими лучами. Лекция прошла прекрасно, и ее сменила оживленная и задушевная беседа.

9 марта. Петроград.

Лекция Ц.Л.Гельмбольдт «Восхождение человека» прошла блестяще и создала глубокое и сильное впечатление.

Сегодня я закончила цикл своей лекцией о «Единой Религии».

В будущее воскресенье у нас будет концерт.

2 апреля. Лесное.

Наш рабочий сезон кончается. Непрерывно шли наши лекции, концерты и беседы, и каждое воскресенье они собирали большую и внимательную аудиторию. После последнего цикла и чудесного концерта, представившего собою все лучи религий и народов, мы хотели дать еще дополнительный цикл на 3 воскресенья, оставшиеся до Пасхи, по вопросам искусства, но, к сожалению, пришла официальная бумага из культурно-просветительного отдела, объявившая нам, что отныне мы можем собирать только своих членов. Мы отменили последние 3 лекции. За исключением этого инцидента все у нас прошло превосходно, и план Совета был проведен через весь сезон в полноте. Кружки наши закрывают свою деятельность, и идут уже организационные собрания, вырабатывающие план работы на будущий сезон и распределяющие летние чтения и доклады к осени. После Пасхи у нас будет, вероятно, одно или два общих собрания, а день «Белого Лотоса»[30] согласно обычаю, завершит работу этого года. Хотелось бы повидать весною другие наши Центры и Отделы, но удастся ли устроить турне — трудно сказать, пока события еще не выяснились, а железные дороги неприступны.

Мы мечтаем о весеннем съезде, на котором увидим всех дорогих работников. И еще мечтаем о поездке за границу, где встретим великих лидеров нашего движения. Наш Президент будет, верно, в Мае в Англии, и можно вперед сказать, что в связи с его появлением в Лондоне будет устроен ряд самых интересных лекций и собраний. Не будет ли нашей счастливой Кармой участвовать в этих собраниях?

24 апреля. Лесное.

Мы Пасху провели в нашей милой санатории. Мы устроили концерт, лекцию и беседу о цветозвуках. Радостно вносить вибрации теософические в места, где так много болезни, усталости и страдания. В день Пасхи здесь торжественный молебен, и мы прослушали почти всю Заутреню.

Весна идет. Снег быстро тает, и лес оглашается птичьими голосами. Воздух мягкий и чистый. Когда солнце является, оно волшебно озаряет лес, и все кругом начинает светиться и петь.

Завтра еду в город. Еще две недели — и рабочий сезон наш кончается. Заседает Совет, заканчиваются организационные собрания кружков. День «Белого Лотоса» (8 мая) завершит, как всегда, работу сезона. Если будет возможно, хочу посетить наши Отделы, но пока какие бы то ни было путешествия не мыслимы. И мы сидим тихо в Лесном и на Ивановской, работаем над усовершенствованием схемы работы на будущий год.

В субботу, 26-го, Женское общество посвящает день памяти Анны Павловны Философовой. Меня пригласили сказать слово, а А.В.Унковскую — участвовать в концерте.

10 мая. Петроград.

День «Белого Лотоса», 8 мая, торжественно завершил работу настоящего года. Собрание прошло необыкновенно сильно и глубоко. Музыка и чтение Св. Писаний, отрывков из поэм Востока и отзывы учеников и друзей Е.Блаватской гармонично чередовались. Зал был украшен белыми и золотистыми цветами и голубыми и золотистыми тканями и вышивками. Прелестные лотосы, работа нашего члена (М.Г.) и ее друга художницы, украшали портреты Е.Блаватской и Г.Олькотта, белая лилия поднималась к портрету А.Безант, а направо от эстрады расцветали чудесные белые розы. Звуки физгармонии, рояля и скрипки звучали поочередно и вместе с пением производили чарующее впечатление. Настроение глубокого мира реяло над белым праздником, казалось, времени нет, все испытания закончены и все народы слились в одном дивном, братском аккорде любви.

Закончилась работа сезона, и завтра собирается в последний раз Совет. Из новых начинаний интересно отметить рождение «кружка Корана», поставившего своей целью: «Хорошо изучить один из лучей единого белого Света, Ислам, выявить его в чистом виде».

27 мая. Лесное.

Опять я в городе-саде, ибо Лесное есть сосновый пригород, а наш дом (Женская санатория) стоит прямо в лесу. Соприкосновение с природой после тяжелой зимы в измученной столице дает необыкновенную радость и укрепляет силы. Весна пришла, все зеленеет и расцветает, а в воздухе носится радость грядущего обновления. Как будто

космическое обновление велит символически выразить то, что творится ныне в недрах духа. Все говорит о великом ожидании, о великих надеждах и о великой надвигающейся Светлой Эре.

Общество закончило свою работу, но идут еще деловые собрания: Совет, совещания организационного характера и собрания правления нашего кооперативного товарищества «Вестник».

Мы должны продумать ряд важных дел, связанных с нашим издательством, с типографией, магазином и мастерской. Кроме того, нам хочется объединить работников наших, подвизающихся в разных наших учреждениях и создать для них особый кружок «Союз труда» при Ордене Служения. Для этих дел я езжу каждую неделю на 3 дня в город и, справившись с делами, снова возвращаюсь сюда.

В городе неспокойно. Арестовали многих лиц из интеллигенции. Арестовали и нашего заведующего кооперативным товариществом Ю.В.Кусова. Мы надеемся выхлопотать его освобождение на поруки.

ПРИМЕЧАНИЯ

27. «У ног Учителя» — соч. Кришнамурти.

28. «Свет на Пути» — часть древнейшего эзотерического писания «Книга золотых правил». Впервые по-русски напечатана в Москве в переводе Е.Писаревой в 1905 году.

29. Эволюционные циклы развития человечества включают семь ступеней, или рас, связанных с планетарной эволюцией. «Каждый планетарный цикл или круг имеет свой предел для развития человеческой организации, и с каждым новым циклом ступень достижения повышается» (Е.И.Рерих). Мы находимся в 4 круге и в 5 расе при ее завершении, то есть на пороге перехода в 6 расу, когда «сознание разовьется в сердце». По предсказаниям, преимущественное развитие 6 расы должно начаться в России. Но смена рас обычно сопровождается геологическими и социальными катаклизмами, что отражено во многих великих мифах и легендах (Е.П.Блаватская, «Тайная Доктрина», Синнетт «Эзотерический Буддизм»).

30. День Белого Лотоса — 8 мая, день ухода Е.П.Блаватской с земного плана. Отмечается теософами всего мира.

* * *

Не бойся времени, оно страшно лишь для человека праздного, который пугливо считает часы своей бесполезной жизни и которого гнетет страх смерти. Для ПОСВЯЩЕННОГО же времени не существует. Поглощенный работою, он неустанно плывет по океану науки, столь богатой открытиями.

Один труд может убить время, этого ужасного гиганта, ужасного своим темным и неизвестным будущим, своим настоящим, вечно убегающим из-под ног, и своим прошедшим, населенным неизгладимыми воспоминаниями.

Жизнь — это самый драгоценный дар и даже вечность не покажется слишком длинной тому, кто сумеет наполнить ее трудом и делами милосердия.

В. И. Крыжановская

Л. В. Бычихина

«Школа Мудрости» в Адияре

Название небольшой реки Адияр,протекающей по окраине южноиндийского города Мадраса, означает в переводе с тамильского языка «раб истины». Оно как нельзя лучше передает атмосферу главного центра теософских знаний и сочетается с его девизом: «Нет дхармы (высшего нравственного закона, долга, религии) выше истины». Сильно обмелевшая в противо — стоянии засухе и растущему городу, речка Адияр вдруг широко разливается в устье, мешая свою мутноватую струю с неоглядной океанской волной. И приезжающие сюда искатели истины обязательно испытывают на себе просветляющее воздействие этой величественной картины.

31 мая 1882 г. Е.П.Блаватская, прибывшая в Мадрас в сопровождении полковника Олькотта, впервые увидела кокосовые пальмы и манговые рощи, раскинувшиеся по правому берегу реки, и тотчас решила, что наконец-то «найден наш будущий дом». Много лет спустя Олькотт писал: «Мы никогда не сожалели о сделанном выборе, ибо Адияр — это некое подобие рая».

Первое, что мне довелось узнать, попав в Адияр благодаря любезному приглашению г-жи Р.Бернье, это, что теософия, или буквально божественная мудрость, не была изобретена нашей соотечественницей, а существовала с незапамятных времен как мировоззренческая концепция, основанная на духовном опыте человечества, на эзотерическом знании, которое сохранялось в тайниках мировых религий. Эта концепция утверждала наличие духовных планов бытия и божественного принципа в построенни Вселенной, нацеливала людей на постижение этого принципа посредством расширения горизонтов сознания и вселенского единения. Блаватской же принадлежит честь и заслуга собрать воедино драгоценные крупицы мудрости, разбросанные чуть ли не под ногами не подозревающего о том человечества, идущего опять-таки неосознанно по предначертанному пути эволюции.

Для меня последняя Школа Мудрости на тему «Сущностное единство высших религий» явилась не только возможностью проработать обширный, мало доступный у нас в стране материал по сравнительному религиоведению, но и опытом практического воплощения того, что в теософии именуется всемирным человеческим братством. Все мы, участники Школы, съехались в Адияр в первых числах нового 1991 года, когда очередной ближевосточный конфликт вступил в опасную для судеб всего человечества фазу. Мы внезапно поняли, как мал и хрупок мир, в котором живем, забыли о специфических политических интересах наших собственных стран, будь то США или СССР, Ирак или Израиль, Англия или Австралия и стали на какое-то время как бы единой семьей. Иной раз мы не могли дождаться, когда опять сойдемся за овальным обеденным столом, чтоб обменяться новостями и сообща выработать свое отношение к происходящему.

Ежедневно, встречая на берегу океана восход солнца, что в Адияре является давней традицией, или присутствуя на утреннем богослужении (пудже) в индуистком, буддистском, христианском храмах, возведенных на территории Теософского Общества, каждый посылал благие пожелания всем страждущим и вообще всему живому. Семинарские занятия также начинались 15-минутной медитацией, во время которой мы должны были сосредоточиться на идее всеобщего единения и мира. Когда напряжение от волнительного ожидания развязки событий достигло высшей точки, мы все приняли участие в своебразном ритуале Мистической Звезды, состоявшем в коллективном восхвалении всех по очереди религий и национальных традиций. И весть об окончании войны на Ближнем Востоке мы восприняли почти как свою личную победу.

В Адияре мы ощущаем, как важна теоретическая и также практическая роль теософии в современную эпоху, основным признаком которой является новое, глобальное сознание. Теософия предлагает позитивное объяснение «загадки мироздания», сочетая факты точных наук с религиозными и философскими истинами. Она показывает, что человеческая жизнь имеет безусловную ценность, а также цель и смысл, в соответствии с великим планом эволюции. Она избавляет от страха смерти и многих связанных с этим страданий, считая смерть регулярно повторяющимся инцидентом в бесконечном существовании. Теософия дает основу жизненному оптимизму, утверждая космический закон справедливости — «что посеешь, то и пожнешь» — вследствие которого человек есть хозяин собственной судьбы, дитя своего прошлого, родитель своего будущего. Она видит в человеке бессмертную личность, познающую в себе божественное

присутствие в результате жизненной эволюции во множестве физических воплощений. Она раскрывает значение священного писания и религиозных доктрин, приподымая завесу над сокровенным. Наконец, теософия провозглашает принцип взаимозависимости и единства всего сущего, проводит в жизнь идею человеколюбия и дает всему этому как духовное, так и рациональное обоснование.

Один из главных, на мой взгляд, результатов пребывания в Международной штабквартире Теософского Общества, — тот, что мы избавляемся от повышенного, несколько нездорового интереса к оккультизму, которому иной раз бываем подвержены. Мне, например, весьма импонирует постановка этой проблемы в лекциях Президента Теософского общества г-жи Радхи Бернье. Она, в частности, подчеркивает, что люди так привыкли к пониманию силы как средства достижения власти, что неспособны представить себе силу, так сказать, в чистом виде. Люди ищут тайных знаний, чтоб иметь возможность выделиться и главенствовать над окружающими. В книгах по черной магии описаны методы овладения скрытыми силами природы в корыстных целях. Четвертая Веда содержит священные заклинания-мантры, позволяющие контролировать действия других людей. Эта концепция силы как власти есть одностороннее искажение сути дела. Между тем каждая способность — это потенциальная сила. Если развивать правильное видение, т.е. смотреть на мир широко открытыми глазами, осознанно, забывая о собственном эго, то мир вокруг нас преисполнится чудесного смысла. Способность к внутреннему восприятию, которая совершенствуется по мере расширения нашего сознания, можно назвать оккультной. Е.П.Блаватская различала понятия «оккультизм» и «оккультные искусства» (умения). Последние связаны с сиддхи — чудесными способностями, подробно описанными и расклассифицированными в древнеиндийских и тибетских текстах (материализация и дематериализация предметов, телепатия, телекинез и т.д.) Слово «сиддхи» означает по-тамильски успешное достижение и относится скорее к области духовной, нежели материальной, реализации; «сиддха» — совершенный человек, освободившийся от житейских привязанностей, иногда употребляется в качестве синонима Мукты или Махатмы — учителя мудрости. Оккультные искусства действительно можно употребить во зло. Но сам оккультизм, традиционно воспринимаемый на Западе со знаком «минус», нейтрален в аксиологическом отношении. Это наука о невидимом. Мы способны освоить лишь малую часть природы, а,чтобы познать реальность, лежащую вне пределов наших чувственных ощущений и повседневного ума, нужно, вероятно, следовать оккультному пути.

Но на этот путь могут вступить не все. В 1888 г. Е.П.Блаватская учредила Эзотерическую секцию для нескольких своих последователей, особенно серьезных в желании овладеть древней мудростью и следовать высшим указаниям в своем духовном развитии. Ныне в Эзотерическую школу может поступить лишь тот, кто активно трудился в местном отделении Теософского Общества и готов на определенного рода жертвы. Школа имеет достаточно строгие правила, и теософы, становясь пожизненно ее членами, обязуются навсегда отказаться от мяса, алкоголя, табака, нарушения семейной и иных форм морали. Школа этих правил никому не навязывает, но принимает в свои ряды лишь тех, кто уже сделал свой выбор, кто осознанно стремится к внутреннему преображению и не видит для себя иного пути. Правила вытекают из теософской концепции единства всего сущего и ненанесения вреда живому, а также из необходимости совершенствовать внутренние, все более тонкие формы восприятия. Эзотерической школа называется таковой не потому, что хочет оставаться секретным, тайным институтом, а потому что предназначена для внутренней работы личности, хотя собрания и деятельность Школы по необходимости носят приватный характер. Это место единения, источник вдохновения для тех, кто решился жить духовной жизнью, жить по-теософски. Эзотерическая школа существует в разных странах, образуя всеобщий канал духовного влияния на наш мир. В отличие от Эзотерической школы, Адиярская Школа мудрости имеет открытый характер и предназначена не только для членов Теософского Общества, но и — в отдельных случаях — для интересующихся древней мудростью. Символично, что ежегодные собрания Школы мудрости проводятся в так называемом Бунгало (Доме) Блаватской, построенном на средства ее благодарных учеников в 1910 г. По близости от тысячелетнего баньяна — традиционного «древа мудрости» индийцев, являющегося достопримечательностью Мадраса. В этом здании в 1934 г. жил великий поэт и философ Рабиндранат Тагор, приехавший в Теософское общество по приглашению президента Арундейла. Умиротворенная тишина и покой, царящие здесь, благоприятствуют развтию в нас способности к сосредоточенному наблюдению над внешним миром и к медитации, внутреннему погружению. Адияр не ограничивает свободы членов Теософского Общества заниматься тем, что им больше нравится, предоставляя для индивидуальных занятий великолепную библиотеку, но помогает им глубже проникать в истины и принципы учения Е.П. Блаватской.

В заключение, мне бы хотелось пожелать, чтобы все связанные с учением Блаватской организации следовали в своей деятельности лучшим традициям, накопленным Адияром за более чем столетнее существование Международной штаб-квартиры Теософского Общества.

Российское Теософское Общество

Хроника деятельности

1992-93

В августе 1992 г. в Москве начало работу Издательство «Сфера» Российского Теософского Общества.

Председатель Санкт-Петербургского отделения РТО А.В.Гнезделов принял участие в работе летней школы (1992) Финского Теософского Общества, а также посетил Голландию для участия в ежегодной конференции Европейской федерации международного Теософского Общества (Адияр).

8 сентября 1992 г. Санкт-Петербургское отделение РТО посетила делегация Финского Теософского Общества во главе с председателем г-жой Кирсти Элло.

9-18 октября 1992 г. делегация РТО во главе с А.В.Гнездиловым и М.Н. Чирятьевым посетила Германию, где участвовала в форуме европейских теософских организаций различной организационной принадлежности. В ходе поездки состоялись встречи и выступления в различных теософских организациях Франкфурта-на-Майне, Мюнхена, Гамбурга и Берлина.

7-19 октября 1992 г. в Москве прошли первые Теософские чтения РТО. Заслушаны сообщения по самым различным аспектам Теософии и эзотерической философии, как таковой. Состоялся литературно-музыкальный вечер памяти Е.П.Блаватской (автор и ведущий Фетисов А.И.).

7-8 ноября 1992 г. в Санкт-Петербурге проведен международный семинар РТО с участием делегаций и представителей из Финляндии, Эстонии и Литвы, а также руководства Европейской федерации Теософского Общества (Адияр) в лице председателя г-на Курта Берга и зам. председателя г-жи Ким Дью. Г-н Берг также прочел публичную лекцию на тему «О природе бытия с точки зрения Теософии».

28-30 декабря 1992 г. г-н Берг и г-жа Дью посетили Московское отделение РТО. На встрече с членами Общества г-н Берг прочел лекцию о задачах Теософского Общества в современном мире. В ходе состоявшихся встреч обсуждены издательские и иные планы РТО, а также перспективы взаимодействия с Европейской федерацией Теософского Общества (Адияр).

За прошедшие два года начали работу теософские группы в Серпухове и Саратове. Зарегестрировано Теософское Общество в Самаре. Продолжили работу постоянные семинары в Москве (руководитель Брусиловский С.А.) и Калуге (руководитель Белковский С.А.). Начал работу постоянный семинар в Санкт-Петербурге (руководитель Филимонова М.). Продолжена опека хосписа в СП-б. со стороны благотворительной секции местного отделения РТО. В читальном зале Центральной детской библиотеки Санкт-Петербурга открыт фонд литературы РТО. Оказана поддержка серии конференций и семинаров по проблемам эзотерической философии, состоявшихся в Москве под эгидой Института философии РАН, Музея искусства народов Востока, Академии нового мышления и других организаций (секретарь-координатор Василенко О.С.). Впервые на русском языке подготовлено и выпущено в свет 2-томное издание первого фундаментального труда Е.П.Блаватской «Разоблаченная Изида».

В Библиотеке духовной литературы РТО в Москве при читальном зале ДК ЗИЛ проведены книжные выставки: «Мир через культуру», «В поисках Света» (Е.И.Рерих), «Нет религии выше Истины» (Е.П.Блаватская), «Учение Живой Этики», «Подвижник земли русской» (преп. Сергий Радонежский), «Н.К.Рерих: художник, мыслитель, писатель». (Составитель и организатор Леонидова Т.С.).

Фотовыставка памяти семьи Рерихов экспонировалась в Краеведческом музее Приморского края (г. Владивосток). Выставка памяти Е.П.Блаватской также продолжила свой путь по городам России.

В течение 1993 года была проведена большая работа по созданию в Москве комлексного объединенного центра-музея духовной культуры. Проект нашел поддержку многих религиозно-эзотерических организаций в России и за рубежом, Департаментом по культурным связям МИД России и Госкомимуществом России, а также был обеспечен обязательствами предприятий-спонсоров и подрядчика. Несмотря на наличие пустовавшего более года здания, нуждавшегося в срочной реставрации, Московская администрация по неизвестным причинам отказала в разрешении на реализацию полностью подготовленного проекта.

При Российском Теософском Обществе создан Эколого-культурный воспитательно-образовательный центр «Открытое сознание».

Учебно-воспитательные методики Центра включают в себя духовное, интеллектуальное, общекультурное, эстетическое, творческое, физическое и морально-этическое развитие ребенка, а также работу с их родителями и семейными парами, готовящимися стать таковыми. Методика разработана на основе наиболее выдающихся педагогических концепций прошлого и настоящего. К настоящему времени сформирован и подготовлен высококвалифицированный коллектив воспитателей и преподавателей. Работает методический отдел.

В ближайших планах Центра планируется открытие университета родительской культуры, яслей и детского сада.

Мы будем рады всем, кто готов принять участие в работе Центра. Просим Вас обращаться в центральную штаб-квартиру РТО в Москве.

Российское Теософское Общество выражает благодарность Европейской Организации Международного Теософского Общества с центром в Пасадене (Калифорния) и лично председателю Общества г-же Грейс Ф. Нох за неоднократное пожертвование эзотерической литературы для нашей библиотеки. Особая благодарность выражается: г-ну Босма (Нидерланды) за осуществление пересылки книг и активную помощь в осуществлении наших контактов; г-ну Майклу Брину (Австралия) за подарок 14-ти томного собрания статей Е.П.Блаватской; Джозефине Уоллен (Т.О. в Портланде); Американскому Т.О. в Уитоне за регулярную присылку журнала «The American Theosophist»; г-ну Ричарду Слассеру издателю журнала «The High Country Theosophist» за материальную поддержку издательской деятельности РТО и регулярную присылку журнала; Нью-Йоркскому Теософскому Обществу за материальную помощь. Материальную помощь издательской работе РТО оказали также: Дара Эклунд (США), Нго т Хоа, Шиен, Лэм, Лэнг (Лонг Бич, Калифорния). Наша особая признательность директору Музея Н.К.Рериха в Нью-Йорке г-ну Даниилу Энтину за его огромный вклад в работу РТО, а также и за его личное денежное пожертвование и организацию сбора материальных средств на нужды издательской деятельности РТО.

The Russian Theosophical Society expresses deep gratitude to the European Orgainzation of the International Theosophical Society, the Center being in Pasadena, California, for repeatedly having made book donations of the esoteric literature for our library by Mrs Grace F. Knoche, Editor of «Sunrise» - Pasadena («FUNDAMENTALS OF THE ESOTERIC PHILOSOPHY by G.de Purucker, and «FOUNTAIN-SOURCE OF OCCULTISM» by the same author.

A special thankfulness is expressed to Mr. Bosma from Netherlands for realization bringing the books, as well as Mr. Michael Breen from Australia for 15 volumes of H.P. Blavatsky's works.

We are very much obliged to Miss Josephine Wollen from Th.S. in Portland for the esoteric books. The Theosphical Society in America in WHEATON for constant sending the magasine «American Theosophist». We also express our deep gratitude to Richard Slusser, Editor of «The High Country Theosophist» for his money donation and sending the magazine. We thank the Theosophical Society in New York for contribution of XT IBM clon compuor and money.

The Russian Theosophical Society thanks the following persons for their finacial donations: Mrs Dara Eklund, USA

Mrs. Ngo t Hoa; Thien, Lam, Lang from Long Beach, Cal. Director of the Nicholas Roerich Museu in New York being a Member of the Central Councl of the RTS, Mr. Daniel Entin deserves a special gratitude for his immense contribution to the work of the RTS as well as for his personal financial donation and for raising money for the RTO.

Наши авторы

Балу Андрей. (Литературный псевдоним Гнездилова Андрея Владимировича). Удивительный мастер сказки, теневой скульптуры и волшебного звона. Автор множества сказочных миниатюр в жанре русской романтической и волшебной прозы. Психотерапевт, кандидат медицинских наук, исследователь терапевтического воздействия колокольного звона. Создатель и руководитель первого в России хосписа. Принадлежит семье ветеранов русского теософского движения. Председатель Санкт-Петербургской секции Российского Теософского Общества.

Бандура Андрей Иванович. Музыковед, исследователь жизни и творчества А.Н.Скрябина. Глубокий знаток эзотерической стороны скрябинской философии. Сотрудник Музея А.Н.Скрябина. Автор фундаментального курса лекций, раскрывающего творческий мир великого композитора, и ряда публикаций в специализированных изданиях.

Бычихина Любовь Васильевна. Активный сотрудник Российкого Теософского Общества с 1991 года. Кандидат филологических наук. Специалист по тамильской литературе. Сотрудник Института мировой литературы. Неоднократно бывала в Индии (в т.ч. в Адияре) и теософских центрах Европы. Автор ряда публикаций о теософии в средствах массовой информации и академической периодике. В настоящее время живет и работает в Голландии.

Дроздова–Черноволенко Мария Филипповна. Вдова и председатель комиссии комиссии по наследию известного художника-импровизатора, принадлежавшего к группе «Амаравелла», В.Т.Черноволенко. Участник инициативной группы по возрождению Российского Теософского Общества и активный сотрудник по поддержанию международных контактов. Переводчик с английского материалов из наследия многих выдающихся теософов, таких как Ю.Н.Рерих, Е.П.Блаватская, Фр. ла Дью, У.К.Джадж.

Линник Юрий Владимирович. Философ, искусствовед, писатель, поэт. Доктор философских наук. Ведущий исследователь творчества русских художников-космистов, в частности группы «Амаравелла». Исследователь жизни и творчества Н.К.Рериха. Автор ряда художественно-философских повестей и поэтических сборников. Составитель и издатель многих книг и сборников поэтического и философского наследия русской литературы. Собиратель и хранитель прекрасной коллекции живописи русского космизма. Основатель и руководитель Фонда музея космического искусства им. Н.К.Рериха в Карелии. Живет в Петрозаводске.

Мелихова Марина Петровна. Молодая поэтесса, 1970 года рождения. Стихотворение в настоящем номере является первой публикацией ее творчества.

Тюрин Александр Юрьевич. Выпускник Института стран Азии и Африки Московского государственного университета. Кандидат исторических наук. Специалист по истории и философии Китая.

Фудько Юрий Ильич. Фольклорист, исследователь эзотерических сторон и традиций восточно-славянской народной культуры. Участник и организатор ряда экспедиций. Исполнитель в составе фольклорного коллектива «Казачий круг». Автор нескольких публикаций в средствах массовой информации.

Прошу считать меня подписчиком журнала "Вестник Теософии" и зарегистрировать мой адрес для почтовой рассылки номеров:

(индекс)

(адрес, разборчиво)

(Ф.И.О. полностью)

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Рукописи принимаются редакцией в машинописи, в двух экземплярах. Редакция оставляет за собой право, в случае необходимости, редактировать и сокращать полученные для публикации рукописи, не касаясь существа излагаемого. Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

К СВЕДЕНИЮ ИЗДАТЕЛЬСТВ И РЕДАКЦИЙ

При перепечатке произведений и материалов, помещенных на страницах нашего журнала, частичном их воспроизведении или использовании полученной в них информации, ссылка на "Вестник Теософии" обязательна. Просим также во всех перечисленных случаях присылать соответствующие экземпляры ваших изданий.

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ И РАСПРОСТРАНИТЕЛЕЙ

Подписаться на почтовую рассылку журнала Вы можете сделать заявкой, высланной открыткой в адрес редакции. Принимаются коллективные заявки. При приобретении оптовых партий предоставляется скидка.

Адрес редакции: 123022 Москва, Трехгорный Вал, 2, 49.

Телефон: (095) 205-23-78

- -

Отрезной талон-заявка на почтовую рассылку журнала.

Российское Теософское Общество

Теософское Общество было основано 17 ноября 1875 г. в Нью-Йорке Еленой Петровной Блаватской и Генри Олькоттом.

В 1976 г. центр его был перенесен в Индию, в Мадрас, где был приобретен дом (в Адьяре, предместье Мадраса), служащий с тех пор местопребыванием президента Общества.

Основатели Теософского Общества задались целью сделать доступной древнюю литературу, в которой хранятся духовные истины величайшей ценности для человечества. Общество основано в духе широкой терпимости. Цели Общества выражаются в трех параграфах его Устава:

1) Основать ядро международного братства без различия расы, веры, пола, касты, и т.п.
2) Поощрять сравнительное изучение религий, философий и наук.
3) Исследовать необъясненные законы природы и скрытые силы человека.

Члены Общества сохраняют полную свободу религиозных убеждений и, вступая в Общество, должны обещать такую же терпимость по отношению ко всякому иному убеждению и верованию. Общество образуется из ищущих истины, из людей, принадлежащих ко всем религиям или совсем не имеющих религии. Связь их состоит не в общих верованиях, а в общем стремлении к Истине. Терпимость вытекает естественно из убеждения, что Теософия есть совокупность духовных истин, которые лежат в основе всех религий, не будучи в исключительном владении ни одной. Она дает философию, освещающую смысл жизни и дающую познание законов психических и духовных. Она ставит смерть на свое истинное место, как один из мимолетных инцидентов бесконечной жизни, раскрывая путь к более полному и светлому существованию. Она возвращает миру духовное ведение, изучая человека, как духовную сущность, а тело и ум его — как орудия и слуг этой сущности. Она раскрывает более глубокое значение Святых Писаний и религиозных учений и, таким образом, оправдывает религию в глазах разума с такой же силой, с какой всегда оправдывает ее интуиция.

Теософия являет единство всех путей познания мира и человека в глобальном синтезе науки, религии, философии и искусства.

В России Теософское Общество основано в 1908 году в Санкт-Петербурге. Его легальная деятельность была насильственно прекращена в 1918 и возобновлена в 1991 году в Москве.

Общество осуществляет издательскую, научную, лекционно-концертную, выставочную и иную исследовательскую и духовно-просветительскую деятельность.

К сотрудничеству приглашаются все заинтересованные лица и организации.

Адрес: 123022, г. Москва, Трехгорный вал, д. 2, кв. 49.

Телефон: (095) 205-23-78

Зак. А-532. Тираж 5000 экз.
Отпечатано в типографии Татарского газетно-журнального издательства.
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

НЕТ РЕЛИГИИ ВЫШЕ ИСТИНЫ

Satyat Nasti Paro Dharmah